

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR OF *LEGEND*

M A R I E L U

THE
MIDNIGHT
STAR

Two ornate, silver swords with gold hilts are crossed in the center of the title, positioned between the letters 'A' and 'R' of the word 'STAR'.

A YOUNG ELITES NOVEL

Однажды тьма окутала мир, и у тьмы была королева.

Аделина Амутеру больше не страдает. Она отвернулась от тех, кто предал ее и добилась конечной мести, победы. Она триумфально царствует, как Белая Волчица, но с каждой победой ее жестокость только растет. Тьма внутри нее начала выходить из-под контроля, угрожая уничтожить все, чего она добилась.

Аделина вынуждена встревожить старые раны, когда появляется новая опасность, ставящая под угрозу не только Аделину, но и каждого из Элиты и тот самый мир, в котором они живут. Для того, чтобы спасти себя и сохранить свою империю, Аделина и ее Розы должны объединиться с Кинжалом в рискованном задании, хотя этот непростой Союз может оказаться настоящей опасностью.

Автор бестселлера Мари Лу завершает историю Аделины этой запоминающейся и гипнотизирующей последней частью из серии Молодой Элиты.

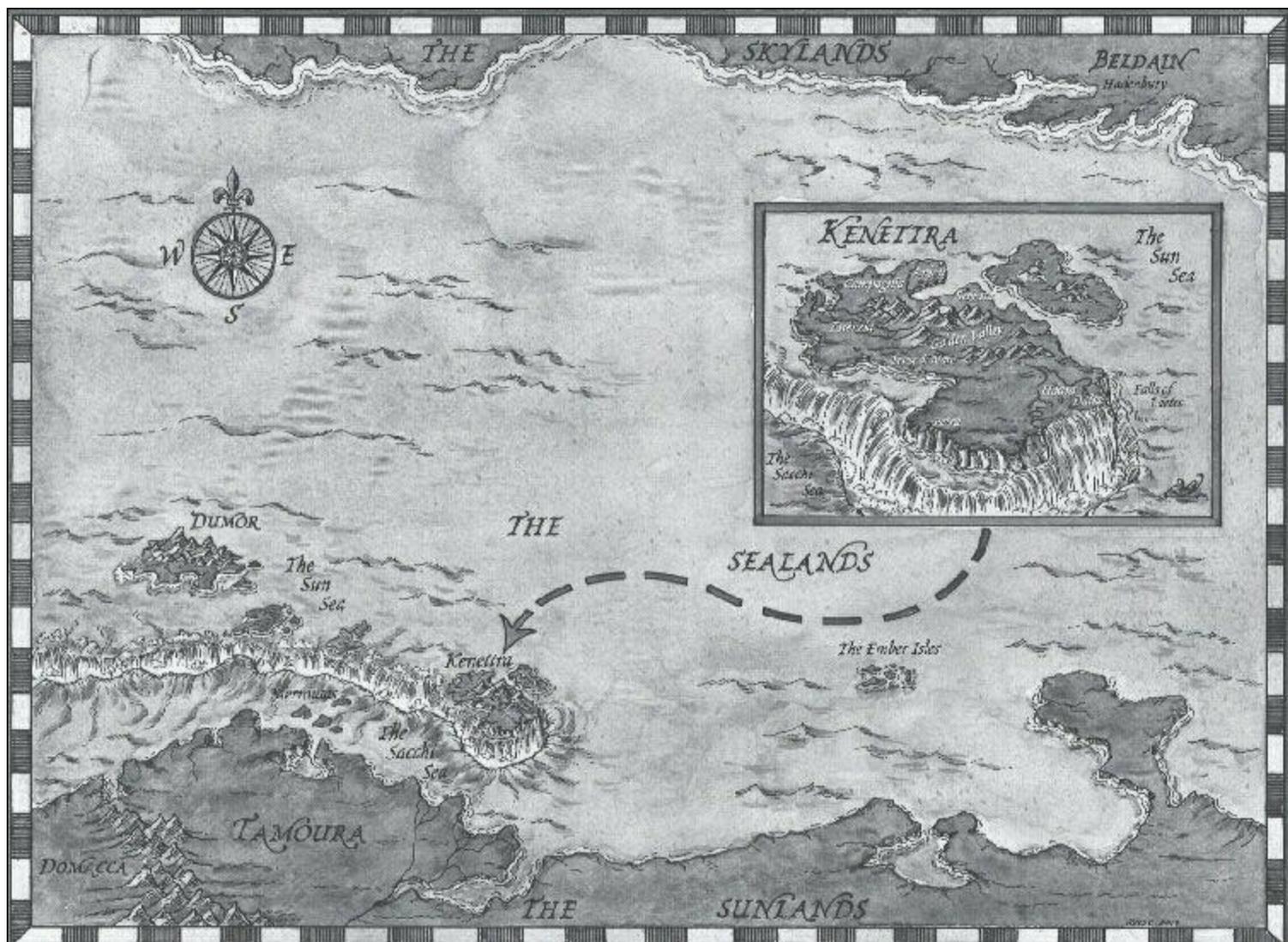
Мари Лу

Полуночная звезда

От переводчика:

Спасибо за то, что были со мной всё это время и продолжали читать этот перевод.
Wattpad, Adlin_06, та, что ни смотря ни на что, выбрала доброту.

Карта

Тем, кто не смотря ни на что, всё же выбирает доброту.

Я видел ее однажды.

Она прошла через нашу деревню, через поля покрытые трупами мертвых солдат после того, как ее силы сокрушили страну Дюмор. Ее Элита и отряды Инквизиторов в белых плащах, несущие бело-серебряные знамена Белой Волчицы, следовали за ней. Там, где они проходили, тускнели небеса и раскалывалась земля, облака собирались позади армии, будто живые существа, черные и кипящие в неистовой ярости. Словно пришла сама богиня Смерти.

Она остановилась, чтобы посмотреть на одного из наших умирающих солдат. Он дрожал на земле, но не сводил с нее взгляда. Он прошипел что-то ей. Она смотрела только на него. Я не знаю, что он видел в ее выражении лица, но его мышцы напряглись, ноги скользили в грязи, когда он тщетно пытался сбежать от нее. Тогда мужчина начал кричать. Звук, который я никогда не забуду до самой смерти. Она кивнула Повелителю Дождя, и он спустился с коня, чтобы вонзить меч в тело умирающего солдата. Ее лицо несколько не изменилось. Она просто поскакала дальше.

Я никогда больше не видел ее. Но даже теперь, будучи стариком, я помню ее так ясно, как будто она стоит передо мной. Она была воплощением льда. Однажды, тьма окутала мир, и у тьмы была королева.

— *показания свидетеля о осаде Дюмора королевой Аделиной. Деревня Пон-де-Терр*

28 Marzien, 1402

Тараннен, Дюмор, Морские Земли

Tarannen, Dumor The Sealands

Моритас была сослана в Подземный мир другими богами. Но Амаре, Бог любви, сжалился над молодой богиней с очернённым сердцем. Он приносил ей подарки из живого мира: лучи солнечного света, собранные в корзины, свежий дождь в стеклянных банках. Амаре влюбился — так как он имел привычку часто влюбляться — в Моритас, и его визиты стали причиной рождения Формидиты и Кальдоры.

— *«Изучение древних и современных мифов», Мордове Сеня.*

Аделина Амутеру

Один и тот же кошмар снится мне на протяжении последнего месяца.

Каждую ночь, без исключения.

Я сплю в королевских покоях во дворце Эстенции, когда меня будит скрипящий звук. Я сажусь в постели и осматриваюсь. Дождь хлещет в оконные стёкла. Виолетта спит рядом со мной, она прокралась в мою комнату во время грозы и лежит под одеялом, скрутившись в мою сторону.

Я снова слышу скрип. Дверь моей комнаты слегка приоткрыта и продолжает медленно открываться. За ней находится что-то ужасное, тьма полная когтей и клыков, что-то, чего я не вижу, но всегда знаю, что оно есть. Шелковая одежда на мне невыносимо холодная, как будто я по уши погружена в холодное море, и я не могу удержаться от дрожи. Я толкаю Виолетту, но она не отвечает.

Тогда я вскакиваю с постели и спешу, чтобы закрыть дверь, но я не могу. То, что находится за дверью слишком сильное. Я оборачиваюсь к сестре.

— Помоги мне! — я отчаянно зову её.

Она по-прежнему не двигается, и я понимаю, что она не спит. Она мертва.

Я испуганно просыпаюсь в той же кровати в той же комнате с Виолеттой, спящей рядом со мной. Просто кошмар, — говорю я себе. Мгновение я лежу, дрожа. Потом я слышу тот скрипящий звук и вижу, как дверь снова начинает открываться. Я снова вскакиваю с постели и спешу, чтобы закрыть дверь, зовя Виолетту. И снова я понимаю, что моя сестра мертва. Снова я буду просыпаться в той же кровати и видеть открытые двери.

Я просыпаюсь по сто раз, потерявшись в безумии этого кошмара, пока солнечный свет не пробивается в окна и, наконец, не сжигает этот сон.

Даже потом, спустя несколько часов, я не могу быть уверена, что я все ещё не во сне.

Я боюсь, что однажды ночью я никогда не проснусь. Я буду обречена закрывать эту дверь снова и снова, убегая от кошмара, в котором я навсегда, навечно потеряна.

* * *

Год назад рядом со мной скакала бы моя сестра Виолетта. Сегодня вместо неё — Серджо и моя Инквизиция. Они все в тех же белых одеждах, та же безжалостная армия, которую всегда знала Кенетра. Кроме того, конечно, что теперь они служат мне. Когда я смотрю на них, я вижу как, словно белые реки, их плащи контрастируют с хмурым небом. Я отворачиваюсь и возвращаюсь к осмотру сожженных домов, что мелькают, когда мы скачем мимо.

Кажется, я изменилась с того момента, когда впервые вступила на трон. Мои волосы снова выросли, теперь уже длинные и серебряные, как лист шлифованного металла, и я больше не ношу маски или иллюзии, чтобы скрыть шрамы на лице. Вместо этого, мои волосы собраны на затылке в пучок из косичек, в локоны которых впелетены драгоценные камни. Мой длинный тёмный плащ спускается за мной к копытам моей лошади. Моё лицо полностью открыто.

Я хочу, чтобы люди Дюмора видели свою новую королеву.

Наконец мимо проносится заброшенная площадь у храма, и я нахожу того, кого искала. Магиано оставил меня и кенетерианские войска сразу после того как мы вошли в город Таранен, разумеется, ушёл куда-то в поисках сокровищ, оставившись в домах, оставленных сбежавшими людьми. Это привычку он перенял сразу же после того, как я стала королевой, когда впервые обратила свой взор на государства и народы Кенетры.

Приближаясь по пустой площади к нам, он замедляет свою лошадь рядом со мной. Серджи бросает на него раздраженный взгляд, хоть ничего и не говорит. Магиано только подмигивает ему в ответ. Его беспорядочно длинные косички сегодня затянуты высоко на голове, разнообразие не сочетающейся одежды заменено на золотую броню и тяжёлый плащ.

Доспехи Магиано богато усеяны драгоценными камнями, и если бы кто-то видел нас впервые, то мог бы предположить, что король здесь он. Зрачки его глаз вытянуты в щёлки и он выглядит расслабленно под полуденным солнцем. На плечах перевязан набор музыкальных инструментов, а по бокам лошади свисают тяжелые звенящие сумки.

— Вы все потрясающе выглядите этим утром! — кричит он весело моим инквизиторам. Они склоняют свои головы. Всем известно, что открытый показ своего пренебрежения к Магиано означает мгновенную смерть от моей руки.

Я вскидываю бровь

— Охотился за сокровищами? — говорю я.

Он, дразня, кланяется мне.

— Я потратил всё утро, чтобы осмотреть один район этого города, — отвечает он, его голос равнодушный, его пальцы рассеянно перебирают струны лютни, привязанной перед ним. Даже этот незначительный жест, заставляет инструмент издать идеальный аккорд.

— Нам пришлось бы остаться тут на несколько недель чтобы собрать все ценные вещи, которые остались позади. Просто посмотри на это. Никогда не видел ничего так искусно обработанного в Мерутасе, а ты?

Он приближает свою лошадь. Теперь я могу видеть завёрнутый в ткань букет растений. Жёлтый чертополох. Синие маргаритки. Небольшой, изогнутый чёрный корешок. Я сразу же узнаю растения и подавляю маленькую улыбку. Не говоря ни слова, я открываю флягу у седла и, Магиано вручает букет так, что бы другие не видели. Только Серджи это замечает, но он просто смотрит и испивает воду из своей бутылки. Серджи жалуется на жажду уже несколько недель.

— Ты плохо спала прошлой ночью, — тихо говорит Магиано. Он растирает растения и смешивает их в моей воде.

Я была осторожна этим утром, соткав иллюзию на тёмные круги под глазами. Но Магиано всегда может сказать, когда меня мучают кошмары.

— Я буду спать лучше сегодня, после этого. — Я указываю на напиток, который он готовит для меня.

— Я нашёл чёрный корень, — говорит он, протягивая мне флягу. — Он растёт, как сорняк в Дюморе. Ты должна выпить немного ещё раз вечером, если хочешь сдержать... ну... Их.

Голоса. Я постоянно слышу их. Их отрывистые звуки, как облака шума прямо в моих ушах, они всегда со мной, никогда не молчат. Они шепчут мне, когда я просыпаюсь утром и когда я ложусь спать. Иногда они говорят глупости. Иногда, они рассказывают мне жестокие истории. Сейчас они издеваются.

Как мило, глумятся они, когда Магиано тянет свою лошадь в сторону и перебирает струны своей лютни. Он не очень любит нас, не так ли? Всегда старается держать нас подальше от тебя. Но ведь ты не хочешь, чтобы мы уходили, так ведь, Аделина? Мы же — часть тебя, мы рождены в твоей голове. И почему же такой сладкий мальчик всё-равно любит тебя? Разве ты не понимаешь? Он пытается изменить тебя. Прямо как и твоя сестричка.

Ты хоть помнишь её?

Я стискиваю зубы и отпиваю из фляги. Травы горчат на языке, но я принимаю этот вкус. Я должна выглядеть властвующей королевой, вторгнувшейся в новые земли. Я не могу позволить моим иллюзиям выйти из под контроля в присутствии моих новых подданных. Я сразу же чувствую, как напиток начинает действовать: голоса приглушаются, будто их оттолкнули подальше, а мир становится более осязаемым, выходя на передний план.

Магиано наигрывает другие аккорды.

— Я подумал, моя Аделинетта, — продолжает он в своей обычной, беззаботной манере, — что я собрал вполне себе достаточно лютен, безделушек и этих восхитительных маленьких сапфировых монет.

Он делает паузу, поворачивается в седле и выкапывает золото из одной из своих тяжёлых сумок. Он протягивает несколько монет с крошечными голубыми камнями, встроенными в их центры, каждая равна десяти золотым кенетерианским талантам.

Я смеюсь над ним, и позади несколько инквизиторов удивлённо шевелятся из-за звуков. Только Магиано может так легко меня развеселить.

— Что это? Великий принц воров вдруг поражен слишком большим количеством богатства?

Он пожимает плечами.

— Что мне делать с пятьюдесятью лютнями и десятками тысячами сапфировых монет? Если повесить ещё больше золота, я просто свалюсь с лошади. — Затем его голос немного затихает. — Я думал, что ты можешь раздать их новым подданным. Не обязательно дарить много. Несколько сапфировых монет каждому, горстки золота из королевской казны. Она уже переполнена, особенно после того, как Меррутас пал для тебя.

Моё хорошее настроение мгновенно падает, и голоса в моей голове запускаются. *Он говорит тебе купить преданность своих новых граждан.*

Любовь можно купить, разве ты не знаешь? В конце концов, ты ведь купила любовь Магиано. Только поэтому он все ещё здесь, с тобой. Не так ли?

Я делаю ещё глоток, отпивая из фляжки, и голоса снова понемногу исчезают.

— Ты хочешь, чтобы я оказала дюморцам немного доброты.

— Да, думаю это сможет уменьшить частоту нападений на тебя, — Магиано перестает играть на лютне. — В Меррутасе был убийца. Потом мы столкнулись с группой мятежников, когда твои войска вступили в Домакку. Саккористы, не так ли?

— Они никогда не добрались бы до меня.

— Однако, они убили нескольких твоих инквизиторов посреди ночи, сожгли твои палатки, украли твоё оружие. И, все же, не нашла их. Что насчёт инцидента в Северной Тамуралии, после того, как ты завоевала эту территорию?

— Какой инцидент ты имеешь в виду? — говорю я, мой голос становится холодным. — О нарушителях, ждущих в моих палатках? Взрыв на борту моего корабля? О мертвом меченом мальчике, оставленного возле нашего лагеря?

— И об этом тоже, — отвечает Магиано, махнув рукой. — Но я имел ввиду то, когда ты игнорировала письма от членов королевской семьи Тамурунии, Золотой Триады. Они предложили перемирие, моя Аделинетта. Северные земли в обмен на освобождение своих пленных и возвращение сельских угодий возле их единственной крупной реки. Они предложили тебе очень щедрую торговую сделку. И ты послала своего посла обратно с твоим флагом, смоченным в крови их павших воинов. — Он одарил меня укоряющим взглядом. — Кажется, я предлагал что-то меньшее.

Я качаю головой. Мы уже спорили об этом, когда прибыли в Тамурунию, и я не собираюсь снова обсуждать это.

— Я здесь не для того, чтобы заводить друзей. Наши войска успешно захватили их северных территорий независимо от их сделок. И я заберу остатки Тамурунии.

— Да, ценой в трети твоей армии. Что произойдет, когда ты попытаешься захватить то, что осталось от Тамурунии? Когда Бельдайн нападет на тебя снова? Уверен, королева Мэв наблюдает за тобой, — он глубоко вздыхает. — Аделина, ты — Королева Моских Земель. Ты присоединила Домакку и Северную Тамурунию на Морских Землях. В какой-то степени, твоя цель должна быть — не завоевать больше территорий, а сохранить порядок на тех территориях, которые у тебя есть. Тебе не достичь этого, если ты будешь приказывать инквизиторам вытаскивать немеченных граждан на улицы и клеймить их раскалённым железом

— Ты считаешь меня жестокой.

— Нет. — Магиано достаточно долго колеблется. — Может быть, немного.

— Я не мечу их, потому что я жестокая, — спокойно говорю я. — Я делаю это, как напоминание о том, что они сделали с нами. Мечеными. Ты это так быстро забыл.

— Я никогда не забуду, — отвечает Магиано. На этот раз в его тоне появляется небольшая резкость. Его рука касается бока, где его продолжает тревожить рана детства. — Но клеймирование твоим символом не сделает их более преданными тебе.

— Это заставляет их бояться меня.

— Страх работает лучше всего с любовью, — говорит Магиано. — Покажи им, что ты можешь быть страшной, но щедрой. — Звенят золотые украшения в локонах его кос. — Позволь людям немного полюбить тебя, моя Аделинетта.

Моя первая реакция — злость. Всегда эта любовь у этого несносного воришки. Я должна казаться сильной, чтобы контролировать свою армию, и мысль, что я раздам золото людям, которые когда-то жгли меченых на костре, вызывает у меня сильное отвращение.

Но в словах Магиано есть смысл.

Рядом с другой стороны молча едет Серджо, мой Повелитель дождя. Его кожа бледна, и, кажется, что он ещё не полностью оправился от простуды, которую перенес несколько недель назад. Но он молчит и старается не показывать этого, но все же катается в свой плащ, хоть погода достаточно жаркая.

Я отворачиваюсь от Магиано. Мне нечего сказать. Он тоже смотрит в сторону, но улыбка играет на уголках его губ. Он понимает, что я обдумываю его предложение. Как он так хорошо читает мои мысли? Это раздражает меня ещё больше. Но, по крайней мере, я благодарна ему за то, что он не упомянул Виолетту, не подтвердил вслух, зачем я приказываю инквизиторам выводить немеченных на улицы. Он знает, что я ищу. Ищу её.

Почему ты все ещё хочешь найти её? Шёпоты передразнивают меня.

Почему? Почему?

Этот вопрос они задают снова и снова. И мой ответ всегда один. Потому что я решаю, когда она может уйти. Не она.

Но независимо от того, сколько раз я отвечала шёпотам, они всё-равно спрашивают, потому что они не верят мне.

Мы доехали до центрального округа Таранена и хотя он выглядит пустынно, глаза Серджо сосредотачиваются на зданиях вокруг главной площади. В последнее время повстанцы, известные как Сакористы — знаменитые как «анархисты» в Домакке — напали несколько раз на наши войска. Поэтому Серджо постоянно ищет скрытых мятежников.

Высокая арка ведёт на главную площадь, её камни выгравированны сложной цепью лун во всех её фазах. Я прохожу под ней с Серджо и Магиано, затем останавливаюсь перед морем дюморанских пленников. Моя лошадь в нетерпении бьёт землю. Я сажусь прямее и поднимаю подбородок, чтобы не показывать своё истощение.

Конечно же, что ни один из этих дюморанцев не меченый. Те, что в цепях вообще не тронуты метками, те люди, которые выбрасывали протухшие продукты на меня и требовали моей смерти. Я поднимаю руку, делая знак Серджо и Магиано; они отводят своих коней от меня, чтобы стоять по краям площади, перед народом.

Мои инквизиторы тоже становятся на свои места. Наши пленники отпрянули при виде нас, их взгляды нерешительно направлены на меня. Так тихо, что если я закрою глаз, я могла бы притвориться, что я стою одна в этом квадрате. Однако, я чувствую облако ужаса, окутавшее их, волны их нежелания и неуверенности пропирающие до костей. Шепоты в моей голове вырываются, словно голодные змеи преследующие мышей, жаждут питаться страхом.

Я подталкиваю своего коня вперед на несколько шагов. Мой взгляд пробегает по людям на крышах площади. Даже сейчас, я инстинктивно ищу лицо Энцо, притаившегося где-то там, как он обычно это делал.

Притяжение между нами, нити, которые связывают его со мной, напрягаются, как будто там за морем он знает, что Дюмор пал перед моей армией. Хорошо. Я надеюсь, что он чувствует мой триумф.

Моё внимание возвращается к пленным.

— Люди Дюмора, — мой голос распространяется по всей площади, — я, Королева Аделина Амутеру. Теперь я ваша королева.

Мой взгляд метается от одного человека к другому.

— Вы все являетесь частью Кенетры и можете считать себя кенетерианцами. Вы можете гордиться, ибо вы принадлежите к нации, которая скоро будет править всем. Наша империя продолжает расти, и вы можете расти вместе с ней. С этого дня, вы должны соблюдать все законы Кенетры. Называя меченого человека Мальфетто, последует кара смертью. Будете домогаться или жестоко обращаться с меченым человеком по любой причине, подвергните казни не только себя, но и всю вашу семью. Знайте, меченые мечены руками богов. Они неприкасаемы и являются вашими хозяевами. В обмен на вашу преданность, каждый из вас получит в подарок пять дюморских саффотонов и пятьдесят золотых кенетерианских талантов.

Люди недоуменно перешёптываются, и когда я смотрю в сторону, я ловлю благодарный взгляд Магиано.

Серджо спрыгивает с коня и идёт вперёд с небольшой группой бывших наемников. Они идут сквозь толпу, выбирая людей, вытягивая их вперёд, где Серджо заставляет их всех

опуститься на колени передо мной. Страх нахлынул на этих выбранных. Так и должно быть.

Я вглядываюсь в них. Как и ожидалось, всех те, кого избрали Серджо и его команда — сильные, мускулистые мужчины и женщины. Они дрожат, склонив головы.

— У вас есть шанс присоединиться к моей армии, — говорю я им. — Если вы это сделаете, вы будете тренироваться с моими лидерами. Вы поедете со мной в Солнечные земли и Земли неба. Вы будете вооружены, накормлены и одеты, о ваших семьях позаботятся.

Магиано спускается со своего жеребца и приближается к ним. Каждому из них он демонстративно подкидывает тяжелые мешочки золота, кенетерианских таленов перед ними. Выбранные наблюдают. Один из них хватается за мешочек так отчаянно, что монеты падают, сверкая в свете.

— Если вы откажетесь от моего предложения, вы и ваша семья будет сидеть в тюрьме. — Мой голос углубляется. — Я не буду терпеть потенциальных повстанцев в моём окружении. Покажите мне свою верность, и я клянусь, что обещание будет стоить этого.

Краем глаза я вижу, как Серджо беспокоенно зашевелился. Его глаза пробегают по всей площади. Я напрягаюсь. Мне хорошо известно, что Серджо может чувствовать опасность. Он бормочет что-то своим мужчинам, и они уходят в тень, исчезая за воротами.

— Клянетесь ли вы? — спрашивает их Магиано.

Они отвечают одновременно, не задумываясь. Я взмахиваю рукой, чтобы они поднялись, и патруль инквизиторов подходит, чтобы увести их. Больше трудоспособных мужчин и женщин предстает передо мной. Мы повторяем один и тот же ритуал с ними. Затем, другая группа. Так проходит час.

Кто-то в одной из групп отказывается от клятвы. Она плюет на меня, называет меня дюморским словом, которого я не понимаю. Я смотрю на неё, но она не отступает. Вместо этого она дует губы. Упрямо.

— Вы хотите, чтобы мы боялись вас, — рычит она на меня, говоря на кенетерианском языке, но с акцентом. — Вы думаете, что вы можете прийти сюда и разрушить наши дома, убить наших близких, заставить нас приклониться к вашим ногам. Вы думаете, мы продадимся вам за несколько монет. — Она поднимает подбородок. — Но я не боюсь тебя.

— Серьёзно? — Я склоняю голову на бок с любопытством. — А ведь должна.

Она вызывающе улыбается.

— Ты не можешь даже пролить нашу кровь самостоятельно. — Она кивает в сторону Серджо, который уже начал вытягивать свой меч. — У тебя есть прислужники, делающие все это вместо тебя. Трусливая королева, прячущаяся за своей армией. Но вы не можете сокрушить наш дух. Ты и твои Розы не могут выиграть.

Когда-то, возможно, я могла бы испугаться таким словам. Но я просто вздыхаю. Видишь, Магиано? Вот что происходит, когда я показываю доброту. Поэтому я спускаюсь с своего коня, пока женщина продолжала свою речь. Серджо и Магиано молча смотрят на меня.

Женщина продолжает говорить, даже когда я останавливаюсь перед ней.

— Наступит день, когда мы свергнем тебя, — говорит она. — Попомни мои слова. Мы будем преследовать тебя в кошмарах.

Я сжимаю кулаки и протягиваю иллюзию боли по всему её телу.

— Я и есть ваш кошмар.

Глаза женщины расширяются. Она издает задыхающийся крик, подает на землю,

цепляясь пальцами за грязь. Вся толпа позади одновременно вздрагивает, а глаза и головы отворачиваются от этого зрелища. Ужас, вытекающий из неё, питает меня, и голоса в голове взрываются восторженными криками в моих ушах. *Отлично. Продолжай.* Пусть боль заставит её сердце биться так быстро, что она лопнет. Я слушаюсь.

Мои кулаки сжимаются крепче, я вспоминаю ту ночь, когда я забрала первую жизнь, когда я стояла над телом Данте. Женщина бьётся в конвульсиях, она в ужасе озирается, видя монстров, которых не существует. Алые капли слетают с её губ. Я отшагиваю назад, чтобы не запятнать подол моего платья её кровью.

Наконец женщина замирает и падает, потеряв сознание.

Я спокойно отворачиваюсь спиной к оставшимся пленникам, которые стали настолько неподвижны, словно статуи. Я могу разрезать их ужас ножом.

— Кто-то ещё? — мой голос откликается эхом по площади. — Нет? — Тишина затягивается.

Я наклоняюсь. Мешок монет, который Магиано кинул в женские ноги, теперь лежит нетронутым рядом с её телом. Я деликатно подбираю его двумя пальцами. Затем подхожу к своей лошади и поднимаюсь в седло.

— Как видите, я держу своё слово, — призываю я к остальной толпе. — Не пользуйтесь моей щедростью, и я не воспользуюсь вашей слабостью.

Я швыряю мешочек монет ближайшему инквизитору.

— Сковать в цепи и разыскать её семью.

Мои солдаты тащат женщину, и передо мной предстает новая группа. На этот раз каждый принимает своё золото спокойно и каждый склоняет свою голову. Я киваю в ответ. Процедура продолжается без инцидентов. Если я что-то и поняла из моего прошлого и моего настоящего, так это то, что страх — это сила. Можно благородно давать подданным все, что имеется, но они всё-равно будут жаждать большего. Но те, что боятся, не могут сопротивляться. Я хорошо это понимаю.

Солнце поднимается все выше, и ещё две группы приносят клятвы верности.

Внезапно на свету сверкает что-то острое. Мой взгляд взмечается вверх.

Лезвие, похожее на тонкую иглу, выпущенную откуда-то с крыш.

Инстинктивно я призываю свою силу и тку иллюзию невидимости вокруг себя. Но я не достаточно быстро реагирую. Кинжал летит прямо в мою руку, прорезаясь через кожу. Я отшатываюсь назад, и моя невидимость исчезает.

Пленники кричат, затем раздаётся звук сотен мечей, когда инквизиторы вытягивают свои лезвия из ножен. Магиано приближается раньше, чем я могу почувствовать его присутствие. Он тянется ко мне, когда я пошатываюсь на месте, но я отмахиваюсь.

— Нет, — умудрясь сказать я. Я не могу позволить, чтобы дюморианцы видели меня, истекающую кровью. Это то, из-за чего они могут восстать.

Я жду ещё стрел и кинжалов выпущенных с крыш, но их нет. Вместо этого на другом конце площади появляются Серджо и его люди. Они тащат четырёх... пятерых человек. Сакорристы. Они одеты в одежду песочного цвета, чтобы сливаться со стенами.

Мой гнев снова возрастает, и боль и кровь на руке только подпитывает мою энергию. Я не жду пока Серджо доставит их. Я сразу же накидываюсь. Я тянусь к небу, тку, используя страх толпы и силы внутри себя.

Небо приобретает странный темно-синий, затем красный оттенок. Люди кричат. Тогда я тянусь к мятежникам и окутываю их иллюзиями. Они горбятся в руках наемников, затем

изгибают спины, когда чувствуют, что в их лёгких пропадает воздух. Я стискиваю зубы и укрепляю иллюзию.

Воздух теперь не воздух, а вода. Вы тонете в центре этой площади, и вы не можете выплыть из неё.

Серджо освобождает их. Они падают на колени, пытаются дышать, и скребятся о землю. Я увеличиваю иллюзии, протягивая их для пленников на площади, а затем набрасываюсь на всех них.

Чистая и острая боль одолевает всех пленников, неспособных подняться с земли. Они кричат, царапают свою кожу, словно чувствуя, как её раздирают раскаленной кочергой, вырывают свои волосы, словно муравьи ползут по прядям, кусая их за кожу на голове. Я наблюдаю, как они страдают, позволяя своей боли стать их болью, пока, наконец, не сгоняю волну иллюзий прочь.

Толпа рарывается в всхлипах. Я не смею использовать иллюзию для раны в руке, вместо этого, я сосредотачиваю свой тяжёлый взгляд на людях.

— Вот так, — говорю я. — Вы сами все видели. Я ожидаю только преданности. — Моё сердце колотится в груди. — Посмеете предать меня или любого из моих приближенных, и поверьте, о смерти вы будете умолять сами.

Я киваю своей армии, чтобы они окружили мятежников. Только тогда, когда белые одежды инквизиторов собираются вокруг меня, скрывая от всех, я поворачиваю коня и уезжаю с площади. Мои Розы скачут следом. Когда я, наконец, исчезаю из виду, я позволяю себе опустить плечи и ссутулиться.

Магиано ловит меня, и я прижимаюсь к его груди.

— Обрато к палаткам, — шепчет он, обнимая меня. Его выражение напряжено, полное пониманием. — Ты должны зашить рану.

Я жмусь к нему, осушенная после внезапной потери крови и вихря иллюзий.

Ещё одна попытка убийства. Когда-нибудь, мне может так не повезти. В следующий раз, когда мы вступим в завоеванный город, они могут напасть на меня и Роз, что мы можем не успеть среагировать. Я не Терен, мои иллюзии не могут защитить меня от пореза ножа.

Мне нужно устранить этих мятежников прежде, чем они могут стать реальной угрозой. Мне нужно сделать жестокий пример на их смерти. Мне нужно быть более безжалостной.

Теперь это моя жизнь.

Рафаэль Лоран Бассет

Шум прибоя напоминает Рафаэлю штормовые ночи в Эстенции. Хотя здесь, в Солнечных землях Тамуралии, нет каналов, по которым гандолы могли бы покинуть свои причалы, чтобы дрейфовать вдоль каменных стен. Есть только пляж, покрытый красным и золотым песком, и земля, поросшая карликовыми кустарниками и редкими деревьями. Высоко на холме раскинулся дворец с видом на океан, его загадочный ночной силуэт, освещенный светом фонарей у главного входа.

Сегодня вечером в окна одной из комнат дворца дует теплый ветерок ранней весны, и пламя свечи подрагивает, угрожая потухнуть. Энцо Валенсиано сгорбившись сидит на позолоченном стуле, сложив руки на коленях. Локонь его темных волос спадают на лицо, челюсти сжаты. Его глаза полны болью, а щеки мокрые от слез.

Рафаэль склоняется на колени перед ним и аккуратно снимает белые повязки, идущие вверх по рукам принца до самых локтей. Комнату заполняет запах горелой плоти и приторно-сладкий запах мази. Каждый раз Рафаэль развязывает повязку, отдергивая ее с прилипшей кожей, отчего Энцо болезненно сжимает зубы. Его рубашка пропиталась потом и свободно висит на теле. Рафаэль скручивает бинты в рулоны. Он чувствует ту агонию, парящую над принцем, и это чувство жжет его сердце так, будто эти раны его собственные.

Под бинтами руки Энцо покрыты сплошными ожогами, которые никогда не заживут. Шрамы и раны, покрывавшие руки принца ранее, теперь распространились дальше после битвы с Аделиной в Эстенцианской гавани. Огонь сделал свое дело, уничтожив почти весь Бельдийский флот Королевы Мэв.

Кусочек кожи отрывается вместе с повязкой. Энцо не может сдержать тихий стон.

Рафаэль вздрагивает при виде обугленной плоти.

— Хочешь сделать перерыв? — спрашивает он.

— Нет, — процеживает Энцо сквозь зубы.

Рафаэль подчиняется. Медленно, кропотливо он снимает последнюю повязку с правой руки Энцо. Теперь обе руки принца открыты.

Рафаэль вздыхает и затем достает чашу с чистой холодной водой, которая была рядом. Он ставит ее на колени Энцо.

— Вот, — говорит он, — намочи.

Энцо опускает руки в холодную воду и медленно выдыхает. Они сидят в тишине какое-то время, позволяя минутам растягиваться. Рафаэль разглядывает Энцо. День за днем принц становился все более замкнутым, а его взгляд все чаще устремляется с тоской к морю. В воздухе появилась новая энергия, которую Рафаэль не может определить.

— Ты все еще чувствуешь связь с ней? — спрашивает наконец Рафаэль. Энцо кивает. Он инстинктивно оборачивается к окну, в сторону моря.

Проходит долгое время, прежде чем он отвечает.

— В некоторые дни ее нет. Не сегодня вечером.

Рафаэль ждет продолжения, но Энцо вновь впадает в глубокое молчание, его внимание приковано к океану. Рафаэль догадывается, о ком думает Энцо. Это не Аделина, а девушка — которая давным давно ушла в счастливые моменты прошлого.

Через некоторое время, Рафаэль убирает с колен принца чашу и осторожно вытирает руки Энцо, а затем накладывает слой мази на обожженную кожу. Это старый рецепт, который Рафаэль использовал в Суде Фортуны, когда Энцо пришел к нему ночью на перевязку. Теперь же суда нет. Королева Мэв вернулась в Бельдайн зализывать раны и восстанавливать флот. И Кинжалы пришли сюда, в Тамуранию, во всяком случае, в то, что от нее осталось. Инквизиторы Аделины расположились на холмах на севере Тамурании.

— Есть какие-нибудь новости об Аделине? — спрашивает Энцо, пока Рафаэль достает свежие бинты.

— Столица Дюмора пала под натиском ее армии, — отвечает он. — Теперь она правит всем в Морских землях.

Энцо снова устремляет взгляд к морю, словно снова ищет вечную связь между собой и Белой Волчицей, и его взгляд кажется очень далеким.

— Вскоре она вновь заинтересуется Тамуранией, — говорит он.

— Я не удивлюсь, если ее корабли покажутся у наших границ, — соглашается Рафаэль.

— Золотая Триада встретится с нами завтра?

— Да, — Рафаэль смотрит на принца. — Правители Тамурании говорят, что их армия все еще ослаблена после последней осады Аделины. Они хотят попробовать снова провести с ней переговоры.

Энцо осторожно двигает пальцами левой руки и затем морщится.

— И что ты об этом думаешь?

— Это пустая трата времени, — качает головой Рафаэль. — Аделина без колебаний отклонила их попытку в прошлый раз. Тут не о чем говорить. Что могут ей предложить правители, чего она не сможет взять силой?

Тишина снова покрывает их, возможно, она единственный ответ на вопрос Рафаэля. Он продолжает накладывать повязки на руки Энцо, стараясь игнорировать шум волн. Звук морского прибоя за окном. В темноте горит пара ярких свечей. Стук в дверь.

Всплывают нежеланные и неожиданные воспоминания, руша стены, построенные Рафаэлем вокруг собственного сердца после смерти и воскрешения Энцо. Он больше не занимается ранами принца, он ждет, напуганный в своей опочивальне в Суде Фортуны год назад, смотрящий на море людей в масках.

Казалось, весь город собрался, чтобы увидеть дебют Рафаэля. Дворяне и дворянки, одетые в тамуранские шелка и кружева Кенетры, развевающиеся по комнате, их лица, наполовину скрытые под красочными масками, их смех вперемешку со звоном хрусталя и шуршанием обуви. Остальные консорты движутся среди них, изящные и элегантные, подающие напитки и блюда из замороженного винограда.

Рафаэль стоит в центре зала, скромная юность, одетая и ухоженная до пика совершенства, его волосы — занавес темного атласа, развивающиеся бело-золотые одежды, черная пудра, обрамляющая глаза цвета драгоценного камня, изучающие толпу любопытных участников торгов. Он помнит, как тряслись его руки, как он сжимал их, чтобы хоть немного успокоить. Он был обучен эмоциям, которые позволялось показывать на лице, тысячи различных тонкостей для губ, бровей, щек и глаз, и совершенно неважно, совпадают ли они с его настоящими эмоциями.

Поэтому, в тот момент, на его лице ясно читалось безмятежное спокойствие, робкая привлекательность и нежное удовольствие, тихое, как снег, отсутствие страха.

Сейчас и тогда энергия в комнате, казалось, нарастает. Рафаэль машинально

поворачивает голову в сторону, не уверенный, что он чувствует. Сначала он думал, что его разум играет с ним, пока не понял, что энергия исходит от незнакомого юноши, скользящего в толпе. Рафаэль следил за ним, замороженный силой, которая, казалось, следовала по его пути.

Торги начались с высоких ставок и взмывали лишь выше. Они росли и росли так, что Рафаэль уже не мог разобрать цифр, звуки вокруг него начали размываться. Другие консорты перешептывались между собой. Он никогда не слышал таких невероятно скачущих сумм на аукционе раньше, и странным было то, что его сердце билось все чаще, а руки тряслись все сильнее. Такими темпами он мог не дожить до конечной выплаты победителя.

И затем, когда торги начали стихать, молодой слуга, прячущийся в толпе, поднял самую высокую ставку вдвое.

Спокойное выражение на лице Рафаэля впервые дрогнуло, когда по комнате пронеслось перешептывание. Мадам предложила повысить ставку, но никто этого не сделал. Рафаэль стоял в тишине, когда слуга выиграл аукцион.

Тем вечером Рафаэль зажег дрожащими руками несколько свечей и одиноко сидел на краю кровати. На шелковых покрывалах, отделанных золотой нитью и кружевом, в воздухе кружил аромат ночной лилии. Шли минуты. Он слушал шаги, приближающиеся к его покоям, и повторял про себя уроки, которым учили его старшие консорты на протяжении многих лет.

Казалось, прошла целая вечность, пока он не услышал то, чего ожидал услышать за дверью. Спустя несколько мгновений раздался стук в дверь.

Все будет хорошо, прошептал Рафаэль, не веря в правдивость своих слов.

Он встал и повысил голос.

— Входите, пожалуйста.

Прислуга отворила дверь. Молодой человек в маске зашел в покои с изяществом и грацией опытного хищника. Дверь за ним закрылась, как только он потянулся к лицу, чтобы снять маску.

Глаза Рафаэля раскрылись от удивления. Это был тот самый незнакомец, которого он заметил в толпе. Он смущенно отметил, что незнакомец был достаточно привлекателен — темные кудри волос собраны на затылке в низкий хвост, его глаза обрамляли длинные черные ресницы, а в радужках глаза алели багровые нити. Он стоял, высокий, и не улыбался. Энергия, которую Рафаэль ощущал на торгах, окутывала незнакомца слоями. Огонь.

Пламя. Амбиции. Рафаэль смущенно покраснел. Он знал, что ему следует предложить незнакомцу приблизиться, сесть на кровать. Но в тот момент он не мог думать.

Молодой человек двинулся вперед. Остановившись перед Рафаэлем, он завел руки за спину и кивнул. Рафаэль почувствовал, как энергия снова растет, зазывая его, и он не мог поступить по-другому, поэтому взглянул на незнакомца снова. Рафаэль заставил себя улыбнуться молодому человеку, так, как его учили многие годы.

Незнакомец заговорил первым.

— Ты заметил меня в толпе. Я видел, ты следил за мной. Почему?

— Полагаю, вы привлекли меня, — ответил Рафаэль, опуская глаза и позволяя жару окрасить его щеки. — Как вас зовут, сэр?

— Энцо Валенсиано. — Голос незнакомца был мягок и глубок, как шелк, скрывающий сталь.

Взгляд Рафаэля вернулся к нему. Энцо Валенсиано. *Не это ли имя опозоренного принца*

Кенеттры? Только тогда, в тусклом свете, Рафаэль заметил, что волосы парня глубокого красного цвета, такого глубокого, что они кажутся черными. *Метка.*

Бывший наследный принц.

— Ваше Высочество? — прошептал Рафаэль так взволнованно, что даже и не подумал о поклоне.

Молодой человек кивнул.

— Боюсь, что у меня нет намерения завершать твою дебютную ночь.

Видение испаряется, когда слышится стук в дверь. Рафаэль и Энцо одновременно смотрят в сторону звука, Рафаэль тяжело и протяжно вздыхает, загоня воспоминание глубоко в свой разум, будто надевает на голову повязку.

— Да? — кричит он, откладывая бинты.

— Рафаэль? — несмело отвечает робкий голос. — Это я.

Он раскатывает рукава.

— Входи.

Дверь открывается, и Виолетта нерешительно входит в комнату. Ее взгляд сначала встречается со взглядом Рафаэля, а затем метается на Энцо, сидящего с руками на коленях.

— Прошу прощения, что прерываю вас, — говорит она. — Рафаэль, что-то странное происходит у берега. Я подумала, что ты захочешь посмотреть.

Рафаэль неуверенно хмурится. Значит Виолетта тоже почувствовала что-то зловещее. Она выглядит бледной, ее оливковая кожа посерела, ее пухлые губы сжаты в тонкую линию, а волосы собраны под тамуранским платком.

Она нашла «Кинжалов» почти год назад. Целую неделю она пыталась найти нужные слова, чтобы рассказать Рафаэлю о том, что произошло между ней и ее сестрой, а потом потратила еще неделю, умоляя сквозь слезы помочь Аделине. С тех пор она всегда была с Рафаэлем, работая с ним, развивая свои способности, пока он учил ее концентрироваться на энергии других. Она была хорошей ученицей. Потрясающей ученицей.

Она так напоминает ему Аделину. Если бы он позволил себе, он мог бы представить себе, что смотрит на молодую Королеву Морских земель, пока она не отвернулась от них. Пока ей можно было помочь. Эта мысль всегда печалила его. *Моя вина в том, что Аделина стала такой. Моя вина в том, что уже слишком поздно.*

Рафаэль кивает Виолетте.

— Я приду через минуту. Подожди снаружи.

Когда Виолетта уходит, он заканчивает перевязывать руки Энцо, и затем устало потирает шею. Слишком много недель подряд, растянувшихся на месяцы, он провел, стараясь залечить раны Энцо. Каждый раз, когда они начинали исцеляться, все становилось лишь хуже.

— Попробуй поспать, — говорит ему Рафаэль.

Энцо не реагирует. Его лицо бледное от боли. Он одновременно здесь и нет.

Как давно они потеряли его на арене? Два года? Кажется, это было целую вечность назад, вечность, с последнего раза, когда Рафаэль видел принца по-настоящему живым, огонь в нем горит ярко алым пламенем. Он не хочет сейчас давать Энцо поводов для страдания, давать ему знать, как его присутствие, наполовину в реальности, наполовину в Подземном мире, ранит тех, кто его любит. Вместо этого Рафаэль идет к двери и покидает комнату.

В преддверии лета в Солнечных землях теплая ночь, и жар дня все еще витает в

коридорах. Рафаэль и Виолетта прогуливаются в тишине под фонарями, проходя сквозь свет и тень. У каждой двери он может почувствовать энергию каждого из своих «Кинжалов», находящихся в комнатах. Мишеля, который закрылся на долгие дни после смерти Джеммы, потеряв способность в рисовании. Люсента, комната которой пульсирует беспокойством. Рафаэль чувствует, что она не спит, наверное, смотрит в окно на берега. Кости Люсенты продолжают разрушаться и она постоянно чувствует боль, которая делает ее вспыльчивой и озлобленной. Мэв первая пыталась просить Люсенту вернуться с ней в Бельдайн, даже предлагала деньги и пыталась приказывать, но Люсента отказывалась. Она осталась в «Кинжале», чтобы сражаться с ними до последнего вздоха. Через некоторое время Мэв пришлось увести своих солдат домой. Но королева Бельдайна все еще еженедельно пишет письма, интересуясь здоровьем Люсенты, иногда посылая травы и лекарства. Ничто не помогает... Рафаэль знает, что ничего не поможет, болезнь Люсенты вызвана чем-то, что кроется глубоко в ее собственной энергии.

Последняя комната когда-то принадлежала Лео, лысому мальчику, которого Рафаэль привел к «Кинжалам», и который владел силой яда. Сейчас комната пуста. Лео умер в прошлом месяце. Доктор сказал Рафаэлю, что это случилось из-за продолжительной инфекции легких. Но Рафаэля представляет совсем иную возможную причину — тело Лео восстало против самого себя, отравляя себя изнутри.

Какая слабость скоро проявится в нем?

— Я слышала о последнем завоевании Аделины, — говорит Виолетта, когда они наконец-то достигают ступеней, ведущих из замка.

Рафаэль лишь кивает.

Виолетта украдкой смотрит на него.

— Думаешь...?

Как сильно она старается. Сердце Рафаэля тянется к ней, желая утешить, но все, что он может сделать — взять ее за руку и временно усмирить ее беспокойство. Он качает головой.

— Но... Я слышала, она предлагает щедрые платы горожанам Дюмора, — отвечает Виолетта. — Она более щедра, чем могла бы быть. Возможно, если бы мы только могли найти способ...

— Ей не помочь, — тихо говорит Рафаэль. Ответ, который он давал уже так много раз. Он не уверен, верит ли в это, не полностью, но он не может позволить себе дать Виолетте надежду, только чтобы потом разрушить ее. — Мне очень жаль. Нам нужно сконцентрироваться на защите Тамураии, перед следующим ходом Аделины. Нам нужно где-то обосноваться.

Виолетта смотрит на горизонт и кивает.

— Конечно, — говорит она, как будто убеждая себя.

Она не похожа на других. Она, как драгоценный камень, со страхом, сочувствием и наслаждением, но у нее нет никакой метки. Ее способность отбирать чужие силы для него не проста. И все же, Рафаэль не может отвергнуть ее и тот комфорт, который приносит знание, что она, как и он, может чувствовать мир вокруг.

Ни одна из трех лун, и никакая звезда не видны этой ночью; только тучи покрывают небо. Рафаэль предлагает Виолетте свою руку, когда они спускаются по каменной тропинке. Намеки на что-то страшное витают в теплом ветре, покалывающем кожу. Когда они идут по границе усадьбы, в поле их зрения появляется берег, полоска белой пены, разбивающаяся о черное пространство.

Теперь Рафаэль чувствует, что беспокоит Виолетту. Прямо у берега, где песок становится холодным и мокрым, чувства невероятно усиливаются, словно все ниточки мира туго затягиваются здесь. Волны обрызгали его каплями соленой воды. Ночь так темна, что они не могут увидеть ничего вокруг себя. Огромные, нависающие глыбы камней, лежащих неподалеку, лишь черные силуэты. Рафаэль смотрит на них, испытывая чувство страха.

В воздухе витает едкий запах.

Что-то не так.

— Смерть, — шепчет Виолетта, ее рука дрожит в руке Рафаэля. Посмотрев на нее, он замечает, что ее глаза словно покрыты пеленой, так же она смотрит, когда говорит об Аделине.

Рафаэль оглядывает горизонт. Да, что-то не так, воздух пронизывает неестественная и неправильная энергия. Ее так много, и он не может сказать, откуда она исходит. Его взгляд останавливается на темном пятне вдаль. Он смотрит туда некоторое время.

Серия молний разрывает небо, высекая за собой следы от облаков к морю. Виолетта вздрагивает, ожидая раската грома, но ничего не происходит, и тишина заставляет волоски на затылке Рафаэля встать дыбом. Наконец низкий грохот сотрясает землю. Его взгляд опускается на волны, разбивающиеся о берег, а затем останавливается на силуэтах глыб.

Молнии снова сверкают. На этот раз лишь на мгновение освещая берег.

Рафаэль отходит назад, чтобы осмотреть все.

Черные силуэты вовсе не камни. Это мертвые балиры, по крайней мере, дюжина из них.

Виолетты прикрывает рот руками. На мгновение все, на что способен Рафаэль, это стоять на месте. Множество моряков рассказывали истории о том, куда идут умирать балиры. Одни говорят, что они уплывают далеко в открытый океан, где они погружаются все глубже и глубже, пока не попадают в Преисподню. Другие говорят, что они выпрыгивают из воды и летят выше и выше, пока не теряются в облаках. Обычно на берег выбрасывает лишь белый-белый скелет. Но еще никогда он не видел мертвой балиры во плоти, до этого времени. Естественно, не вот так.

— Не приближайся, — шепчет Рафаэль Виолетте. Чем ближе он подходит, тем запах в воздухе становится все более едким, теперь уже ощущаемый запах гниющей плоти. Подойдя к первой балире, он протягивает к ней руку. Он сомневается, но затем аккуратно касается пальцами тела.

Животное дергается. Это всего лишь детеныш, и он все еще жив. Все еще.

В горле Рафаэля встает ком, и слезы наполняют его глаза. Что-то ужасное убило этих существ. Он все еще ощущает ядовитую энергию, пульсирующую в венах животного, чувствует его слабость, когда балира пытается сделать еще один низкий, скрипучий вдох.

— Рафаэль, — зовет Виолетта. Обернувшись, он видит, как она приближается через волны, разбивающиеся о берег. Подол ее платья вымок, а сама Виолетта трясется, как осиновый лист. *Уходи*, хочется крикнуть Рафаэлю.

— Похоже на энергию Аделины, — говорит наконец Виолетта.

Рафаэль неуверенно шагает к океану. Он идет, пока его обувь не тонет в мокром песке. Он резко вдыхает.

Вода такая холодная, какой она никогда не бывала прежде, холодная как смерть. Тысячи нитей энергии тянутся к его ногам, когда вода отливает, словно каждая из нитей колючая, с маленьким крючком, ищущим живое существо. Это вызывает у него мурашки, похожие на опарышей в гниющем фрукте. Океан глубокий, темный и гадкий, полный яда. Под ним слой

яростной и пугающей энергии, которую он чувствовал только в Аделине. Он думает о странной отвлеченности Энцо этим вечером, об отстраненном взгляде полуживых глаз. Он, казалось, тянулся к океану. Рафаэль помнит шторм, бушевавшего той ночью, когда они подняли Энцо из глубин моря, оттуда, где кончается мир живых и начинается мир мертвых.

Виолетта застыла за ним, а вода ударяется о ее ноги.

Рафаэль делает еще несколько шагов в океан, пока волны не достигают его пояса. Он немеет от холодной воды. Смотрит туда, где утихая бушует грозовой шторм, и слезы стекают по его щекам.

Действительно, это похоже на энергию Аделины. Как страх и ярость. Энергия из другого мира, потоки из Преисподней, бессмертного места, которое нельзя тревожить. Рафаэль дрожит.

Что-то отравляет этот мир.

Аделина Амутеру

Даже сейчас, несколько десятилетий спустя, я не боюсь ничего так, как боюсь открытого океана в ночной тьме, простирающейся вокруг меня во все стороны.
— *Журналы Реды Харракан, перевод Бьянки Берчетто.*

* * *

Проходит целая неделя, но рана на моей руке все еще пульсирует, когда я двигаюсь слишком быстро. Ее покрывает толстый слой бинтов. Я вздрагиваю, когда спускаюсь вниз по пандусу к гавани Эстенции, надеясь, что рана снова не раскрылась.

Над пристанью сегодня навис густой запах гниющей рыбы. Наморщив нос, я следую за солдатами к цепи экипажей, ждущих нашего приезда. Серджо, идущий рядом со мной, не убирающий руки с эфеса своего меча, наклоняется ко мне.

— Ваше Величество, — говорит он. Из его уст титул звучит так естественно, словно я рождена была для трона. — Мои люди захватили группу горожан, пытавшихся взломать дворцовые ворота. Сейчас они в башне Инквизиции, но честно, я бы не расслаблялся.

Я смотрю на него.

— И что же им так не нравится?

— Твой новый закон. Они должны отдавать свои земли меченым.

— И что ты собираешься делать с пленными?

Серджо усмехается, поправляет свой плащ так, чтобы он больше прикрывал его плечи, и делает большой глоток из своей фляги.

— Что прикажешь. Ты же королева.

Интересно, думает он обо мне так же, как думал о Ночном Короле в Меррутасе? Надеюсь, уважает он меня больше. Ночной Король был слабаком, пьяницей, идиотом и врагом меченых людей. Я плачу Серджо гораздо больше, чем платил он. Доспехи Серджо украшены золотыми нитями, а его плащ соткан из лучших, самых искусно изготовленных шелков, каких не найти во всем остальном мире.

Голоса смеются надо мной.

Берегись, волчонок, говорят они. Враги скрываются в самых неожиданных местах. Я бессильно, упрямо, безуспешно отталкиваю их слова. Серджо останется верен мне, как и Магиано. Я дала им все, что они когда-либо могли желать.

Но ведь сколько им не дашь, они всегда будут хотеть большего.

Я напоминаю себе приготовить другой травяной настой, когда прибуду в замок. Голова начинала болеть от их нескончаемого шепота, заполняясь звуками, эхом унося мои мысли далеко, через весь путь домой.

— Устрой им публичную казнь, — чуть громче отвечаю я, пытаясь заглушить голоса. — Через повешение — ты знаешь, как я отношусь к сожжениям.

Серджо принимает это, даже глазом не моргнув. Ночной Король отдавал ему

приказания и похуже.

— Можно сказать, исполнено, Ваше Величество, — он ждет, пока я заберусь в экипаж и наклоняется ближе. — Остановись у темниц, когда приедем в замок, — говорит он.

— Зачем? — интересуюсь я.

Тень сомнения пробежала по лицу Серджо.

— Надзиратель донес мне, что с Тереном что-то неладное.

Я похолодела. Серджо никогда не нравились мои визиты к Терену в подземелья, так что его совет наведаться туда, мягко говоря, неожиданный.

Голоса услужливо подбрасывают совершенно нелепую мысль. *Он хочет, чтобы ты спустилась к Терену, потому что хочет твоей смерти. Все желают твоей смерти, Аделина, даже друзья вроде Серджо. Он отсылает тебя туда, чтобы Терен смог перерезать тебе глотку.* Они хихикают, и на секунду я почему-то верю им. Я задерживаю дыхание и пытаюсь думать о чем-нибудь другом.

Что бы ни случилось с Тереном, это довольно серьезно, раз Серджо хочет, чтобы я с ним увиделась. Вот и все.

— Я прикажу экипаж подвести к задним воротам, — говорю я.

— И путь до дворца лучше поменять на менее людный.

Я скривилась. Нет уж, прятаться среди собственных владений просто потому, что кто-то оказался настолько глуп, что попытался прорваться ко мне в замок, я не собираюсь.

— Нет, — отвечаю я. — Мы это обсуждали. Я поеду главной дорогой, позволю народу видеть это. Ими правит не трусливая королева.

Серджо что-то раздраженно пробормотал, но спорить не стал, просто поклонился еще раз.

— Как пожелаешь, — и отъехал в начало процессии.

Я выглянула в окно, надеясь увидеть Магиано. Он должен был ехать со мной, но его здесь нет. Я продолжаю осматриваться, когда мы наконец-то выезжаем с пирса.

Месяцы прошли с моего последнего визита в Эстенцию. Сейчас ранняя весна, и я замечаю знакомые детали — распустившиеся цветы, оплетающие подоконники, виноградные лозы, тяжелые и сочно-зеленые, протянувшиеся по стенам узких улиц, толпы людей на мостах, ведущих через каналы.

Но многое и изменилось, и я этому причина. У меченых, не мальфетто больше, есть теперь собственность и магазины. Остальные пропускают их в толпе. Я вижу как два Инквизитора тащат немеченого по камням площади, не обращая внимания на его крики и слезы. На другой улице группа меченых детей окружила немеченого и закидывала его камнями, прижимая его к земле лишь сильнее, когда он начинал кричать.

Инквизиторы, стоящие неподалеку, не останавливают их, и я отвожу взгляд, совершенно не заинтересованная зрелищем. Сколько камней бросили в меня, когда я была еще маленькой, сколько меченых детей когда-то было живьем сожжено на этих улицах? Есть все-таки ирония в том, как эти солдаты в белых одеяниях, раньше вселявшие в меня страх, теперь обязаны подчиняться любому моему приказу.

Мы сворачиваем на маленькую улицу и останавливаемся. Я слышу людей впереди, они что-то выкрикивают, приближаясь ко мне. Мятежники. Моя энергия натягивается, словно струна.

Знакомый голос звучит снаружи; мгновение спустя что-то приземляется на крышу экипажа с громким стуком. Я свешиваюсь из окна и смотрю вверх в ту же секунду, как один

из протестующих бросается по узкой улочке навстречу мне.

Тут же я вижу голову Магиано на крыше. Я понятия не имею, откуда он там взялся; он бросает на меня быстрый взгляд прежде чем обратить свое внимание к толпе. Держа нож в одной руке, он спустился с крыши прямо перед одним из повстанцев, вставая между протестующими и мной.

— Мне кажется, ты перепутал дорогу, — говорит ему Магиано с опасной ухмылкой.

Мятежник колеблется, завидя кинжал, но потом щурится и показывает пальцем на меня.

— Из-за нее мы голодаем! — выкрикивает он. — Демоница, мальфетто, фальшивая королева!

Я перевожу взгляд на бунтовщика и его слова в нерешительности застывают недалеко от моего лица, не достигая цели. Тогда я улыбаюсь ему, нащупываю нити его энергии и начинаю плести.

Жар поднимается по твоим рукам и ногам, ты чувствуешь, как начинаешь гореть. Ты смотришь вниз, и что ты видишь? Пауков, скорпионов, маленьких монстров с шипами на ногах, ползающих по всему твоему телу. Их так много, что ты больше не видишь собственной кожи.

Мужчина опускает взгляд и испускает немой крик, отшатываясь назад.

Они забираются в твой рот, выползают из твоих глаз. Они съедят тебя изнутри живьем.

— Теперь скажи мне снова, — говорю я, когда он все-таки находит силы закричать в полный голос. — Что ты хотел рассказать?

Бунтовщик падает на землю, его вопли заполняют воздух над улицей.

Остальные протестующие замирают при виде его бьющегося в конвульсиях тела. Я продолжаю плести новую иллюзию, и голос мужчины окрашивается агонией. Тогда мои Инквизиторы, выхватив клинки, бросаются в толпу, сбивая тех, кого могли поймать, на землю. Впереди я вижу тяжелый плащ Серджо и его хмурое лицо — он выкрикивает приказы его отряду.

Ты можешь прикончить его прямо сейчас, рычат голоса, вынуждая меня уставиться на мужчину, которого я атаковала. Давай, сделай это, тебе же этого так хочется. Их шепот, кажется, вырывается наружу, окружает меня, сливаясь в единый невнятный вихрь. Я закрываю глаз, чувствуя внезапное недомогание от их шума, и моя неожиданная слабость только придает им сил. Ты ведь хочешь, ты знаешь, что хочешь. Мои ладони начинают потеть. Нет, я только недавно убила в Дюморе. Я поняла кое-что, еще убив Данте в переулке недалеко отсюда — чем больше жизней я отнимаю, тем сильнее мои иллюзии становятся, и тем меньше контроля над ними остается у меня самой. Если я убью сейчас, следующую ночь я проведу, мучаясь кошмарами, бессильно пытаюсь пробиться сквозь стену своих собственных иллюзий.

Я должна была послушать Серджо.

— Аделина, — Магиано зовет меня. Он стоит над потерявшим сознание мужчиной, все еще держа кинжал в руке, и вопросительно смотрит на меня.

— Убери его с улицы, — командуя я внезапно слабым и надтреснутым голосом. — И убедись, что он окажется в Инквизиторской башне.

Магиано, не мешкая, оттаскивает мятежника в сторону, с пути экипажей, и машет двум ближайшим Инквизиторам.

— Вы слышали королеву, — говорит он. Когда он проходит мимо моего окна, я слышу,

как он вполголоса приказывает одному из солдат, следующих за мной: — Лучше следите за дорогой, или будьте уверены, что вас засадят за предательство.

Что, если мои подданные начинают игнорировать собственные обязанности? Что, если они хотят моей смерти? Я поворачиваюсь к происходящему лицом, отказываясь показать даже тень неуверенности в своей безопасности, как бы вызывая тех, кто решится, противостоять мне.

— Так-то лучше, — я слышу голос Магиано неподалеку снова, и через мгновение он сам запрыгивает через окно в мой экипаж, усаживаясь напротив меня, принося с собой свежесть ветра. — Я не помню, чтобы раньше нападения случались так часто, — добавляет он легкомысленным тоном, но я знаю, что он волнуется.

Мы сидим близко, прижавшись друг к другу, и я понимаю, что хочу так проехать весь остаток пути.

— Когда прибудем в замок, — говорю я мягко, — нужно будет допросить Инквизиторов. Я не хочу, чтобы в моих рядах завелась крыса и плела интриги за моей спиной.

Магиано обеспокоенно посмотрел на меня.

— Невозможно изловить всех крыс, любовь моя, — говорит он, накрывая мою руку своей. — Рано или поздно, одна из них просочится сквозь трещины. Тебе просто нужно быть осторожнее.

Забавно. Может, он и есть крыса. Голоса начинают смеяться.

— Когда времена изменятся, — отвечаю я, — нам не нужно будет пробивать себе путь насилем. Люди наконец-то поймут новую позицию меченых, поймут, что сила в наших руках. Тогда мы будем жить мирно.

— Мирно, — повторяет Магиано, все еще беззаботно. Он облакачивается на спину и ерзает на месте. — Разумеется.

Я поднимаю бровь.

— Никто не принуждает тебя, конечно, оставаться здесь и служить мне. Ты свободен в своем выборе, можешь идти, куда вздумается. Ты ведь Элита, в конце концов. Величайшее творение природы.

Магиано хмурится.

— Нет, — соглашается он. — Никто не принуждает меня.

У его слов есть второй смысл, от которого я краснею. Я хочу сказать что-то еще, но он вежливо кивает и выпрыгивает через окно обратно.

— Счастливого пути, Ваше Величество, — выкрикивает он. — Я буду в купальнях, соскребать с себя грязь после путешествий.

Я хотела бы выйти из экипажа за ним и поехать вместе до купален, но вместо этого остаюсь там, где сидела. В груди что-то сжимается, и теперь я пытаюсь с этим справиться. Я найду Магиано позже, извинюсь за то, что так легко отвергла возможность провести больше времени в его компании и поблагодарю, потому что знаю, что он всегда наблюдает за мной издалека.

Может, это не о тебе он беспокоится, нашептывают голоса, а о собственной судьбе. Он ведь не глупец, вредить королеве, в руках которой его кошелек. С чего бы еще ему оставаться?

Может, они правы. Шепот вгрызается в мой разум, запуская свои маленькие коготки глубже, и остаток поездки проходит в тишине. Наконец мы подъезжаем к дальним воротам

дворца и экипажи въезжают на королевские земли.

Я королева Кенеттры уже год, но каждый раз на подъезде к замку я чувствую себя странно и необычно. Когда-то это было местом, где Энцо, еще ребенком, дрался с молодым Тереном на задних дворах, где Терен наблюдал за принцессой Джульеттой из своего убежища среди деревьев. Шаги Энцо звучали на этих дорожках, проходили до тронного зала, где он должен был сидеть, и я когда-то помогала ему этого достигнуть. Но теперь его здесь нет. Он — отвратительное создание, скрывающееся от меня на другом берегу океана. Даже сестра его давно покоится в Подземном мире, а Терен — мой пленник.

Я — та, что сидит в тронном зале.

В одиночестве. Как ты и хотела. Я стараюсь выбросить из головы лицо моей сестры, слезы на ее щеках в тот момент, когда она в последний раз отвернулась от меня. На смену ему приходит Энцо с его ненавистью ко мне, исказившей его красивое лицо в тот день, когда мы столкнулись на палубе корабля королевы Мэв. Как следствие, связь между нами туго натягивается на мгновение, выбивая воздух из моих легких.

Иногда мне интересно, значит ли это, что Энцо пытается дотянуться до меня сквозь мили, разделяющие нас, что он хочет контролировать меня. Я пытаюсь сделать то же самое, но он слишком далеко.

Серджо открывает дверь моего экипажа, предлагая руку, помогая мне спуститься. Несколько Инквизиторов, ждавшие нашего приезда, завидев меня, склоняют головы в знак почтения. Я останавливаюсь на секунду, прежде чем пройти в замок, и осматриваю их.

— Мы одержали головокружительную победу. Вы заслужили право отмыться, выпить и отдохнуть. Я прикажу отменить все ваши тренировки на сегодня. Помните, отныне вы в рядах моей личной охраны, и вам будет предоставлена любая роскошь. Если кто-то не сможет вам угодить, доложите мне, и они немедленно потеряют свое место.

Их глаза довольно загораются. Я уйду раньше, чем они успевают что-то ответить. Пусть запомнят меня, как их благодетельницу, ту, что дала им все, о чем они могли когда-либо мечтать. Мне нужна их верность.

Инквизиторы расходятся, а я с Серджо прохожу в сторону небольшого выхода наружу. Он подает двум из его бывших наемников знак следовать за мной. Мы идем мимо цепи экипажей, и по пути я вижу Магиано, направляющемуся к дальней части замка, одетого для купания, а одна из королевских служанок подала ему его плащ. Я уже не раз видела, как он говорил с этой девушкой. Сегодня он смеется над чем-то в ее рассказе.

Магиано улыбается ей и качает головой, прежде чем пройти к купальням.

Они смеются над тобой за глаза, говорят голоса. Ты слышала их смех, правда ведь? Почему ты вообще думаешь, что твой драгоценный вор останется на твоей стороне? Они говорят, и эта сцена в моей голове тут же трансформируется в воспоминание, которого и не было вовсе — я вижу, как служанка запускает пальцы в темные локоны Магиано, целует его в губы, а он отвечает, держит ее за руки и шепчет на ухо какие-то секреты. В груди начинает нестерпимо жечь.

Может, ты должна показать им, на что способна. Они не смогут обмануть тебя, не снова.

— Это все ненастоящее, — еле дыша, шепчу я. — Ненастоящее.

Иллюзия разрушается, и реальный мир встает на ее место. Сердце колотится в груди тяжелым молотом, и голоса отступают, не переставая при этом надо мной насмехаться.

— Надзиратель в подземелье сказал мне, что они подготовили Терена к твоему

визиту, — говорит Серджо, выдерживая меня из потока моих мыслей. Я облегченно смотрю на него. Судя по выражению его лица, говорит он это не в первый раз. — Его отмыли, переодели и сбрили ему бороду.

— Хорошо, — отвечаю я. Терен за последние месяцы убил нескольких стражей-Инквизиторов, которые были неосторожны в его присутствии.

Теперь они навещают его очень редко, оставляя его без надзора. — Как он сейчас?

— Спокоен, — говорит Серджо и кладет ладонь на эфес меча. — Слаб.

Слаб? Мы снова замолкаем, проходя через замок и спускаясь к бедному, пустому коридору. Земля идет как бы под откос, пока мы не доходим до лесниц, ведущих в густую тьму — тут главным становится Серджо. Я следую за ним, а остальные солдаты идут за мной. Наши шаги эхом падают в темные глубины.

— Ходят слухи, что Кинжалы скрываются в Небесных землях, — говорит Серджо спустя какое-то время.

Я смотрю на него, но он отводит взгляд.

— Бельдайн? — спрашиваю я. — Королева Мэв снова планирует напасть?

— Я ничего не слышал, — со странным выражением лица избегает ответа Серджо. — Кроме того, некоторые говорят, что твоя сестра может быть с ними.

Виолетта. Я сжимаю ткань своего платья в кулаках. Разумеется, Серджо скучает по ней — он время от времени бросал расплывчатые фразы, догадки, где она может быть. Пути моих завоеваний — Меррутас, Домакка, северная Тамурания, Дюмор — проложены не просто так. Это список стран, в которых, по слухам, могла скрываться Виолетта.

— Пошли разведчика и балиру в сторону Бельдайна, — в конце концов говорю я.

— Будет сделано, Ваше Величество, — отвечает Серджо.

Старая башня Инквизиции все еще на месте, та самая, в которой Терен когда-то держал в плену мою сестру, куда я несколько раз навещалась, движимая отчаянием. Было искушение оставить Терена в тех же темницах, но оказалось, в самом замке есть нижний уровень подземелий, предназначенный для самых важных, опасных заключенных — чтобы держать их ближе.

А я хочу держать Терена очень, очень близко.

Подземелья выстроены в форме цилиндра, спиралью спускающегося в темноту, едва-едва освещенные серебристыми лучами света, проглядывающими сквозь решетки. Чем ниже мы спускаемся, тем тяжелее становится воздух, тем сырее становятся стены и камни. Я сильнее завораживаюсь в плащ, чувствуя неприятный холодок на своей коже.

Ступеньки становятся уже, сквозь трещины в них растут странные травы, растения, которые умудряются довольствоваться лишь приглушенным светом и капающей водой. Выжившие. Это напомнило мне о моих первых днях в Обществе Кинжала, о старой пещере где мы раньше тренировались. Мы — как будто «мы» когда-то существовали. Я вспоминаю мягкие наставления Рафаэля, его улыбку; Мишеля, пытавшегося научить меня, как соткать розу из воздуха; Джемму, рассказывающей об ее связи с животными. Энцо, вытирающего слезы с моего лица. Не плачь. Ты сильнее.

Он отсылает тебя туда, чтобы Терен мог перерезать тебе глотку.

Воспоминание об Энцо растворяется под натиском голосов, вместо этого превращаясь в картинку: он противостоит мне на корабле Мэв, направляет на меня меч, желает моей смерти. Мое сердце покрывается льдом. Ты всего лишь призрак, напоминаю я себе, пуская по знакомой до боли связи между нами иллюзию инея, снега, холода. Надеюсь, он чувствует

это, где бы он ни был. Для меня ты уже мертв.

Человек ожидает нас на нижнем уровне — меченый солдат с бледными прядями в русых волосах, с блестящей жирной кожей и Инквизиторской одеждой, испачканной грязью и пеплом. Он кивает Серджо и низко кланяется мне.

— Ваше Величество, — говорит он, показывает рукой на темницы и проводит нас вперед.

В замке каждая камера отдельна, в них нет решеток и окон. Мужчина ведет нас по пустому коридору с окованными железом дверьми на входе и на выходе, каждая из них охраняется двумя Инквизиторами. Расстояние между дверями всегда разное. К концу коридора некоторые становятся так далеко друг от друга, что я не могу видеть следующую, пока мы мимо нее не пройдем. Наконец, смотритель останавливается у самой последней двери справа.

Здесь шестеро Инквизиторов вместо двух. Они вытягиваются в струнку, когда я подхожу, кланяются и пропускают надзирателя. Он вытаскивает один ключ и другой Инквизитор достает второй. Без обоих ключей этот замок открыть невозможно.

Мы с Серджо переглядываемся. Последний раз я видела Терена несколько месяцев назад, еще до нашего похода на Дюмор. Интересно, как Терен выглядит теперь?

Замок скрипит, щелкает, и дверь открывается. Я следую за Инквизиторами.

Круглая комната эта огромна, с высокими потолками, освещенная восемью факелами, закрепленными на стенах. Здесь есть ров, в который стекает грязная вода из купален. Солдаты выстраиваются у стены. Ров окружает каменный остров, и посреди него лежит человек, прикованный дюжиной тяжелых цепей к краям острова и охраняемый двумя солдатами, которые меняются каждый час, опуская и поднимая веревочную лестницу, соединяющую камни и остальную комнату. Человек дергается, услышав нас на другой стороне рва. В свете факелов его волосы отливают золотом, и, когда он обращает к нам свое лицо, я вижу в его глазах знакомое безумие — бледное, пульсирующее, бесцветное. Даже сейчас, когда наши роли поменялись, его взгляд повергает меня в странное состояние, смесь страха, ненависти и восторга.

Терен улыбается мне. Его низкий бархатный голос эхом бьется о стены комнаты.

— Моя Аделинетта.

Мэв Жаклин Келли Корриган

Сегодня голубь должен был доставить письмо от Рафаэля, но оно так и не дошло. Мэв задается вопросом, не была ли птица убита во время полета или она задерживается из-за шторма. В последнее время море было странным. В любом случае, она еще не получила ответа о нынешнем состоянии Люценты, поэтому она осталась на тренировочном дворе даже после полуночи, беспокойно размахивая своим деревянным мечом.

Несколько ее стражей расположены по периметру двора. Ее брат Августин так же здесь, помогает ей практиковаться. Он одаривает ее взглядом полным сочувствия, когда она медленно замахивается своим мечом и спотыкается о землю.

— Должно быть, теперь ты достаточно устала, что бы уснуть, — говорит Августин и осторожно подталкивает Мэв на шаг назад и ждет, пока она сменит свою позицию. Он указывает мечом на покои. — Идите, Ваше Величество. В таком состоянии вы здесь не нужны.

Мэв отрицательно качает головой и хмурится. Она снова поднимает свой меч.

— Я остаюсь, — отвечает она.

Августин делает выпад. Мэв блокирует его атаку, уклоняясь, и поднимает свое оружие высоко над головой. Она направляет его вниз на брата и он останавливает его своим деревянным лезвием. Когда Мэв скалится, Августин наклоняется ближе к ней и недовольно хмурится.

— Тебе нужно съездить к Люценте, — говорит он. — Я устал видеть тебя такой.

Глаза Мэв раздраженно сверкают.

— Я не собираюсь оставлять свою страну, что бы просто наведаться к старому напарнику по верховой езде.

— Ради всех богов, Джекки, — огрызается Августин. — Мы же знаем, что Люцента не была просто напарником по езде.

Августин смеется над ее пораженным выражением.

— Ты хороша во многих вещах, но у тебя ужасно выходит скрывать свою заинтересованность в ком-то.

Мэв гневно вспыхивает. Она отталкивает Августина и снова замахивается на него мечом. Деревянное лезвие поражает его прямо в бок, прежде чем он успевает заблокировать атаку. Он хрипит и скорчивается от удара. Мэв пользуется возможностью, валит его на спину и вдавливая коленом в его грудь. Она грубо прижимает меч к его шее, и Августин поднимает свои руки, признавая поражение.

— Я не брошу свою страну, — процеживая сквозь зубы повторяет Мэв, — что бы наведаться к старому напарнику по езде. Не после нашей последней битвы. Аделина двигается дальше. Она пойдет на север.

Августин отталкивает ее меч.

— И ты будешь просто ждать, пока она доберется к нашим берегам? — он снова спорит. — Говорят, она захватила Дюмор. Возможно, что сейчас она нацелилась захватить Тамурацию, но скоро она обратит свое внимание к Небесным землям.

Мэв вздыхает, опуская свой меч. Она отпрыгивает назад и смотрит, как Августин

поднимается на ноги.

— Я не могу уехать, — в этот раз она повторяет это тише. — Тристан.

Августин смягчается, услышав упоминание имени младшего брата: — Я знаю.

— Видел его вчера?

— Доктора говорят, что все так же. Никаких изменений.

Мэв вынуждает себя поднять меч и снова сконцентрироваться на Августине. Ей нужно чем-то отвлечься. Тристан не сказал ни слова в течении нескольких недель — раньше такого не было — и его пристальный взгляд всегда направлен к морю в последние дни, куда-то в направлении к югу. Маленькие искры света, что оставили его глаза, исчезли полностью, оставив после себя омуты, пустоту и безжизненный взгляд. Однажды, когда она взяла его с собой на зимние карнавалы, он бездумно атаковал ее. Он сделал это нерешительно, как будто некоторая его часть знала, что он не хочет этого, но Августину и другому мужчине пришлось умирять его. С тех пор он не спит. Вместо этого он остается у своего окна, наблюдая за морем.

По всему Хаденбери кружат слухи. *Принц Тристан сошел с ума. Он напал на королеву, свою собственную сестру.*

Мэв снова атакует Августина своим деревянным мечом, и по двору разносится звон ударов. Она пыталась дотянуться до Подземного мира прошлой ночью, чтобы найти подсказки. Но энергия была слишком сильной, даже для неё, тьма обжигала ее пальцы, оставляла слой льда в ее сердце. Она знала, каким-то внутренним инстинктом выживания, что если бы она попыталась использовать свою силу, это убило бы ее.

— Через несколько недель будут готовы еще четыре судна, — говорит Мэв, когда отражает парирование Августина. — Наш флот полностью восстановится к концу года. Вот тогда мы и сможем подумать об Аделине снова.

— Она больше не сможет распоряжаться Энцо, — напоминает Августин. — Он с Кинжалами в Тамуралии. Она будет слабее.

Есть некое недосказывание в их словах, где никто не хочет упоминать слухи о впадении Аделины в безумие.

— Она может быть убита, прежде чем мы доберемся до нее, — наконец говорит Мэв. — Можно надеяться.

Они оба откликаются на звук открывающихся ворот. Сначала Мэв думает, что это — посыльный, пришедший, что бы принести ей пергамент от Рафаэля, — и ее настроение сразу же поднимается. Она идет навстречу фигуре.

— Августин, — зовет она через плечо своего брата. — Достань факел, у нас послание.

Тогда фигура шагает в лунный свет, и она нерешительно колеблется.

Несколько охранников вдоль стен, тоже двинулись к ней на встречу, хотя ни один из них не обнажил свой меч. Мэв щурится, пытаясь распознать тень.

— Тристан? — шепчет она.

Он похож на Тристана. Она может чувствовать связь между ними, тонкую нить, что связывает их энергии. Мэв хмурится. *Что-то не так.* Его походка странная и несвязная, и отвратительное чувство скручивается в ее желудке. Около комнаты Тристана стоит дюжина людей, которые сменяют друг друга, обеспечивая, что бы он оставался в безопасности, где он может быть под присмотром. *Как он выбрался?*

Когда один из стражей добирается до него, Тристан оборачивается, захватывая одной рукой шею мужчины, сжимая ее. Страж застывает, шокированный атакой. Удушье, он

хватается за меч для удара. Удушье, он ухватывается за меч на боку, но Тристан сжимает его шею слишком сильно.

Охранник безуспешно пытается высвободиться. Мэв едва замечает, что она уже отбросила деревянный меч и обнажила свое настоящее лезвие.

Позади Тристана появляются еще два трудно дышащих охранника, прибежавших со двора. Мэв знает, что случится, до того, как они кричат об этом. Тристан убил своих стражей. Она наставила меч на младшего брата.

— Остановись! — кричит она.

За ней Августин подпрыгнул на ноги и тоже вытащил свой настоящий меч. Тристан не издал ни звука, вместо этого, он отбросил за горло мужчину в сторону и атаковал ближайшего стражника. Он заломил руки охранника за спину так сильно, что сломал их.

— Тристан! — Выкрикивает Мэв, подбегая к нему. — Остановись!

Она тянется через нити из связи, стремясь контролировать его. Но в этот раз, в это время, он противостоит ей. Его глаза поворачиваются на нее так, что посылают озноб вдоль ее позвоночника. Тьма, крутящаяся в нем, вырывается, отталкивая её силу, и Мэв чувствует знакомое прикосновение холода и смерти к ее сердцу. Ощущение настолько сильное, что она застывает на месте в оцепенении. *Это не правильно.*

Мэв вырывается вперед и достигает Тристана, прежде чем он атакует еще одного охранника. Она поднимает свой меч, но вид его глаз пугает ее.

Больше не видно белка. Вместо этого, его глаза — омуты черного мрака, абсолютно лишённые жизни. Она колеблется лишь секунду, но в этот момент, Тристан обнажает зубы, как будто они были клыками, и бросается на нее с протянутыми руками.

Мэв удаётся вовремя поднять меч — лезвие глубоко врежется в одну его руку. Тристан рычит и бросается на нее снова и снова. Он удивительно силен. Как будто вся сила Подземного мира сейчас вырывается из под его кожи, желая накинуться на нее. Связь между ними мучительно туго натягивается, и Мэв дрожит.

Когда Тристан ударяет снова, Августин появляется между ними и поднимает свой меч, что бы защитить сестру. Тристан рычит — он выхватывает кинжал, спрятанный за поясом Августина и разворачивается на старшего брата. Несмотря на молодое тело, которое было меньше, он сбил Августина с ног. Они оба падают на землю.

Мэв вздрагивает, когда нити связи снова туго натягиваются. Боль заставляет ее голову кружиться. Затуманенным зрением она видит отчаянно борящегося Августина, сдерживающего кинжал в руках Тристана.

В поисках нити, она достигает ее в своем сердце, струна, которая сохраняет Тристану жизнь и держала его под контролем. Она снова колеблется. Воспоминания о Тристане, до того как он стал таким, до того, как она его вернула, вспыхивают в ее памяти — улыбающийся, смеющийся мальчик; брат, который не мог перестать говорить, даже когда она отталкивала его любовь; брат, который любил пугать ее в высокой траве и ходить на долгую охоту с ней и Люцентой. Она вспомнила каким был её брат до трагедии, до того, как она вернула его.

Это не Тристан, внезапно она позволяет себе так думать, когда видит создание, атакующее Августина. Наконец-то Августин сталкивает с себя Тристана. Он берет свой меч и целится им прямо ему в сердце. Тристан плюет в него, но даже тогда, Августин колеблется. Его меч дрожит в воздухе. Тристан пользуется моментом наносит удар своим лезвием. *Нет.* Мэв движется, даже не успев подумать. Она выпадает вперед, отталкивая

Августина от кинжала, и погружает свой меч прямо в грудь Тристана.

Тристан задыхаясь издает ужасный хрип. Темные омуты его глаз сжимаются, мгновенно исчезая, оставляя испуганного мальчика с широко распахнутыми глазами. Он дважды моргает, смотрит на лезвие, высовывающееся из груди, затем на стоящую рядом с ним Мэв, впервые его пристальный взгляд направлен на нее. Мэв инстинктивно тянется к их нитям, что связывают их, но она чувствует, как они исчезает и ускользают от нее. Тристан продолжает смотреть на неё, и это кажется вечностью. Она чувствует все, как будто может читать его взгляд. Ее губы дрожат, и она издает тихий всхлип.

Тогда Тристан вздыхает и закрывает глаза — мерцание света остается в его душе, имитация жизни, что была в нем недавно, наконец покидает тело — и он замятво падает на землю.

Аделина Амутеру

Когда над морем звучали горны, он их проигнорировал.

Когда кавалерия достигла ворот, он еще спал.

Когда сквозь слезы кричали его люди, он призывал к спокойствию.

Даже когда враг охватил его царство огнем и собрался у дверей замка, он расхаживал в своих покоях, отказываясь верить в это.

— *Второе падение Персенопля, ученый Натанаель.*

* * *

Воспоминания — забавная штука. Мое первое воспоминание о Терене остается кристально чистым даже сейчас — этот сияющий белый плащ, силуэт, омытый солнечным светом безоблачного дня, точеный профиль лица, тонкий длинный хвост пшеничного цвета, затянутый в золотую ленту за плечами, его руки, сложенные за спиной. Каким устрашающим он выглядел. Даже сейчас, когда я смотрю на его фигуру, лежащую в цепях, одетую как заключенный, я ничего не могу сделать, но вижу прошлого Терена.

Серджо ведет нас ко рву. Когда он доходит до него, он наклоняется к воде и тянет веревочный мост, прикрепленный к земле. Он бросает его двум солдатам на острове. Один из них перехватывает мост на другом конце берега и закрепляет его на островной земле, Серджо ступает на него. Я следую за ним.

Когда мы достигаем острова, Серджо и другие солдаты расходятся в разные стороны, давая мне пройти. Я иду вперед, останавливаясь в нескольких шагах от закованного в цепи Терена.

— Здравствуй, — говорю я.

Терен продолжает сидеть на земле, его глаза смотрят на меня. Он даже не моргает. Наоборот, он смотрит на меня так, будто напивается мной. Его одежду сменили на чистую, волосы завязаны сзади, лицо гладко выбрито.

Он похудел, хотя время не испортило точеный вид его лица и крепкие изгибы мышц. Он ничего не говорит. *Что-то не так с Тереном.* Я озадаченно его осматриваю.

— Ты выглядишь довольно неплохо, — говорю я. Я слегка наклоняю к нему голову. — Менее грязный, чем в последний мой визит. Ты ел и пил.

Однажды, несколько недель он отказывался от всякой пищи, я думала, что он намеренно морит себя голодом, чтобы умереть. Но он все еще здесь.

Он ничего не говорит.

— Я слышала, что тебе нехорошо, — продолжаю я. — Неужели великий Терен болен? Я не думала, что это возможно, поэтому пришла посмотреть на все своим гла...

Внезапно, Терен бросается на меня. Его тяжелые цепи не замедляют его. Они напряженно натягиваются, не дотягиваясь до меня, и мгновение мы смотрим друг другу в глаза, переводя дыхание. Мои прошлые виты научили меня знать безопасные места, но даже

несмотря на это, мое сердце прыгает в горле. Я слышу, как позади меня Серджо и другие солдаты вытягивают свои мечи.

— Хорошо присмотрись, моя маленькая мальфетто, — рычит Терен. — Тебе нравится то, что ты видишь? — он насмешливо вскидывает голову. — Кто ты сейчас, Аделина? Королева Морских земель?

Я говорю себе оставаться спокойной, неуклонно встретив взгляд Терена.

— Твоя королева, — отвечаю я.

На его лице мелькает боль. Он ловит мой взгляд и отступает на шаг назад.

Цепи ослабевают.

— Ты не моя королева, — шипит он сквозь зубы. Серджо убирает свой меч и наклоняется ко мне.

— Смотри, — шепчет он, кивая на руки в цепях.

Я перевожу взгляд с глаз Терена вниз, на его запястья. Что-то привлекает мое внимание, что-то глубокое и красное. Капает из его запястьев и спускается по пальцам — след крови. Капли крови оставляют небольшие пятна на камнях прямо под ним.

Кровь? Я смотрю на нее, пытаюсь проследить за дорожкой. Она выглядит свежей, алой и влажной.

— Серджо, — говорю я, — он напал на стражника? Почему его руки в крови?

Серджо одаривает меня мрачным взглядом.

— Он истекает кровью из-за цепей на его запястьях. Из своих ран.

Из своих ран? Нет. Я трясусь головой. Терен почти неуязвим; его сила гарантирует это. Любая рана, которую бы он получил, заживлялась бы прежде, чем могла бы начать течь кровь. Я скрещиваю руки и смотрю на него.

— Так значит это правда. С тобой что-то не так. — Я киваю на кровоточащее запястье Терена. — Когда это началось?

Терен снова изучает мое лицо, словно пытаюсь понять, насколько я серьезна. Затем он начинает смеяться. Его смех — это низкий рык, тот, что растет, пока его плечи не начинают трястись.

— Конечно же со мной что-то не так. Со всеми вами что-то не так. — Его губы расплываются в широкой улыбке, которая пробирает меня до самых костей. — Ты давно это знаешь, разве не так, волчонок?

Со смерти королевы Джульетты прошло уже больше года, но я все еще прекрасно помню ее лицо. Сейчас я вызываю это воспоминание.

Постепенно я представляю иллюзию ее глубоких темных глаз и небольших розовых губ, скрывая под ними свои, ее гладкую кожу, что скрывает мои шрамы, ее густые темные локоны, скрывающие мои серебристые. Терен напрягается, когда моя иллюзия приобретает форму, он застывает на месте.

— Да, — отвечаю я. — Я всегда знала.

Терен идет навстречу мне, пока цепи не дают ему пройти дальше. Я могу чувствовать его дыхание на моей коже.

— Ты не достойна носить ее лицо, — шепчет он.

Я горько улыбаюсь.

— Давай не будем забывать, кто убил ее. Ты уничтожаешь все, к чему прикасаешься.

— Что ж, — шепчет он, возвращая мою улыбку, — тогда у нас много общего.

Он обхватывает лицо Джульетты. Удивительно, как он меняется. Его глаза смягчаются,

становятся влажными, и я как будто вижу мелькающие в его голове воспоминания, его дни с королевой, как он подчиняется, ночует в ее покоях, стоит рядом с ее тронном, защищает ее. Пока они не стали врагами.

— Почему ты здесь? — спрашивает Терен. Он выпрямляется и отступает.

Я смотрю на Серджо, затем киваю.

— Твой меч, — говорю я.

Серджо шагает вперед. Он вытягивает свой меч с металлическим лязгом, разнесшимся по камере, и направляется к Терену. Терен не пытается сопротивляться, но я вижу, как напряжены его мышцы. В первые месяцы заключения он сопротивлялся, в подземелье звучали его свирепые крики, звенели цепи. Серджо приходилось ударять его каждый раз всем, что было в руках, от прутьев до мечей, он хлестал его, пока Терен не начал вздрагивать лишь от звука его приближающихся шагов. Некоторые подумают, что это жестоко. Но так думают лишь те, кто не знает злых деяний Терена.

Сейчас он просто ждет, Серджо подходит к нему, хватая его за руку и режет предплечье лезвием меча. Выплескивается кровь, и я смотрю, ожидая увидеть его мгновенно заживляющееся тело.

Но... этого не происходит. Ничего подобного. Вместо этого Терен продолжает истекать кровью, как любой человек, кровь стекает по его руке, по ранам от оков на запястьях. Терен с благоговением рассматривает руку, поворачивая ее и так и сяк. Я вижу, как его тело медленно начинает излечивать рану, которая становится все меньше, кровь замедляется, пока рана не заживает.

Не удивительно, почему его запястья еще кровоточат. Раны не могут затянуться из-за постоянного натирания цепей. Я хмуро смотрю на Терена, отказываясь верить в это. Слова Рафаэля — слова Виолетты — возвращаются с того времени, когда я впервые услышала их несколько месяцев назад, последнее, что сказала мне сестра. *Все мы, вся Элита, находимся в опасности.* Наши силы медленно разрывают наши смертные тела на части.

Нет. *Это все ложь.* Шепоты расстроены, они шипят на меня. Я отсылаю этот гнев на стражника, хватаю его.

— Я думала я приказывала сохранить ему здоровье. Когда это началось?

Стражник низко склоняет голову, страх передо мной заставляет его дрожать.

— Несколько недель назад, Ваше Величество. Я думал, он напал на кого-то, но никто из солдат не пострадал и не жаловался ни на что.

— Это ошибка, — говорю я. — Невозможно.

Но вспоминается то, что говорила так давно Виолетта: Мы обречены быть вечными молодыми.

Я отворачиваюсь, когда Терен продолжает смотреть на меня и смеется. Я прохожу к другой стороне его камеры и вырываюсь прочь, мои люди следуют за мной.

Рафаэль Лоран Бассет

Через несколько дней после шторма, когда Виолетта впервые предупредила Рафаэля о странной энергии в океане, он спустился к берегу вместе с другими Кинжалами. Небольшая толпа собралась возле трупов балир, перешептываясь и что-то бормоча. Несколько детей играют возле тел, подталкивая друг друга прикоснуться к гниющей коже, повизгивая от размеров созданий. Океан продолжает врезаться волнами в тела, тщетно пытаясь утащить их обратно в воду.

— Необычно, — говорит Люцента Рафаэлю, когда они спускаются по камням к песчаному берегу. — Но не неслыханно. Бельдайн и раньше видел массовые выбрасывания. Причиной этому может быть что-угодно — потепление или похолодание воды, скудный год для мигрирующих рыб, шторм. Возможно, здесь то же самое. Простое изменение приливов.

Рафаэль тянет рукава, пряча в них свои руки и смотрит на детей, бегающих вокруг тел. Простой шторм или смена течения не могут объяснить энергию, которую он чувствовал из океана прошлой ночью, поднявшуюся с кровати Виолетту, удушье, которое он чувствовал. Нет, причина не в природных явлениях. Есть какой-то яд, просачивающийся в мир. Где-то есть трещина, разрыв привычного порядка вещей.

Жуткая энергия задерживается, но Рафаэль не может объяснить этого тому, кто не ощущает ее. Его взгляд задерживается на воде. Он не спал, провел всю ночь за письменным столом, рылся в каких-то сохраненных им бумагах с записями, пытался решить эту головоломку.

Люцента выглядит так, будто с трудом пытается скрыть боль в ее костях.

— Некоторые жители говорят, что подобное происходит даже вдоль побережья Дамаккан. — Она нашла удобное место среди камней и села. — Видимо, это происходит не только здесь.

Рафаэль оставляет Люценту и спускаются к краю воды. Он закатил рукав и погрузил флягу в прибой, позволяя наполниться. Прикосновение к океану заставляет желудок сжаться так же сильно, как это было в ночь шторма.

Когда фляга наполняется, Рафаэль спешит выйти из воды, стряхивая ядовитые прикосновения океана.

— Ты бледен, как бельгийский мальчишка, — вскрикивает Мишель, когда Рафаэль доходит до него.

Рафаэль сжимает флягу обеими руками и идет обратно к замку.

— Я буду у себя в кабинете, — отвечает он.

Когда он возвращается в свои покои, он выливает содержимое фляги в чистый стакан, затем ставит его на стол под свет из окна. Он открывает ящики стола и достает несколько драгоценных камней. Эти же самые камни он использовал тестируя других членов Кинжала, на Энцо и Люценте, Мишеле и Джемме. На Виолетте. На Аделине.

Рафаэль аккуратно раскладывает камни вокруг воды из океана. Затем он отходит назад и наблюдает за происходящим. Он тянется к камням нитями своей энергии, ища подсказку, уговаривая камни ответить.

Сначала ничего не происходит.

Затем, медленно, очень медленно несколько камней начинают пылать изнутри, загораются не солнечным светом, а чем-то другим. Рафаэль тянет за нити энергии так же, как он делал это, тестируя новую Элиту, он концентрируется и хмурит брови. Цвета мигают изнутри, то потухают, то сверкают вновь. Воздух искрится.

Ночной камень. Янтарь. Лунный камень.

Рафаэль смотрит на три светящихся камня. Ночной камень — ангел Страх. Янтарь — ангел Ярости. Лунный камень — святая Моритас.

Независимо от местонахождения, Рафаэль чувствует себя в океане. Прикосновение Преисподни, бессмертная энергия богини Смерти и её дочерей. Рафаэль хмурится еще больше, когда идет к столу и вглядывается в воду в стакане. Чистая, сияющая светом, но за ней — призрак смерти во плоти. Неудивительно, что энергия ощущается так неправильно.

Подземный мир просачивается в мир живых.

Рафаэль трясет головой. Как такое возможно? Царство богов не соприкасалось с человеческим миром — бессмертию не место в смертном мире. Единственная связь между магией богов и миром живых — лишь драгоценные камни, вялые остатки того, к чему прикасались руки бессмертных богов, когда они создавали мир.

И Молодая Элита, добавил сам Рафаэль, его сердцебиение участилось. И наши богоподобные силы.

Даже стоя здесь, отворачиваясь от этой загадки снова и снова, он обнаруживает, что смотрит в сторону камеры Энцо, где задержался призрак его принца, после того, как его вытянули из Преисподни. *После того, как вырвали из Подземного мира.*

Молодая Элита, вырванная из бессмертного царства и брошенная к смертным.

Глаза Рафаэля округлились. Подарок королевы Мэв, воскрешение Тристана и Энцо... может ли это быть причиной всего этого?

Он идет к своим сундукам и вытаскивает несколько книг, раскладывая их в ненадежную кучу на столе. Его дыхание становится редким. Он представляет воскрешение снова и снова — ночь во время шторма на арене Эстенции, появление Аделины под маской Мэв, скрытой под капюшоном мантии, взрыв темной энергии, которую он почувствовал в воде арены, пришедшая откуда-то из потустороннего места. Он думает об уходящем из глаз Энцо свете.

Прежде, богиня Смерти наказала целые армии, взяла реванш над принцами и королями, что стали слишком высокомерны перед лицом верной смерти. Но что случится, если Молодая Элита, смертное тело, обреченное повелевать силами богов, один из самых сильных в Элите, которого Рафаэль когда-либо встречал, был забран из её царства? Сможет ли это разорвать материю между живым и мертвым?

Рафаэль читал до поздней ночи. Он игнорировал все стуки в дверь весь день, но сейчас это прекратилось. Вокруг него разложены книги, многочисленные тома мифов и историй, математики и науки. Каждый раз, когда он переворачивает страницу, свеча на столе мерцает, будто собирается погаснуть. Он ищет конкретный миф — единственное время, когда бессмертный мир прикоснулся со смертным, единственный миф, о котором он слышал.

Наконец, он находит его. Лаэтеc. Ангел Радости. Рафаэль замедляется и читает вслух, шепча каждое слово.

— Лаэтеc, — бормочет он, — ангел Радости, самое драгоценное и любимое дитя богов. Возлюбленное настолько, что он стал таким высокомерным, считая, что лишь он один достоин восхваления. Его брат Денариус, ангел Жадности, вскипел в обиде от этого. Одной

ночью Денариус скинул Лаэтеса с небес, обрекая его ходить по миру, как человек, сотню лет. Ангел Радости упал со света небес через тьму ночи в смертный мир. Содрогания от его падения рябью послались через всю землю, но потребовалось больше сотни лет, прежде чем последствия воплотились. В мире появился дисбаланс, яд бессмертия прикоснулся к смертным.

Голос Рафаэля утих. Он прочитал это снова. В мире появился дисбаланс.

Яд бессмертия прикоснулся к смертным. Его палец двинулся вниз страницы, быстро скользя к концу истории.

— ... доколе Лаэтес может смотреть вверх, в небеса, с места, где боги коснулись земли, и ступить туда снова с благословением каждого из богов.

Он подумал о кровавой лихорадке, волнах чумы, которые породили Элиту.

Кровавая лихорадка. Раскол между мирами. Эти бедствия стали следствием встречи бессмертного и смертного — последствия падения Лаэтеса. Он подумал о силах Элиты. Об Энцо, возвращенного в смертный мир после посещения царства бессмертных.

Как он не увидел этого раньше? Как не увидел эту связь до этого момента?

До того, как яд в океане дал ему подсказку?

— Виолетта, — пробормотал Рафаэль, поднимаясь со стула. *Она поймет — она первая почувствовала яд в океане.* Он накиннул верхнюю одежду и поспешил к двери. На ходу он подумал о том, как впервые проверил силы Аделины, как они отреагировали на Преисподню, разбив стекло лампы и разбросав бумаги с его стола.

Эта энергия похожа на Аделинину, сказала Виолетта, когда ее ноги коснулись воды в океане.

Если все, о чем он подумал — правда, им не только придется встретиться с Аделиной снова... они будут нуждаться в её помощи.

Когда Рафаэль свернул за угол и вошел в холл, где находилась комната Виолетты, он остановился. Перед дверью уже стояли Люцента и Мишель.

Рафаэль замедлил шаг. Даже с такого расстояния он мог ощутить беспокойство за дверью Виолетты.

— Что такое? — спросил Рафаэль.

— Мы услышали стоны, — сказала Люсента. — Это звучало не как человеческий плач... Рафаэль, это был самый ужасный звук, который я слышала.

Рафаэль обратил внимание на дверь Виолетты. Теперь он тоже может это слышать, глубокие стоны, заставляющие сердце сжиматься. Он не звучит как Виолетта. Он глянул на Мишеля, который покачал головой.

— Не хочу этого видеть, — бормочет он, его голос мягок. Рафаэль распознал страх в его глазах, желание избежать представления, которое он слышал.

— Оставайся здесь, — нежно говорит Рафаэль, положив руку на плечо Мишеля. Затем он кивает Люценте и заходит в комнату.

Виолетта не спит, или так кажется на первый взгляд. Темные волны ее волос пропитанны потом, пряди прилипли ко лбу, ее руки обнажены и бледны даже на фоне ночной сорочки, ее пальцы отчаянно сжимают ткань постельного белья. Её глаза открыты, Рафаэль замечает, что она не подозревает, что он и Люцента стоят рядом с ней, в ее комнате.

Но больше всего их внимание привлекли отметины, покрывающие её руки.

Эта девочка, Элита, которая не имела ни одной отметины, теперь отмечена пятнами,

растягивающимися по всей коже. Они похожи на синяки, черные, синие и красные, неправильные метки, пересекающие друг друга, тянутся по ее рукам. Они растягиваются вверх к ее шее и исчезают под тканью сорочки. Рафаэль подавляет вздох.

— Кажется, она не совсем в сознании, — говорит Люцента. — Вчера она была в порядке — ходила вокруг, разговаривала, улыбалась.

— Он была уставшей, — ответил он, проводя рукой в воздухе над ее телом, вспоминая, как устало выглядела её улыбка. Нити ее энергии путались, сплетались и расплетались. — Я должен был почувствовать это прошлой ночью.

Но даже он никогда бы не догадался, как резко это могло случиться, как Виолетта могла пойти в кровать без всяких меток Элиты, а пронуться утром так, словно она была избита. Были ли это причиной того, что она побывала в ядовитом океане? *Все приходит чтобы уйти.* Мысли наполняют его голову, даже когда он пытается игнорировать их. *Это тот же самый феномен, который опустошает кости Люценты, это же убило Лео, обратив его ядовитую силу против него самого же, и то, что, в конце концов, произойдет с оставшимися нами. Побочный эффект имеет прямую связь с ее силой.* Виолета, чьи способности однажды защитили от отметин, как у других, теперь столкнулась с обратным — ее сила злобно повернулась к ней.

Рафаэль трясет головой, изучая её энергию. *Она умрёт. И это случится раньше, чем с остальными из нас.*

Мне нужно сообщить Аделине. Нет другого выбора.

Он выпрямляется и глубоко вздыхает. Когда он говорит, его голос спокоен и не дрожит.

— Принесите мне перо и пергамент. Мне нужно послать голубя.

Аделина Амутеру

Они говорят, что она ненавидела всех в целом мире, кроме мальчика с колокольни.

— *«Леди Темных Дней», Дантел.*

* * *

Только начало дня, но холодная морось осела над городом, принеся с собой туман, приглушающий свет. Серджи удалился в свои покои, пожаловавшись на головокружение и жажду, его губы пересохли. Я иду по улицам города в одиночестве, одетая в белый плащ с капюшоном, прикрывающим мои волосы. Я скрыта за иллюзией невидимости. Дождь бьёт по моему лицу, оставляя крошечные булавочные уколы льда, и я закрываю глаз, наслаждаясь ощущениями.

Уже по привычке я посещаю купальню после встреч с Тереном, так я могу смыть пятна его крови с кожи и очистить себя от воспоминаний его внешнего вида. Не смотря на это, взгляд его бледных глаз остаётся в воспоминаниях, даже если я уже давно покинула его камеру. Я направляюсь в сторону дворцовой купальни. Я могла бы добраться до неё по коридорам дворца, — но тут спокойная территория, и я могу побыть наедине со своими мыслями под серым небом.

Пара мужчин стоят перед мостом, который ведёт ко входу во дворец, их взгляд остановился на главных воротах. Они о чем-то перешёптываются. Я медленно иду, затем поворачиваюсь, чтобы посмотреть на них. Один из них высокий и светловолосый, пожалуй, слишком светловолосый для кенетрианца, а другой низкий и темноволосый, с оливковой кожей и слабо выраженным подбородком. Их одежда намочена от мелкого дождя, будто они стояли на улице уже очень долгое время.

О чем они шепчутся? Слова выползают из тени моего сознания, шёлкая когтями. *Возможно они шепчутся о тебе. О том, как убить тебя. Даже твой сладкий воршика предостерегает тебя от крыс, которые могут проскользнуть через щели.*

Я сворачиваю с пути, ведущего в купальню, и решаю проследить за мужчинами. Когда я пересекаю мост, оставаясь скрытой за моей невидимостью, они заканчивают свой разговор и продолжают свой путь.

Мои знамена Белой Волчицы, новые флаги страны, свисают с окон и балконов, белосеребристые ткани запятнаны и намочены. Сегодня по улицам ходит только небольшое количество людей, все съёжились под плащами и широкополыми шляпами, поднимая грязь, когда идут. Я подозрительно их оглядываю, даже когда следую за двумя мужчинами.

Когда я иду, мир вокруг меня приобретает сверкающий блеск. Мои шёпоты становятся все громче, и лица проходящих людей начинают искажаться, как будто дождь размывает мои видения и смазывает влажными струями их черты. Я моргаю, пытаюсь сфокусироваться. Энергия во мне сжимается, и на мгновение я представляю Энцо, тянущего нити связи через

весь океан.

Теперь я достигаю двух мужчин и оказываюсь достаточно близко, чтобы отрывки их разговора доносились до меня, и я ускоряю свои шаги, любопытно слушая, что они скажут.

— ... отправить свои войска обратно в Тамуранию, но...

— ... трудно? Не думаю, что её будет заботить, если...

Они говорят обо мне.

Светловолосый мужчина качает головой, приветствуя одной рукой, когда расстроено объясняет что-то.

— ... и это, не так ли? Волчица не может позаботиться о том, меньше ли нам продают гниющих овощей на рынках. Я не могу вспомнить вкус свежего инжира. А можешь ли ты? Его собеседник кивает:

— Вчера, моя маленькая дочь спросила меня, почему у торговцев фруктами сейчас есть две груды продуктов, но они вручают свежую еду *покупателям-мальфетто*, а гнилую еду — нам.

Холодная, горькая улыбка кривит мои губы. Конечно, я создала этот закон, чтобы быть уверенной, что немеченые страдают. После того, как закон вступил в силу, я провела время обходя рынки, наслаждаясь тем, как немеченые гримасничают над гнилой едой, которую они принесли домой, заставляя себя есть от голода и отчаяния. Сколько лет мы ждали справедливого отношения к себе? Скольких из нас закидывали на улицах почерневшей капустой и мясом, наполненным опарышами? Воспоминания загораются, возвращаясь ко мне, и вместе с этим возвращается запах испорченной еды, которой однажды меня закидали. *Клянусь, ваше гнилое оружие возвратится к вам и заполнит ваши рты. Ешьте, пока вам не понравится.*

Мужчины продолжают дальше, не замечая, что я слушаю каждое слово. Если я раскрою им себя сейчас, упадут ли они на колени и попросят ли прощения? Я могла бы казнить их прямо здесь, пролить их кровь прямо на этой улице за то, что посмели использовать слово мальфетто. Я позволяю себе потонуть в мыслях, когда мы заворачиваем за угол и подходим к площади Эстенции, где проходят ежегодные скачки Турнира Штормов.

Этим утром площадь пуста, окрашена серым облаками и дождём.

— Если я увижу её сейчас, — говорит один из мужчин, стряхивая воду со своего капюшона, — я бы засунул эту гниль обратно в её рот. Дам испробовать ей это самой и посмотреть, стоит ли это того, чтобы есть.

Его спутник издаёт лающий смех. Такие смелые, когда они думают, что никто их не слышит. Я останавливаюсь на площади, но прежде, чем позволяю им уйти по своим делам, я открываю рот и говорю:

— Осторожнее. Она всегда наблюдает.

Они оба меня слышат. Они останавливаются и оглядываются вокруг себя, их лица полны страха. Они ищут, кто мог сказать это. Я остаюсь невидимой в центре площади и улыбаюсь. Их страх пронизывает, и когда это происходит, я глубоко вдыхаю, смакуя силы их энергии. Я искушаюсь протянуть руку и схватить эти нити. Но вместо этого, я просто наблюдаю, как мужчины бледнеют, как призраки.

— Пошли, — шепчет светловолосый, его голос дрожит от ужаса. Он начал дрожать, хотя я сомневаюсь, что это от холода, и в его глазах бусинами появляется намёк на слёзы. Его лицо размывается, как размывается весь мир вокруг меня, и на мгновение, я могу видеть чёрные прожилки на месте, где должны быть глаза, и розовую полоску там, где когда-то был

рот. Двое спешат через площадь.

Я смотрю вокруг, удивлённая моей маленькой игрой. Слухи о том, как Белая Волчица охотится в воздухе, что она может наблюдать прямо в ваших домах и в ваших душах, разнеслись по всему городу. Это оставило постоянное чувство тревоги в энергии города, постоянный затаённый страх, который сохраняет моё чувство сытости. Прекрасно. Я хочу, чтобы немеченые почувствовали это вечное беспокойство от моих правил, чтобы знали, что я всегда наблюдаю за ними. Это сделает любое восстание против меня сложным в организации. И это заставит их понять страх, от которого меченые так долго страдали.

Другие люди проходят мимо меня, не замечая моего присутствия. Их лица выглядят как разрушенные картины. Я пытаюсь отмахнуться от размытости, но появляется тупая головная боль и неожиданно я чувствую себя измотанной. Шествует патруль моих инквизиторов в белых плащах, их глаза ищут немеченых людей, которые могли бы нарушать мои новые законы. Их броня похожа на размытые волны в моих глазах. Я кривлюсь, хватаясь за голову, и решаю вернуться во дворец. Дождь пропитал мой плащ, и 'теплая ванна' звучит заманчиво.

К тому времени, когда я достигла ступеней, ведущих в купальню, морось превратилась в непрекращающийся дождь. Мои босые ноги издают слабые шлепающие звуки, прикасаясь к мраморным полом, когда я иду внутрь.

Там, я наконец скидываю невидимость. Две девицы проскальзывают за мной, когда я захожу, но я просто хочу погрузиться в теплую воду и пусть мой разум откинется прочь.

Когда я подхожу к ванному залу, я слышу пару голосов просачивающихся изнутри. Мои шаги на момент замедляются. В купальне не пусто, как я думала. Я должна бы послать слугу вперёд себя, чтобы он очистил залы. Я достаточно долго сомневаюсь, затем решаю продолжить. Как никак, я королева — я всегда могу приказать уйти тому, кто бы это не был.

Бассейн тянется длинным прямоугольником, я стою на его краю, на другой стороне зала. В воздухе висит тёплый туман, и я чувствую запах влажности. На другой конец бассейна проходят голоса, которые я слышала совсем недавно. Я сбрасываю свою влажную одежду и опускаю пальцы в теплую воду, я слышу медленный грохочущий смех, который заставляет меня замереть. Внезапно, я узнаю, кто это — Магиано. Он не говорил, что собирался в купальню.

Он стоял спиной ко мне, и не трудно было разглядеть его в теплом туманном воздухе. Но это явно он. Его загорелая спина оголена, его мускулы блестят, и его косы затянуты узлом высоко на голове. Он непринужденно склоняется над краем бассейна, и стоящая рядом на камнях фигура — та же самая девица, которую я видела с ним во дворце.

Она опускается на колени, её волосы спадают на одно плечо, она застенчиво улыбается, когда вручает ему бокал глинтвейна.

О, говорят шепоты, перемешиваясь. Мы думали, что он был твоей игрушкой.

Снова озлобленность поднимается в моей груди — мои иллюзии ткнут изображение передо мной ещё раз. Девушка, больше не одетая, она купается с Магиано, вода блестит на её коже, он тянется к ней, проводя своими руками по изгибам её тела. *Иллюзия.* Я закрываю глаз, глубоко дышу и считаю в уме, пытаясь заглушить мысли. Это отнимает гораздо больше усилий, чем было раньше. Я чувствую яростное желание выйти из бассейна, бросить одежду обратно, и поспешить в свои покои, оставить их здесь, чтобы они делали все, что захотят. Но я так же остро чувствую желание причинить вред девице. Моя гордость возвращается. *Ты королева Кенетры. Никто не должен заставлять тебя уйти.* Поэтому я поднимаю подбородок и иду в воду, позволяя теплу окутать моё тело.

Слыша то, как я подхожу, девица косится в мою сторону. Затем она замирает, когда узнает меня. Могу сказать, что её взгляд сразу же пробегается по покрытой шрамом стороне моего лица. От неё исходит всплеск страха, и я отталкиваю своё желание напугать её ещё больше, чтобы подразнить своей силой. Вместо этого я просто улыбаюсь. Она вскакивает на ноги и склоняется в поклоне.

— Ваше Величество, — приветствует она.

При этом, Магиано слегка пододвигается в мою сторону. Он должен был почувствовать мою энергию в тот момент, когда я вошла в зал, я понимаю — он должен был знать, что я была здесь. Но он делает вид, что удивлён.

— Ваше Величество, — говорит он, вторя девушке. — Прошу прощения, я не слышал, как вы вошли.

Я взмахиваю рукой на девицу. Ей не нужно повторять. Она несётся к ближайшей двери, не решаясь попрощаться с Магиано.

Магиано смотрит ей вслед, потом поворачивается ко мне. Его взгляд блуждает по моему лицу, переходит к воде, плещущей вокруг моих голых плеч.

— Вы желаете искупаться в одиночку, Ваше Величество? — спрашивает он. Он отодвигается, чтобы выбраться, и поднимается на полпути из бассейна.

Вода стекает по его подтянутому животу.

Я никогда не видела Магиано раздетым передо мной. Мои щеки загораются. Я так же замечаю, впервые, его метку полностью открытой. Это тёмно-красное пятно, которое растягивается по всей длине его бока, где священники Солнечных земель долгие годы пытались вырезать его метку, пытаясь свести её. Первый раз, когда я увидела этот старый шрам, это было ночью, когда мы вместе сидели у костра и Виолетта ещё была со мной. Я помню губы Магиано на моих губах, тишину вокруг трескающего огня.

— Останься, — отвечаю я. — Я могла бы побыть в какой-нибудь компании. Магиано улыбается, но в его глазах определённая настороженность.

— Просто в какой-то компании? — дразнит он. — Или в моей компании?

Я качаю головой, пытаюсь сохранить улыбку на лице, когда мы одновременно движемся к краю бассейна.

— Ну, — говорю я, — Ты, определённо, лучшая компания, чем Терен.

— И как поживает наш любимый сумасшедший?

— Он... не восстанавливается, как он привык. Его ссадины на запястьях постоянно кровоточат.

Легкомысленное настроение Магиано улетучивается.

— Ты уверена?

— Я сама это видела.

Магиано молчит, хотя я знаю, что он думает о том же, что и я. Предсказание Рафаэля для всех нас.

— И как ты чувствовала себя в последнее время? — тихо спрашивает меня Магиано. — Твои иллюзии?

Шёпоты в моей голове зашептались между собой. *Мы не слабость, Аделина. Мы — твоя сила. Ты не должна так сильно нам сопротивляться.*

Я отворачиваюсь и концентрируюсь на воде, плещущей вокруг нас.

— Я в порядке, — отвечаю я. — Мы отплывем в Тамуранию на несколько недель, и, как всегда, я хочу видеть тебя на моей стороне.

— Мы уже вторглись в Тамуранию, — отвечает Магиано. — Уже беспокоишься? Я едва успел распаковать все вещи.

Могу сразу же сказать, что легкомыслие в его голосе нереально.

— Ты не взволнован. Я подумала, что великий Магиано будет заинтересован во всем золоте, хранящимся в Солнечных Землях.

— Я заинтересован, — говорит он. — И, видимо, так же как и ты. Только я сомневаюсь, любовь моя, потому что прошло не так много времени, когда мы были в Дюморе. Тамуранцы совсем не слабая нация, даже после потери их северных территорий. Это империя с тремя королями и сильным военно-морским флотом. Твои люди достаточно отдохнули для нового вторжения?

— Тамурания будет моим драгоценным камнем, — отвечаю я. Затем я хмуро гляжу на него. — Ты все ещё жалеешь Дюмор, за то, что я сделала с ним.

Улыбка Магиано, наконец, сходит, и он он одаривает меня серьёзным взглядом.

— Я сожалею им за проигрыш их страны. Но я не жалею их, глядя на меченых. Огонь в тебе горит так ярко, как это было, когда я впервые встретил тебя. Ты сделаешь Дюмор лучшим местом.

— Когда твоё сердце стало таким мягким? — Спрашиваю я его, когда провожу пальцами по воде, создавая рябь. — Когда я впервые встретила тебя, ты был закоренелым вором, который с восторгом забирал чужие вещи.

— Я крал у бесполезных дворян и наглых правителей. Пьяниц и дураков.

— Ты скучаешь по той жизни?

Магиано молчит. Я чувствую его близость, теплоту его кожи, едва касающуюся моей.

— У меня есть все, чего бы я хотел, Аделина, — наконец говорит он. — Ты подарила мне чувство мирового богатства, жизни во дворце и жизнь в роскоши. — Он приближается. — Я хочу быть на твоей стороне. Что ещё мне нужно?

Но я отняла что-то у него. Он почти говорит об этом, и я слышу это так, будто он сказал об этом вслух. *Всем нужна цель, и я забрала её. Что он теперь может сделать, когда получил все?* Больше нет азарта от охоты, азарта от погони.

Магиано поднимает руку из воды и касается моего подбородка, поднимая его вверх, оставляя за собой капельки воды на моей коже.

— Я с нетерпением жду, когда смогу увидеть тебя королевой Солнечных Земель, — говорит он, его взгляд блуждает по моему лицу.

Что ты видишь сейчас, Магиано? Мне интересно. Когда он впервые встретил меня, я была девочкой с сестрой, отвергающей друзей, и сильным желанием отомстить Инквизиции. Теперь я управляю Инквизицией. *Что ты видишь, когда ты смотришь на меня? Это та же девушка, которую ты когда-то целовал под треск огня?*

Постепенно, в его глазах появляется старый озорной блеск. Я дрожу, когда его губы останавливаются напротив моего уха, и я не могу ничего сделать, думаю о его погруженной в воду половине тела, вспыхивая от осознания того, что я тоже голая ниже плеч.

— Я нашёл тайное место, — шепчет он. Его руки находят меня под водой, тянут за запястье. — Пойдём со мной.

Я не в состоянии подавить смех.

— Куда ты меня ведёшь? — говорю я, шуточно ругающимся голосом.

— Я попрошу прощения потом, Ваше Величество, — дразнит он в ответ, посылая мне ухмылку, когда тянет нас к дальнему концу бассейна. Здесь вода разделяется на две части,

каждая из которых ведёт к более приватным палатам. Одна из палат была закрыта в течении последних нескольких месяцев, когда часть арки рухнула в воду и стала непроходимой. Когда мы достигаем поворота, я думаю, что Магиано приведёт нас в закрытую палату справа. Но он не делает этого. Вместо этого, он ведёт нас на лево, к потонувшей арке. Мы останавливаемся перед ней.

— Вот. — Магиано разводит руки в жесте, изображая торжество. — Пируй своим величием.

Я морщусь нос.

— Ты пытаешься произвести на меня впечатление рухнувшей аркой?

— Никакого доверия. Вообще никакого. — Возвращается он к себе старому, и это посылает поток радости через моё сердце. — Иди за мной, — бормочет он. Тогда он делает глубокий вдох и ныряет, хватая меня за руку, когда погружается.

Сначала я не решаюсь. Есть некоторые вещи, которых я боюсь. Огонь. Смерть. И последний раз я была погружена в воду в канал Мерругаса, когда мои иллюзии впервые предали меня, мне не очень повезло. Когда я сопротивляюсь, Магиано всплывает обратно.

— Не бойся, — говорит он с полуулыбкой. — Я с тобой.

Его рука сжимает моё запястье, снова игриво меня дергает. И в этот раз, я чувствую себя с ним в безопасности, глубоко вдыхаю и делаю то, что он сказал.

Вода тёплая, она ласкает моё лицо, и, когда я иду глубже, мир исчезает в тени света и звук приглушается. Через воду я мельком вижу голое тело Магиано, скользящее к разрушенной арке, как балира. Затем я замечаю, что он хочет мне показать. В самом низу, арку с приватными покоем перекрыли не полностью. Ещё есть узкий вход под водой, тот, что выглядит достаточно широким для человека, чтобы проплыть в него.

Магиано входит первый. Его движения вызывают тучу пузырьков. Я следую за ним. Свет в воде темнеет, чернеет, и на момент, я чувствую удушливое чувство страха. *Что, если достигла Преисподней?* Шёпоты в моей голове возбуждаются. *Что, если он ведёт тебя сюда, чтобы утопить?*

Тогда я снова чувствую знакомую руку Магиано на моём запястье, тянущую меня вверх. Я всплываю, задыхаясь. Когда я сбрасываю мокрые волосы с лица, я смотрю вверх и вижу, что комната освещается только голубоватым сиянием мха на стенах.

Магиано наблюдает за мной. Он поворачивается, показывая туда, где на стенах начали расти растения.

— Удивительно, не правда ли, — говорит он, — как быстро жизнь находит место для себя, когда никто вокруг не поддерживает её?

Я с удивлением оглядываю слабое свечения мха.

— Что это? — Спрашиваю я, протягивая руку к сине-зелеными растениями.

Они ощущаются как бархат, как лучшие меха.

— Волшебный мох, — отвечает Магиано, восхищенно наблюдающий за мной.

— Ещё он цветет во влажных пещерах Мерругаса. Как только он находит благоприятные трещины в стенах, где он может вырасти, он распространяется повсюду. Воля делает свою работу, они фиксируются в арку и вновь открывают эти покои. — Он ухмыляется. — Будем надеяться, что это займет много времени.

Я улыбаюсь. Свечение добавляет синий оттенок, обрамляя кожу Магиано, смягчая его черты. Он стряхивает воду. Я приближаюсь к нему, внезапно осмелев.

— Полагаю, ты часто сюда приходил, — говорю я, немного поддразнивая. — Приводил

своих горничных и почитателей?

Магиано морщится при этом. Он качает головой.

— Вы думаете, что я подстилка для каждой девушки, с которой говорю? — говорит он и пожимает плечами. — Польщен, Ваше Величество. Но вы очень ошибаетесь.

— Итак, ты говоришь мне, что приходишь в это секретное место в одиночку?

Он кокетливо наклоняет голову.

— Что случилось с вором, желающим личного времени тогда и сейчас? — Он подходит ближе. Его дыхание согревает мою кожу, словно туман повис над водой. — Конечно же, вы здесь. Полагаю, я не одинок, в конце концов.

Румянец согревает мои щеки, когда я осознаю о своей голой коже и выше, и ниже воды. Моя энергия затихает рядом с ним, и я жду его прикосновения. Он наклоняется так, что его губы становятся рядом с моими, и мы зависаем, застывшие во времени.

— Ты все ещё помнишь огонь? Под звёздами? — спрашивает он, внезапно смущаясь, и я впервые чувствую себя невинно за все это долгое время.

— Я помню, что мы делали, — отвечаю я с небольшой улыбкой.

Смех сходит с его губ. Затем становится серьёзным выражение его лица.

— Вы спросили меня, действительно ли я скучаю по своей старой жизни, — шепчет он, его голос хрипит. — Вы знаете, о чем я скучаю больше всего? По той ночи.

Моё сердце замирает, ноет во внезапной тоске.

— А как насчёт девушки, с которой ты сидел рядом в ту ночь? Ты тоже по ней скучаешь?

— Она ещё здесь, — отвечает он. — Вот почему я все ещё остаюсь здесь.

Затем он сокращает расстояние между нами, и его губы касаются моих. Вокруг нас нет ничего, кроме шума воды, слабо плещущей по заросшему камню, и слабого свечения мха. Его рука скользит вдоль моей голой спины, обводя изгибы моего позвоночника. Он притягивает меня к себе и мы прижимаемся грудью. Его губы спускается с моих губ к подбородку, и он прокладывает по моей шее дорожку поцелуев, спускаясь все ниже и ниже. Я вздыхаю, не желая в этот момент ничего, кроме как остаться с ним здесь навечно. Нити связи с Энцо исчезают в моём сознании, и на мгновение я забываю, что мы связаны всем. Руки Магиано пробегают по моей спине, не желая отпускать. Моё дыхание становится обрывистым, я чувствую, как почти задыхаюсь. Постепенно, я замечаю, что мы добрались до края бассейна, и он сильнее прижимает меня к камню. Одной рукой он проникает в мои волосы и притягивает к себе. Он снова целует меня в губы, теперь уже более настойчиво, и я нетерпеливо тону в нем. Из горла Магиано вырывается низкий стон. На секунду я представляю, как он зайдет ещё дальше, и моё сердце дико колотится в груди.

— Ваше Величество, — задыхаясь, шепчет он. — Вы погубите меня.

Затем он притягивает меня к себе так, что каждый дюйм наших тел касается друг друга. Я прижимаюсь к нему, промокшая в роскоши тёплой воды. Я не хочу спрашивать его, о чем он думает.

Раздается слабый голос, приглушенно, с другой стороны нашего скрытого пространства. Я игнорирую его, когда Магиано топит меня в новом поцелуе.

Сквозь пелену мыслей, снова слышится голос.

— Ваше Величество? Ваше Величество!

Вода плещется вокруг нас.

— Ваше Величество, — голос все ещё продолжает звать, он приближается. Теперь я

узнаю его, как одного из стюардов, которые доставляют мне сообщения. — Вам срочное письмо!

— Она не здесь, — ворчит другой голос. — Баня пуста. — Голос вздыхает. — Она, наверно, перерезает глотки дуракам.

Слова вытягивают меня из тумана. Я отталкиваюсь от Магиано, когда его глаза открываются. Он тоже поглядывает в сторону рухнувшей арки, затем бросает на меня вопросительный взгляд. Я выпрямляюсь и одариваю его улыбкой, не желая показать, что заявление слуги меня смутило. Вместо этого я вздыхаю и пытаюсь согнать румянец с лица.

— Вам лучше уйти, — шепчет Магиано, его слова отдаются эхом. Он кивает в сторону рухнувшей арки. — Далеко не для меня прерывать что-то срочное.

— Магиано, я... — Я начинаю говорить. Но остальные слова не хотят выходить, и я перестаю пытаться сказать их. Я делаю глубокий вдох, прежде чем ныряю под теплую воду и плыву в главный зал купальни.

Я выплываю с громким плеском. Откуда-то слышится удивленный визг. Я вытираю воду с лица и вижу двух посланников, стоящих на краю бассейна, их глаза широко раскрыты, а над ними витает страх.

— Да? — хладнокровно говорю я, поднимая брови.

Это приводит людей в ступор. Они в унисон отпрыгивают назад и склоняются в поклоне.

— Ваше Величество, я... — говорит один из них, его голос дрожит. Это тот, кто говорил обо мне с саркастическим отвращением. — Я-Я-Я...надеюсь у вас была прекрасная ванна. Я-

Его слова становятся бессвязной кучей, когда Магиано подходит ко мне сзади, стряхивая воду с волос. Если бы он не был здесь, я могла бы позволить себе наказать этого посланника, говорящего обо мне так небрежно. Шёпоты смешиваются, в восторге от страха, исходящего от мужчин. Но я не избавлюсь от них. В этот раз им повезло.

— Вы упомянули срочное письмо, — наконец говорю я, прерывая несвязную речь. — Что это?

Второй мужчина, поменьше и потоньше, приближается к воде. Он показывает мне свернутый пергамент. Я пробираюсь к нему и поднимаю руку из воды, чтобы взять его.

Малиновая восковая печать для писем отмечена королевским гербом Тамуралии. Я ломаю её, разворачивая пергамент...и застываю.

Я узнаю этот почерк. Никто не может писать так изящно, такими аккуратными чертами. Магиано приближается к моей спине и заглядывает в письмо. Он шепчет первую мысль в моей голове.

— Это ловушка, — говорит он.

Но я не могу говорить. Я только читаю послание снова и снова, удивляясь, что это действительно означает.

Её Величество Кенетры,

Ваша сестра умирает. Вы срочно должны прибыть в Тамуралию.

Раффаэль Лоран Бассет.

Аделина Амутеру

Куда ты пойдёшь, когда часы пробьют двенадцать?
Что ты будешь делать, когда столкнёшься с самим собой?
Как ты будешь жить, зная, что ты сделал?
Как ты умрёшь, если твоя душа уже покинула твоё тело?

— *Отрывок монолога из «Компассия и Эратосфен», в исполнении Уильяма Денбери.*

* * *

Завтра мы отплываем к берегам Тамурагии. Поэтому сегодня весь дворец светится торжеством в честь празднования нашего предстоящего вторжения.

В каждом зале дворца стоят длинные столы, заставленные блюдами, а дворы искрятся фонариками и танцами. Мы с Серджо сидим в одном из садов. В моих руках отрывок пергамента от Раффаэля, который я тереблю так сильно, что с трудом могу прочитать содержание письма. Мой желудок пустой и я чувствую в нем боль. Я не смогла даже допить травяной напиток, и теперь, не имея силы держать их в страхе, шёпоты начинают безостановочно журчать в глубине моего сознания снова и снова.

В конце-концов, Виолетта с «Кинжалами». Твоими врагами. Ну, что за предательница.

Почему ты все ещё заботишься о ней? Ты забыла, как она бросила тебя?

Да, она пыталась оторвать нас от тебя.

Ей лучше умереть.

Место Магиано рядом со мной пусто. Он забрал свою лютню и теперь, сидит во входной арке сада, играет песню, которую он сочинил только сегодня. Под ним собралась толпа. Все они уже пьяные — они раскачиваются в танце, спотыкаясь обо все, что можно, и шумно смеются.

Краешком глаза вижу развернувшуюся иллюзию Виолетты. Я вижу её умирающей на полу, проливающую лужу крови, в то время, как веселящиеся люди перешагивают её тело. Я переключаю своё внимание на Магиано, надеясь, что он хоть как то отвлечет меня.

Магиано — сегодняшнее вечернее зрелище. Он одет в золотые и белые шелка, мерцают побрякушки, вплетенные в его длинные косы, которые лежат на одном его плече. Он наклоняется вперед и одаряет ослепительной улыбкой ликующих людей, которые собрались послушать его музыку; каждый раз он делает паузы в игре, что бы вызвать оклик. Люди выкрикивают названия старинных народных песен, взрываются возгласами и аплодисментами, когда он принимает их. Я краснею, когда вспоминаю воду в ванне, бисеринами оплетающую его косы, его голую гошу, касающуюся моей в нашем секретном бассейне, освещенном тусклым синим свечением волшебного мха. Возможно, он тоже думает об этом.

Если ты будешь нас игнорировать, это ничего не изменит, Аделина. Твоя сестра все —

равно умрёт. И ты будешь рада этому, не так ли?

Шёпоты проталкиваются в мой разум, пока я не скривляюсь, схватившись за голову.

— Ваше Величество?

Голос Серджо рядом со мной вновь отсылает шёпоты в закоулки моего разума. Я немного расслабляюсь в кресле и смотрю на него. Он встречается с моим взглядом с явным беспокойством.

— Ничего, — говорю я. — Я думаю о письме Раффаэля. — Я держу его, чтобы показать Серджо.

Он позволяет одобрительно хмыкнуть, когда вгрызается в ножку жаренного зайца.

— Возможно он слышал слухи о вашей ссоре с ней и хочет использовать это против вас.

Виолетты может даже и не быть с ним.

Часть меня все ещё волнуется при мысли о Раффаэле — мгновенно, я представляю его на палубе корабля королевы Мэв, окруженного пламенем, прижимающего лоб Энцо, чтобы успокоить принца, его трагический взгляд на меня, его заплаканные глаза и то, как он отчаянно трясёт головой. Если справедливость — то, что ты ищешь, Аделина... Ты не найдешь её так.

— Они в Тамурании, — говорю я слишком громко, пытаюсь заглушить шепот. — Нет сомнений, что они работают вместе с Золотой Тριάдой. Их правители должны думать, используя мою сестру против меня, заставляя действовать неосторожно.

— Они пытаются обманом встретиться с вами, — отвечает Серджо, хотя бросает на меня осторожный взгляд, который не соответствует его смелым словам. — Чтобы оставить вас в одиночной комнате. Но то, что они получают — это армия.

Он отливает остаток напитка в свою чашку, заметно удивляясь, какой он крепкий, а потом освобождает место на столе. Он достает сморщенный пергамент и раскрывает его. В последнее время он везде таскал это с собой, так что я уже знакома с ним. Это его план сражения с Тамуранией.

— Я уже перекопал все карты ландшафта вокруг Аламора, которые мог найти. Взгляните: сам город окружен высокими стенами, но если мы сможем подняться сюда, — он указывает на странный выступ скал, которые извиваются вдоль восточной стороны города, — мы сможем найти способ, чтобы попасть за стены.

— И как мы это сделаем? — спрашиваю я, скрестив руки. — Балиры не могут летать далеко в глубь страны, не в пустыню Солнечных Земель. Они задохнутся в сухом воздухе.

В момент, когда я говорю об этом, я сама знаю ответ. Я кидаю мимолетный взгляд на Серджо, который одаривает меня озорной улыбкой, когда наливает стакан воды вместо вина.

— Думаю, я знаю того, кто может устроить нам прекрасный шторм, — отвечает он.

Я улыбаюсь ему.

— Это должно сработать, — говорю я, поддаваясь вперед в кресле, что бы ближе присмотреться на расчеты Серджо. Я впечатлена тем, как он разделил наших оставшихся людей. — Мы устроим сюрприз тамуранцам в их же доме.

Глаза Серджо бегло проносятся над торжеством. Я слежу за его взглядом. Патруль пересекает толпу, вызывая возгласы и насмешки. Развлечение начинается.

— Мы удивим их больше, — отвечает Серджо. — Мы разгромим их так громко, что их Золотая Триада вскоре будет мыть ваши мраморные полы.

Наш разговор умолкает, когда процессия движется к главной поляне. Её ведут два молодых инквизитора, которые радостно подталкивают вперед несколько человек со

связанными руками. Они спотыкаются и падают, а затем припадают, делая мне что-то похожее на поклон. Вокруг них рукоплещет толпа. Вина выплескиваются из бокалов.

— Ваше Величество! — зовет меня один из инквизиторов. Его волосы блестят на свету, разоблачая мерцание красно-алого на чёрном. — Нашли этих четырех на улицах и принесли вам. Я услышал, как один из них произнес слово *мальфетто*. Другой пытался пройти, как один из нас, использовав ложную метку.

Из-за этого толпа — все меченые — начинает проклинать людей, связанных на земле. Я вглядываюсь в них, что бы рассмотреть поближе. Один из них — старик, а рядом с ним стареющая женщина. Третий — мальчик, а четвертая — девушка, недавно вышедшая замуж, она до сих пор носит двойные полосы вокруг одного из пальцев. Могу сказать, что девушка — это та, что использовала ложную метку в цвете волос и на коже, испорченную там, где инквизитор размазал её своей рукой.

— Сжечь их всех! — кто-то кричит, и это встречается громовым откликом.

— Давайте веселиться! — кричит кто-то другой.

Над аркой мой взгляд встречается с глазами Магиано. Он больше не улыбается. *Их страх и ненависть заполнили это место*. Шёпоты снова защебетали, полностью проснулись, и ужас, доносящийся от четырех заключенных, заполняет мои чувства, питая меня. Я принимаю их и ощущаю немного сожаления. Ведь не так много времени прошло с тех пор, как однажды они стояли и смотрели, когда меченых волокли по улицам и поджигали, видели наши семьи, забитые до смерти камнями толпами восторженных зрителей. Мы привыкли быть теми, кто ворует порошки и микстуры из аптек, чтобы отчаянно скрыть свои отметины. Как быстро наши бывшие враги попытались перенять нашу внешность — как охотно они мазали краску на себя в попытке быть более похожими на нас.

Так почему мы не должны поддерживать их наказание?

Серджио рядом со мной тоже молчит. Я смотрю на инквизитора, зажигающего факел от одного из фонарей, а потом он выжидающе поглядывает на меня. Так же, как и все остальные. Шум исчезает: они ждут моего приказа.

Я их королева. *Мальфетто*, нет, не так, меченых. Я даю им то, чего они хотят, и они дарят мне свою верность. Я тоже этого хочу. Мой взгляд перемещается на дрожащих заключенных на земле. Я останавливаюсь на самом маленьком, мальчик. Он смотрит на меня пустым взглядом. Рядом с ним старый мужчина поднимает своё заплаканное лицо так долго, чтобы я могла увидеть в них ослепляющую ненависть. *Королева демонов*, я знаю, о чем он думает.

Шёпоты в моей голове собрались в глухой рокот. Я склоняю голову и закрываю глаз, тщетно пытаясь их заткнуть. В другую ночь я могла бы быть более жестокой, чем сейчас; в прошлом году я приказала казнить заключенных передо мной, так что в этом нет ничего нового. Но сегодняшней ночью моё сердце чувствует тяжесть из-за письма Раффаэля.

Видение Виолетты продолжается в толпе моих мыслей.

Достаточно одного взгляда на Магиано. Он неумовимо качает головой, и его слова повторяются у меня в голове, как будто он шепчет мне на ухо.

Возможно, он черпает мою силу. *Пусть люди немного тебя любят, моя Аделинетта*.

— Освободить их, — я слышу, как говорю это, когда потираю виски. — И продолжайте празднование.

Хриплые радостные крики толпы исчезают, когда они понимают, что я сказала. Заключенные таращатся на меня в изумленном молчании, как и мои инквизиторы.

— Я что-то не ясно сказала? — выкрикиваю я. Углы пространства темнеют, и навязчивый вой шепотов хлещет в воздухе. Вокруг толпа позволяет освободить испуганные вздохи, когда они отходят от надвигающегося мрака. Мои солдаты начинают действовать, развязывая веревки, которые связывали руки заключенных и заставляли стоять на коленях, так что они могут поблагодарить меня. Они колеблются, растерянно моргают, и я смотрю на них. Удивительно, как моя сестра влияет на мои решения, даже когда ее нет рядом.

— Убирайтесь вон, — огрызаюсь я на пленников, стоящих на коленях. — Пока я не передумала.

Им не нужно второго приказа. Девушка первая карабкается, чтобы встать на ноги, потом бросается к старику и тянет его, помогая подняться. Старая женщина следует их примеру. Мальчик задерживается дольше, недоуменно смотря на моё лицо, прежде чем он тоже спешит за остальными. Толпа оборачивается на них, и музыканты пытаются снова начать играть, рассеянное пение начинает пробивать неловкую тишину.

Я снова смотрю на арку, но Магиано там больше нет.

Его отсутствие вызывает в моей груди волну тьмы, оставляя меня измученной, и теперь все, чего я хочу — уйти отсюда и найти его. Я плету иллюзию невидимости вокруг себя, пока толпа пытается вернуться к празднованию. Только Серждо понимает, что я ушла, хотя не зовёт, чтобы остановить.

Я отвращенно качаю головой, когда иду. Все это из-за Виолетты, сделавшей меня мягче этой ночью.

Я выхожу из сада, и иду в тёмный зал. Здесь тоже есть толпа нового дворянства, меченые, которым я вручила аристократические титулы после зачистки их от немеченых. Я прохожу сквозь них. Один из дворян разливает вино, когда я сталкиваюсь. Я бегу по коридору, пока не прихожу к винтовой лестнице, охраняемой инквизиторами, и тогда я поднимаюсь на пустой этаж. Наконец-то, покой.

Я останавливаюсь и прислоняюсь головой к стене. Шепот кружится в облаке вокруг меня, и их ярость вызывает сильное головокружение. Я стараюсь успокоиться.

— Магиано, — зову я, интересно, он может быть рядом, но мой голос разносится лишь эхом по коридору.

Ты не должна была отпускать их, говорят шёпоты. Они всегда отвечают, когда никого нет.

— Почему бы и нет? — резко возражаю я сквозь зубы.

Безобидные вырастают, чтобы стать вершителями гнева. Ты знаешь об этом лучше, чем кто-либо ещё, глупая королева.

— Пожилая пара и пара детей, — отшучиваюсь я с издевкой. — Они не могут причинить мне вреда.

Я закрываю глаз, и шёпоты вырываются во тьме, сверкая неприкрытыми ухмылками.

Ах! Какой высокомерной ты выросла, маленький волчонок. Мой гнев разгорается, когда они используют моё старое прозвище, и в ответ шёпоты восторженно рукоплещат. *Да. Это приводит тебя в ярость, так ведь? Ты самонадеянна, моя королева. Почему? А ты погляди. Мальчик уже вернулся к тебе.*

Я открываю глаз и оглядываюсь вокруг. В зале передо мной стоит мальчик с угрожающими глазами. Он безмолвно смотрит на меня.

Мой гнев снова зажигается, и призраки иллюзии впыхивают в углу моего сознания.

— Я думала, я сказала тебе убраться.

Мальчик не отвечает. Вместо этого он шагает ближе. Это кровавые слёзы текут из его глаз? *Кровавая лихорадка.* Мой гнев переходит в неуверенность. Тогда мальчик испускает вопль и бросается на меня с ножом.

Я кричу, отшатываясь назад, и инстинктивно прикрываю руками лицо. Сквозь туман мыслей я замечаю, как мальчик исчезает. Он сменился на громадное создание. Его сгорбленную спину покрывают черные фурункулы, а его длинные когти щелкают о пол. Он дергается ко мне, его клыки растягиваются вокруг всей его головы. Воплощение моих шёпотов.

Что такое, Ваше Величество? Боишься своих залов?

Он наваливается на меня с вытянутыми руками, рот расширяется. Он — иллюзия, всего лишь иллюзия. Его не существует. Замечание Раффаэля отвечает меня, тревожит мою энергию, поэтому я снова теряю контроль.

Вот и все. Если только я встану спокойно, он исчезнет в облаке пыли, когда достигнет меня. Он не может причинить мне боль.

Но я не могу заставить себя остановиться. Я в опасности. Мне нужно бежать. Я так и делаю. Я бегу, когда монстр преследует меня, его когти разрывают каменный пол. Я чувствую его горячее дыхание на моей спине.

Коридор бесконечно передо мной растягивается, как и пасть, и когда я моргаю, из стен коридора вырываются руки и тянутся ко мне.

Просыпайся, кричу я на себя, когда бегу. *Просыпайся. Проснись!*

Я спотыкаюсь. Пытаюсь задержать себя, но вместо этого падаю на руки и колени. Существо протягивает ко мне свои руки и я в ужасе смотрю на него. Но он больше не монстр. Я вижу лицо своего отца, искаженное яростью. Он хватается за запястье и тянет вперед, волоча по полу.

— Где ты спрятала свою сестру, Аделинетта? — спрашивает он тихим голосом, даже когда я пытаюсь освободиться. — Что ты с ней сделала?

Она бросила меня. Это не моя вина. Она бросила меня по своей воле.

— Что я сделал, чтобы покончить с такой дочерью, как ты?

Мой отец трясёт головой. Мы заворачиваем за угол и входим в пространство нашей старой семейной кухни. Мой отец хватается за нож для мяса с полки. *Нет, не надо, пожалуйста.*

— Ты открываешь рот, и из него льется только ложь. Кто научил тебя этому, хм, Аделина? Это был один из наших конюхов? Или ты уже родилась такой?

— Я сожалею. — Слезы стекли по моим щекам. — Мне очень жаль. Я не вру. Я не знаю, где Виолетта. — *Я понимаю, что я не ребенок в ловушке старого дома. Я в королевском дворце Эстенции, и я королева. Я хочу вернуться к торжеству. Почему я не могу проснуться?*

Отец поглядывает на меня. Он вытягивает мою руку и ударяет ее об пол. Я плачу так сильно, что почти задыхаюсь. Он ставит нож над моим запястьем, затем поднимает его над своей головой. Я сжимаю глаз и жду удара.

Пожалуйста, позвольте мне проснуться сейчас, умоляю я.

Шепоты смеются в ответ на мою просьбу. *Как вы пожелаете, Ваше Величество.*

— Ваше Величество? Аделина.

Рука, сжимающая мою руку, ослабляет хватку. Я смотрю вверх, чтобы увидеть, что она принадлежит Магиано. Кухня исчезла, а я снова лежу на полу дворцового зала. Магиано тянет меня к себе, когда я продолжаю рыдать — хотя по выражению его лица, он, кажется,

наконец успокоился, сделав со мной зрительный контакт. Я обнимаю его ближе и крепче прижимаюсь. Мое тело дрожит в его руках.

— Как вы умудряетесь всегда находить худший коридор, чтобы в нем полежать? — говорит Магиано, но его передразнивание слишком вялое. Он подносит лицо к моему уху и лепечет что-то, что я с трудом могу понять. Снова и снова, пока шепоты в моей голове постепенно не блекнут в тени.

— Я в порядке, — наконец говорю я.

Он отодвигается достаточно далеко, чтобы одарить меня скептическим взглядом.

— Ты была не в порядке всего несколько минут назад.

Я прерывисто вздыхаю и тру рукой по лицу.

— И все-равно, зачем ты пришел сюда? Ты слышал, что я тебя зову? Это было из-за случившегося сегодня снаружи.

Магиано моргает. — Ты звала меня? — говорит он, а затем качает головой. Его губы вытягиваются в тонкую линию. — Я надеялся, ты придешь за мной.

— Я ишу его лицо, интересно, он все еще насмехается надо мной? Но он выглядит серьезным. Впервые, я замечаю инквизиторов позади него.

Целый патруль вместе с ним глядят на меня.

Внезапно я ощущаю усталось в костях. Магиано видит, как я свисаю, и он захватывает меня за спиной и поднимает на руки без особых усилий. Я позволяю ему. Он что-то бормочет инквизиторам, и они начинают выходить.

Я закрываю глаз сразу после этого, позволяя Магиано проводить меня обратно в мои покои.

Аделина Амутеру

Запасы:

Чёрный хлеб — на два дня; Вода — на шесть дней.

Отходы:

Двенадцатидневный запас чёрного хлеба, червивого; Двенадцатидневный запас воды, непригодной для питья.

— *Из дневника Неизвестного солдата, время боёв за остров Кордонна.*

* * *

К лучшему, что мы отплыли в Тамуранию на следующий же день под ясными голубыми небесами.

Недели, которые мы проведем в море, заставят меня сосредоточиться на нашей новой миссии, чтобы забыть о потере контроля над своими же иллюзиями, в коридоре, прошлой ночью. Магиано не упоминает об этом снова. Мы идём по своим делам на корабль, разыгрывая то, будто все в порядке: у нас было стратегическое совещание с Серждо о том, что как будто никто не помнит об инциденте, случившемся со мной. Но я знаю, что слухи об этом уже распространились среди моих инквизиторов. Тогда и сейчас, я вижу их перешептывания в тени, их поглядывания с опаской на меня.

Наша королева сходит с ума, — должны говорить они.

Моё безумие — это то, что вызывает эти иллюзии, искажает мою уверенность. Поэтому я стараюсь игнорировать их, как и всегда. Какая разница, если я схожу с ума? У меня сотни кораблей. Двадцатитысячная армия. Члены Розы на моей стороне. А я — *королева*.

Мой новый флаг, конечно же, серебристый и белый. В его центре расположен чёрный, стилизованный символ волка, окруженного пламенем. Я — создание, которому суждено было умереть в огне, но я не умерла, и я хочу помнить об этом каждый раз, когда смотрю на это изображение. С каждым проведенным днём в море, серебристо-белые флаги выделяются всё больше и больше на фоне глубины странного седого океана, как стая птиц, летящая в новые места для гнездования. Одна неделя переходит в другую, затем в третью, нас замедляет слабый ветер и вокруг — Водопад Лаэтес.

Конец третьей недели, я стою на палубе моего корабля и смотрю на море кораблей позади нас. На каждом из них развеваются мои вымпелы. Видя это, я улыбаюсь. Прошлой ночью меня снова посетил страшный сон из ночных кошмаров, поэтому я просыпалась снова и снова в своей кровати на борту корабля. Для меня облегчение, что моя армия отвлекает меня от воспоминаний.

— Мы приближаемся к берегам Тамурании, — говорит Серждо, когда он приходит, чтобы встать рядом со мной.

Эти утром он одет в доспехи с ножами, привязанными к его груди, и кинжалами, скрещенными на спине, рукояти торчат из обоих ботинок. Его волосы зачесаны назад, он

выглядит тревожным, стремящимся к действию.

— Вы хотите, чтобы я отдал приказ на изменение вымпелов?

— Сделай это, — киваю я.

Я тоже готова к войне. Мои одежды сменены на доспехи, мои волосы сплетены в плотные ряды кос на затылке, в стиле причесок Кенетры. Я оставила головной убор Тамурании. Это была заманчивая мысль: лететь над Аламором и выглядеть как Тамуранская девушка; но я хочу, чтобы они знали, что страна идёт за ними.

— Как скажете, Ваше Величество, — отвечает Серждо.

Я бросаю на него мимолетный взгляд. Между его бровями образовалась глубокая складка. *Он тоже думает о Виолетте?*

— В этот раз мы добьёмся успеха, — говорю я.

Мы покорим Тамуранию. Мы найдём мою сестру.

— Добьёмся, — повторяет он. Он немногословно кивает, выражение на его лице бесстрастно.

Небо над нами было поразительно голубым, когда мы оставили Кенетру, сейчас же оно угрожающе серое. На горизонте перед нами — чёрная полоса облаков. Серждо закутывается в плащ ещё сильнее, его взгляд сосредоточен на приближающемся шторме. Он работал над этой грозой с тех пор, как мы отплыли, и теперь она достаточно сильна: я чувствую искры в воздухе, покалывание вдоль моих рук.

— Чёрные воды, — бормочет Серждо, указывая вниз на темную воду. — Плохая примета.

— Ваше Величество! — из «вороньего гнезда» доносится крик Магиано.

Мы оба смотрим в небо.

— Мы увидели землю! — Его рука указывает в сторону точки на горизонте, и когда я следую за его рукой, я вижу кусочек серой земли, появляющейся из под тёмного неба. Даже с такого расстояния можно увидеть расплывчатый силуэт высокой стены, укрепленной одной стороной, которая является не более, чем крутой скалой.

Мгновением позже Магиано спускается рядом с нами. Я даже не заметила, как он проделал свой путь по главной мачте.

— Это Аламор, любовь моя, — говорит он, указывая на скалы и стены.

В последнее время мои силы были направлены на Тамуранию, на покорение их северных территорий. Сейчас же я собираюсь вступить в их столицу. Гроза раскатывается через океан, и вспышки молнии заставляют облака засверкать. Я обнимаю себя и вздрагиваю. Моя мать рассказывала мне истории об этом месте, откуда родом мои предки, и то, сколько раз не удавалось армии проникнуть за его стены.

Но моя история отличается.

Если бы Виолетта была бы здесь, она бы дрожала от грома. Она делает это прямо сейчас, где-то в Тамурании?

Серждо кладет руку на рукоять своего меча.

— Я не слышал их звукового сигнала. Но если они ещё не увидели нас, скоро увидят. Половина нашего флота собирается плыть в западные бухты.

— Он рисует невидимые изображения в воздухе, указывая на две бухты города и скалы вдоль его северной границы. — На западе их главной гавани будет трудно пройти из-за узкого прохода. На востоке пройти проще, но там полно острых камней. Это место, где другая часть нашего флота собирается пройти, а здесь мы. Мы можем плыть, но не можем

причалить.

Поэтому мы зазовем наших балир. — Серджо делает паузу, чтобы посмотреть на меня. — Я надеюсь, вы отдохнули, потому что вы нам нужна, чтобы создать одну обширную иллюзию невидимости для нас.

Я киваю. Даже если Тамурания может сейчас увидеть проблеск наших кораблей, они не будут ожидать, что всё растворится в воздухе.

Невидимость, несмотря на все моё мастерство, до сих пор остаётся одной из самых сложных моих иллюзией: делать себя невидимой в городе, как правило, требует большой концентрации — вырисовывать внешний вид со всем, что находится вокруг меня, потому что я постоянно двигаюсь. Но здесь, в открытом океане, все, что мне нужно сделать — сплести иллюзию повторяющихся волн и неба над нашими кораблями. Даже если я несколько ошибусь, Тамурания будет наблюдать издалека. Обмануть их должно быть легко. Если я смогу сплести невидимость на всем флоту, они не будут знать, где мы находимся, пока мы под ней.

— Балиры готовы? — спрашиваю я, подходя ближе к перилам, чтобы посмотреть вниз на океан.

— Они готовы, — кивает Серджо.

Но я мгновенно чувствую беспокойство в нем и наблюдаю. Когда он видит моё выражение, он вздыхает и качает головой.

— Барилы были беспокойными всю ночь. Я не специалист в их поведении, но некоторые члены экипажа сказали мне, что, кажется, они больны.

Возможно, причина в чем-то в воде.

— Всегда знал, что рыба из этого пролива имеет забавный вкус, — насмехается Магиано, но он говорит это, как шутку. Я изучаю барил, которые скользят по поверхности воды, когда они плывут. Я не могу сказать насколько они здоровы, но слова Серджо пугают меня.

— Будут ли они достаточно сильны, чтобы пронести нас через восточный залив? — спрашиваю я, когда одно из созданий с призывом прорывается сквозь волны.

Серджо скрещивает руки на груди.

— Они говорят, что балиры будут лететь достаточно долго, чтобы перенести нас через стену. Я не знаю, выживут ли они в долгой битве.

— Поэтому мы должны сделать это быстро и чисто, — говорит Магиано.

— По сути, да.

Магиано поднимает брови. Он не говорит об этом, но я знаю, что он хочет, чтобы с нами был кто-то, похожий на Джемму. Возможно, это будет, когда-нибудь. Но Джемма мертва. *Она все-равно тебя ненавидела*, добавляют шёпоты, а я ожесточаю сердце, прежде чем позволяю себе думать о ней немного дольше. Кинжал будет ждать нас вместе с Тамуранской армией.

Мысль поставить их на колени даёт мне некоторое чувство удовлетворения. *Наконец-то*, вздыхают шёпоты.

В унисон наши серебристо-белые вымпелы прераждаются в черные, которые сливаются с темнеющим небом. Эхо наших военных барабанов углубляется и их ритм проносится через море. Берега Тамурании становятся ближе, и я могу видеть башни столицы. Корабли уже собрались в гавани, некоторые сгруппировались в тесный проход, готовые остановить нас. Но шторм Серджо уже делает свою работу. Океан разбивается о скалы гавани, извергает

белые брызги высоко в воздух и раскачивает Тамуранский флот.

Волны тяжело бьют наши корабли, и когда одна из них разбивается о нашу сторону, я кренюсь в сторону перил. Мои руки находят их и схватывают для безопасности. Позади меня Магиано делает прыжок на край судна и поднимается в мгновение ока. Он оборачивается на лестничных ступенях, которые ведут вверх по мачте.

— Вам нужно лучше разглядеть, — кричит он. — Присоединишься ко мне?

Он прав. Я беру его за руку, и он тянет меня к первой ступени. Я медленно поднимаюсь, когда судно трясет. Темнота уже почти накрыла небо, оставив лишь кусочек синевы над столицей в окружении бурлящих грозových облаков. Плотные капли дождя начали падать на нас. Нас сотрясает раскат грома. Отсюда я могу видеть все побережье Тамурании — небольшой залив с одной стороны города и более широкая бухта, которую сейчас мы проплываем угрожающе близко. Перед нами зияет залив, и его камни остры и зазубрены, как пасть чудовища, поднимающегося из океана. Прямо за ним полоса Тамуранских кораблей, все они перед нашим флотом и готовы к бою. Из одного из кораблей искрами загорается взрыв канонады.

Предупредительный выстрел.

Я захватываю океан позади нас. Военные корабли Кенетры ждут нашей команды. Магиано одривает меня своей идеальной улыбкой.

Я поворачиваюсь обратно к бухте и Тамуранским кораблям. Шёпоты в моей голове пробуждаются в восторге от своей свободы, и энергия, всё вокруг меня сверкает в паутине нитей. Я темнею внутри, и моя тьма растягивается, ищет страх в сердцах наших врагов-солдат, появляется тревога в сердцах моего флота. Она растёт в моей груди, пока я не могу больше её сдерживать.

Поэтому я выпускаю энергию и тку.

Облака над нашим флотом светятся тускло голубым. Затем из воды выплескивается иллюзия существа — фигура из чёрного дыма, которая превращается в призрак белого волка, каждый из его клыков такой огромный, как один из наших кораблей, его глаза светятся красным во время шторма. Оно парит над нашим флотом и ослепляет ярким светом корабли Тамурани. Оно освобождает рев, прямо тогда, когда ещё один раскат грома раскалывает небо.

Флот Тамурании ведет огонь полными залпами из пушек в нашу сторону, но я усмехаюсь, потому что я чувствую внезапный всплеск ужаса в сердцах их солдат. Они глядят прямо в морду демонического создания.

— Готов? — спрашиваю я, взглянув на Магиано.

Он подмигивает. Дождь намочил нас, и вода капает с его высокого пучка кос.

— Всегда готов для тебя, любовь моя.

Я слегка краснею и быстро отворачиваюсь, прежде чем он смог бы увидеть это. Затем я перевожу концентрацию моей иллюзии.

Магиано тянет свою энергию — берет на себя иллюзию белого волка, и, когда он задерживает его, я плету огромное покрывало невидимости на все наши корабли, превращая их в изображение чёрного океана и грозowego неба. Мы исчезаем из вида в бурлящих волнах.

Тамуранские корабли продолжают обстрелы, но теперь я могу сказать, что они слепо целятся только в направлении их последней атаки. Мы достаточно близко ко входу в бухту, и я вижу, что солдаты Тамурании бегают в стороны на палубах кораблей, их головы намокли под дождем.

Моё сердцебиение учащается от волнения при виде их. *Я иду за вами.*

Я иду за своей сестрой.

Внизу разносится голос Серджо: «Огонь!»

Наши пушки взрываются в унисон. Они разрывают Тамуранские корабли, и далекий дым и крики наполняют воздух. Они отстреливаются, но они все ещё не могут нас видеть. Наш корабль достигает устья залива, все ещё прикрытый невидимостью, и Серджо ведёт нас, избегая зазубренных скал по обе стороны.

Магиано вдруг хватается моё запястье и дергает меня вниз, опускаясь в «воронье гнездо». Я инстинктивно нагибаюсь вместе с ним. Мгновение спустя, я понимаю, что привлекло его внимание — барилы, одетые в серебряные доспехи, летящие в нашу сторону. Требуется немного времени, чтобы признать одного из всадников. И это признание приходит только из-за пламени, что выстреливают в нас.

Энцо.

Кинжалы здесь.

Наш вымпел загорается, пока большие брызги волн не разбиваются снова о нас. Но проблеск пламени на время обнажает наш корабль, и

Тамуранские пушки направляются в нашу сторону. Они взрываются, бросая снаряды в нас.

Меня отталкивает на Магиано, когда одна из их пушек рвётся в сторону нашего судна. Моя концентрация мерцает, и моя иллюзия колышется достаточно долго, открывая наши корабли, как призраки, движущиеся против ветра, затем я быстро их прикрываю. В воздухе Энцо выпускает вниз ещё один взрыв огня. На этот раз он попадает на один из кораблей позади, и паруса выпыхивают пламенем.

Другие вражеские барилы начинают стрелять в нас. Я стискиваю зубы и жмусь к Магиано в «воронье гнездо», вслушиваясь в звуки, которые прорезают воздух. Наш корабль, а так же пара других, сумели прорваться в бухту, но мы двигаемся не слишком быстро, чтобы отражать Тамуранский флот, ждущий нас. Нити связи Энцо тяжело тянутся в моем сердце, и чувствую, как он тянется ко мне, как привыкла звать его я. Он точно знает, где я нахожусь. Даже сейчас, я вижу, как он кружит вокруг, всадник отделился от других, охотясь на меня.

Незаконнорожденный принц.

— Мне нужно лететь, — бормочу я Магиано, шатаюсь на ногах. — Мне нужно быть в воздухе.

Как только я произношу эти слова, в нас ударяет взрыв ветра. Его ответ теряется, когда он хватается меня за талию и прижимает в «воронье гнездо» защищая лица от удара. Это настолько сильный шторм, что он угрожает поднять нас на наши ноги. Только то, что нас сжимает Магиано, мешает нам быть судутыми в океан. В то же время волна ударяется о судно позади нас с такой силой, гораздо большей, чем волны шторма.

— Я вижу Танцующую с ветром! — кричат мне.

Когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть, он указывает на балиру, которая проносится мимо, подходя достаточно близко ко мне, чтобы увидеть медно-русые кудри струящиеся за всадницей. Вместе с Люцентой есть еще кто-то, и ее поза сгорбленна, будто она истощена. Но это не помешало ей взглянуть в нашу сторону, и когда она это делает, в нас ударяет еще один взрыв ветра.

Удар сбивает меня с ног. Я падаю, когда очередная волна пробивает защиту нашего корабля, затем пошатываюсь, смаргивая воду с лица. Магиано снова хватается меня за руку, и

мир немного очищается. Трюк Люценты развеял всю мою концентрацию и мой плащ-невидимку, который полностью исчез, оставив мои корабли открытыми. Я заставляю себя отбросить свою растерянность и снова начать ткать.

Корабли постепенно начинают растворяться в шторме. В дали, Тамуранские всадники направляются в сторону нашего второго флота на западных границах. Моя невидимость сбрасывает линию Тамуранских судов, защищающих главную бухту, и некоторые наши стреляют из пушек в уязвимые стороны ближайших вражеских судов.

Магиано ведет нас на борт корабля. Он яростно взмахивает рукой одной из наших барил.

— Наш! — кричит он на солдата-наездника.

Балира поворачивается в нашу сторону. Она летит вниз, приближается к кораблю, затем ныряет на поверхность воды с огромным сплеском. Волна качивает нас. Магиано взбирается на перила у гнезда, выпрямляется, и я следую за ним. Когда балира проплывает рядом с кораблем, мы прыгаем через край и приземляемся на спину. Первоначальный всадник уходит в сторону, ныряя в воду и поднимаясь вверх вдоль корпуса корабля.

Магиано тянет меня к нему на спину балиры. Она скользкая от дождя, и я благодарна за ремни, которые дают нам безопасную опору о плоть. Балира беспокойно шевелится в воде. Она резко поворачивает, затем устремляется вперед, готовясь к полету.

Тогда волна океана пропитывает мои ноги. Я втягиваю воздух.

Серджо уже упоминал об этом: в воде есть что-то, что делает барил больными. Теперь я понимаю что. Океан кажется чужим. Есть присутствие яда, в темноте, которая кажется одновременно знакомой и тошнотворной.

Я чувствую дрожь и хмурюсь, пытаюсь определить, что это такое. Я ощущала этот мрак еще до этого, в моих кошмарах. Я знаю, что это.

Шепоты в моей голове переполошились и возбудились.

Мои мысли рассеиваются, когда связь между Энцо и мной туго натягивается. Я задыхаюсь. В тоже время Магиано выныривает обратно, управляя балирой и выпускает нас в небо. Он резко поворачивает нас вправо, его рука крепко захватывает мою талию. Я кричу, когда взрыв огня попадает в пространство, в котором мгновением назад были мы.

Энцо появляется в небе на небольшом расстоянии от нас. Его темные волосы хлещут спину от ветра и дождя, промокшие насквозь, и я вспоминаю о последней битве между нами, когда я глядела в пустоту его глаз. Мое сердце болит, когда я понимаю, что ненавижу его. Я снова задыхаюсь, когда его сила напирает меня, зарывает когти. Шепоты хватаются за нити, угрожая превратить меня в марионетку.

Затем Магиано наносит ответный удар Энцо. Он имитирует энергию Жнеца, и я вижу выпыхивающие искры из рук Магиано, и он швыряет их в Энцо, растягиваясь в линию огня. Балира Энцо отдергивает голову от пламени, унося его дальше от нас, а давление на мою энергию ослабляется. Я снова дышу. Тогда я набрасываюсь на него. *Энцо не может убить тебя, не убив себя. Он хочет только победить тебя.* Я сохраняю эту близкую мне мысль, и это дает мне силы.

Я резко тяну нас к нему. Когда я схватываю наши нити и топлю их в своем мраке, моя связь закрепляется в его сердце, заглушая его энергию. Он заметно вздрагивает, его глаза сжимаются, он тяжело давит на узду балиры и существо уходит от меня. Он начинает погружение. Его энергия толкается против моей, горячая и палящая, огонь загорается в моей черноте. Я вздрагиваю. Мы летим все ниже и ниже, пока Энцо не скользит по воде. Дождь

бьется о мое лицо, и я отчаянно вытираю глаз, чтобы очистить взгляд.

Через нити энергия Энцо бросается на меня. Мое зрение размывается, затемняется на мгновение, и темные силуэты продвигаются вперед. *Нет. Я не могу позволить себе поддаться иллюзии прямо сейчас.* Среди этого хаоса я слышу голос Энцо, как будто он обращается именно ко мне.

Тебе здесь не место, Аделина. Разворачивайся.

Его слова вызывают во мне волну гнева и подталкивают нас продвигаться быстрее. Сейчас мы очень близко к берегу, и несколько наших кораблей прорвались через оборону Тамурамии. Мысль о победе танцует в моей голове. *Я нахожусь там, где я хочу. И я возьму Тамурацию, как я забрала Кенетру у вас.*

Но огонь Энцо палит мои внутренности, оборачиваясь вокруг сердца, закрывая в нити. У меня вспыхивает другой слой пота, мое зрение размывается еще больше. Я вижу себя, тянущуюся и плетущую что-то в воздухе. *Нет. Я не могу позволить ему контролировать меня.*

Ты моя, Аделина, рычит Энцо. Оберни свои силы против своего флота.

Я не могу остановить его. Мои руки поднимаются, готовые выполнить его приказы. Тогда я чувствую, как мир давит меня, и я в отбрасываю голову в агонии. Плащ-неведимка распространяется на Тамуранский флот, скрывая их от моего собственного. Я бросаю завесу мнимой боли и швыряю её в своих же всадников в воздухе.

Они кричат. Я беспомощно смотрю на это, не в состоянии дышать от всплеска энергии, когда мои всадники падают с балир. Я борюсь за воздух.

Мир затуманивается. Я заставляю себя сосредоточиться на связи. Как будто Энцо стоит рядом и сжимает руками мое сердце, выжимая и выжимая, пока я не готова лопнуть. Я должна разорвать его хватку.

Ясный голос кричит над нами: — Аделина! Остановись!

Даже прежде чем я могу посмотреть на него, я уже знаю, что это Раффаель.

Но он не один. Перед ним на балире лежит маленькая, хрупкая фигура. Это Виолетта, ее волосы — темная полоса шелка на ветру. Руки Раффаеля плотно обернуты вокруг нее.

Она здесь. С ними.

На мгновение все вокруг меня исчезает. Все, что я могу делать, это смотреть на Раффаеля, который поворачивается в мою сторону и открывает рот, чтобы что-то сказать.

Что-то пролетает мимо моего видения. Белый плащ. Один из моих инквизиторов. Я успеваю лишь бросить взгляд в мою сторону, прежде чем вижу своего солдата на балире, несущуюся к нам с поднятой дубиной. У меня нет времени подумать или вскинуть руки в обороне. Инквизитор взмахивает дубиной и крепко хватает меня за плечо, насильно поднимая меня вместе с балирой. Шепоты в моей голове вопят. Мир все темнеет и темнеет, пока я ничего не вижу и не слышу, лишь крики Магиано где-то далеко.

А потом все становится чёрным.

Аделина Амутеру

Таким образом, мы согласны с тем, что в любой день мои войска, Аристаны, вступают во владения Восточной Амადерой до устья реки, и ваши войска, Саланы, вступят во владения Западной Амадерой. Не будет пролито крови.

— *Договор между Аристанами и Саланами до второй Гражданским войны Амადеры, 770–776.*

* * *

Я просыпаюсь из-за звона цепей. И я понимаю, что эти цепи на моих запястьях. Мир обостряется и размывается снова и снова, поэтому могу сказать, что вокруг все лишь темно-серое и серебристое, что камни подо мной холодные и сырые. На мгновение я возвращаюсь в подемелья Инквизиторской Башни; мой отец только умер, и мне суждено сгореть на костре. Я даже слышу его смешок в углу комнаты, вижу туманный мираж того, как он стоит, прислонившись к стене, рана на груди разорвана и кровоточит, его рот искривился в улыбке.

Я пытаюсь сбежать от него, но цепи держат меня, что бы я не двигалась слишком далеко. Раздается бормотание недалеко от меня.

— Она просыпается.

— Представьте ее перед Тριάдой. Будьте осторожны с цепями. Где Посланник? Нам нужна его помощь...

Они говорят на тамуранском; я не могу понять, о чем они говорят дальше.

Голоса исчезают и, спустя мгновение, я чувствую, как меня начинают поднимать. Мир пошатывается. Я пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь, *на чем угодно*, но мой разум слишком мутен. Шепоты заполняют мою голову абсурдным шумом, затем рассеиваются.

Корridor, лестницы и прохладный ночной бриз. Поблизости слышится голос, который я слишком хорошо знаю. Магиано. Я поворачиваюсь, тоскуя по нему, но я не могу взглядеться, чтобы определить, где он. Кажется, он злится. Его голос проплывает рядом, а затем далеко, пока я полностью не перестаю его слышать. Они собираются причинить ему боль. Эта мысль направляет каждую каплю моей бушующей энергии всплыть на поверхность, и я спутываю нити, нападавая в слепую. Я убью их, если они сделают это. Но мое нападение кажется слабым и непослушным. Вокруг меня образуется кольцо криков, и оковы на моих руках болезненно затягиваются. Моя сила снова растворяется.

Где все остальные? Эта мысль приходит ко мне в голову, и я пытаюсь уцепиться за нее. Где Серджио? Мой флот? Где я? Я затерялась в своих ночных кошмарах?

Воспоминания о битве возвращаются, кусочек за кусочком. Сила Энцо была мной подавлена. На меня напал один из моих инквизиторов. Это я отлично помню. Мысль ощущаются нечетко, но она задерживается достаточно долго для меня, что бы я смогла обдумать ее. Саккорист, восстание против меня.

Крыса, говорят шепоты. Они всегда проникают сквозь трещины.

Тьма снова сменяет лестницу. Мы снаружи, и солдаты-вражесткие солдаты-ведут меня вверх по ступенькам. Я слабо поднимаю голову. Лестницы бесконечно растягиваются по обе стороны от нас и, кажется, ведут нас к небесам. Башни возвышаются выше, на подогонниках пылают золотым огнем свечи, а перед нами ряд огромных арок, парящих над лестницами. Я смотрю выше, туда, где лестница уступает путь величественному, искусно резному входу, обрамленному украшенными колоннами и покрытому тысячами повторяющихся кругами и квадратами. На самых высоких шести словах вырезаны слова.

ВЕРНОСТЬ. ЛЮБОВЬ. ЗНАНИЕ. ТРУДОЛЮБИЕ. ЖЕРТВЕННОСТЬ. БЛАГОЧЕСТИЕ.

Тамуранские слова, но я узнаю их. Это знаменитые шесть столпов Тамуралии.

Я спотыкаюсь на ступеньках, и кто-то поднимает меня. Моя голова тяжело опускается.

В следующий раз я пропыпаюсь лежа в центре обширной круглой палаты.

Вокруг меня разносится низкий гул голосов. По краям комнаты протягиваются ряды свеч, и свет проникает откуда-то выше меня, достаточно, чтобы осветить всю палату. Я чувствую на груди ужасное давление — знакомая привязь между мной и Энцо сжимаясь натягивается, энергия пульсирует и трепещет. Должно быть он в этой комнате. Мои руки по-прежнему скованы, и моя голова пульсирует, но в этот раз мир для меня обостряется, чтобы я могла мыслить здраво. Я подталкиваю себя в сидячее положение.

Я в середине круга, нарисованного на полу, края которого украшены более маленькими кругами. По периметру стоят три трона на одинаковом расстоянии друг от друга, все они указывают в мою сторону. На каждом троне сидит высокая фигура, одетая в тончайшие золотые шелка, ее волосы скрыты за тамуранской оберткой. Золотая Триада. Я в тронном зале Тамуралии, сижу перед их тройкой королей.

Я смаргиваю остатки туманного разума и быстро оглядываю комнату.

Солдаты шевелятся и перемещаются в ответ на мои движения.

Незамедлительно, инстинктивно, я захватываю мою энергию — потоки страха и неуверенности в палате теперь взывают ко мне — и я выбрасываю паутину иллюзий. Палата тонет во внезапной тьме, воздух наполняют крики, и кнут агонии сам извивается вокруг ближайших ко мне тамуранских солдат. Несколько из них издают крик. Я обнажаю зубы, нацеливаясь на королей.

— Оставайся на месте, Аделина. — Это голос Рафаэля.

Я опираюсь на пол, пока мои цепи не позволяют мне двигаться дальше и искать его. Он стоит рядом с одним из тронов, сложив руки. Он выглядит мрачно, но его выражение не уменьшает его красоты. Его волосы прямые и распущены сегодня ночью, черные с сапфировыми прядями, которые ловят свет свечей. Такой же, каким я помню его. Он отвечает мне спокойным взглядом. Цвет его глаз сменяется на свету.

Рядом с ним стоят несколько лучников, их арбалеты указывают на меня.

— Сбрось свои иллюзии, — говорит Рафаэль. — Ты здесь на милости короля Валара, короля Эма и короля Йоза, правителей великой империи

Тамуралии. Поднимись, удерживая свою силу, и обратись к Их Величествам.

Мое самообладание бунтует, даже если я знаю, что Рафаэль прав. Моя сила все еще только иллюзия — я не смогу достаточно быстро напасть, чтобы сдержать эти арбалеты от выстрела в мою сторону. Я умру за несколько секунд. Мысли вспыхивают в моем сознании. *Почему Рафаэль привел меня сюда? Почему он не убил меня? Он мог бы позволить им выпустить их стрелы, не предупредив меня.*

И самая настойчивая мысль: *Если Виолетта здесь в Тамуралии, почему он не*

использует ее способности против меня? Почему они не отняли у меня силу?

Но, что действительно меня останавливает от повторных нападков, — таинственная фигура, стоящая в нескольких футах от Рафаэля, он смотрит на меня, положив руки на рукоять кинжала на поясе. Когда я встречаюсь взглядом с Энцо, связь между нами натягивается так сильно, что я начинаю задыхаться. Я никогда не чувствовала, что наша связь так сильна, что она настолько прочна. Он, кажется, тоже: даже отсюда я чувствую его, чувствую, как он сжимает челюсть, как двигаются его мышцы.

Глаза Энцо так темные, как я их когда-то видела. Они не светятся блеском жизни, который должны иметь глаза. Они тусклы и темны, лишены алого огня, который раньше их наполнял, они заполнены холодной пустотой. Он смотрит, будто едва меня знает. Он не говорит ни слова. Я вздрагиваю снова, когда наша связь натягивается туго, ослабляется, снова натягивается. Как и во время нашей битвы в небе, он пытается подавить мою силу. Но я тоже чувствую боль в этой связи, которая переплетается с моей собственной энергией. Энцо был ранен в бою, и я могу сказать.

Я гневно напрягаюсь. Как ты смеешь пытаться меня контролировать.

Медленно я высвобождаю свои иллюзии на солдат и возвращаю свою силу, запертую внутри груди, защищенную от Энцо. Несколько солдат припадают на колени, все еще дрожа от иллюзии боли. Затем я осторожно вытягиваю обе руки, так, чтобы мог видеть Рафаэль. Если он изучает движение моей энергии прямо сейчас, он будет знать, что я не собираюсь нападать.

Но я не буду поклоняться чужой власти. Мой взгляд перемещается на одного из королей, и я удовлетворена, когда он отвечает на мой пристальный взгляд. Хочется посмотреть вокруг на оставшуюся палату, чтобы встретиться взглядом с другими двумя королями, но тогда бы мне пришлось вертеться на полу, как нищенка. Я не буду делать здесь ничего такого.

— Мой флот, — говорю я вместо этого, поднимая подбородок на короля. — Мои Розы

— Чоурсдэем, — говорит Рафаэль королю. — Роззем.

Король говорит что-то Рафаэлю в ответ. Большинство полностью потеряны на мне, но я различаю насмешливое напевание, которое он добавляет к моему имени.

Рафаэль склоняет голову к королю, затем оборачивается ко мне.

— Война бушует, даже когда мы говорим, королева Аделина, — переводит он.

— Наши войска засели в мертвой точке из-за того, что ваши силы знают, что ты в нашем плену. Другие из твоей Розы так же в наших руках.

Невредимы... на данный момент.

Другой пленный. Это должен быть Магиано. Он был единственным, кто был со мной, в конце концов, я уже слышала его голос ранее. Моя энергия впыхивает, и Рафаэль бросает на меня предостерегающий взгляд. С большим трудом я сглатываю и сдерживаю себя. Жизнь Магиано зависит от моих действий.

— Кажется, тебя предал один из твоих инквизиторов, — говорит Рафаэль.

Один из моих людей. Факт того, что это произошло на глазах Рафаэля, ослепляет меня яростью.

— Ты внедрил мятежника в моих людей, — огрызаюсь я. — Не так ли?

— Мне это не нужно, — отвечает Рафаэль. — Вы бы проиграли эту битву.

— Я не верю тебе.

— Один из твоих людей напал на тебя. Это редкость?

Нет. Это не редкость. Предыдущие попытки нападений мелькают в моих

воспоминаниях, даже когда я пытаюсь держать их подальше. Повстанцы повсюду. Я стискиваю зубы. Я позабочусь о том, чтобы с этого предателя живьем сняли кожу.

Король опять говорит, и Рафаэль переводит:

— Что бы вы сделали на нашем месте? — на устах тамуранского короля появляется признак улыбки. — Я уверен, вы бы нас обезглавили, и держали наши войска на виду. Я слышал о том, что вы делаете в других завоеванных городах. Возможно, мы должны сделать то же самое, свесив ваше тело с мачты наших кораблей. Это должно закончить эту войну достаточно быстро.

Мое сердцебиение учащается, но я не позволяю ему увидеть мой страх. Мой разум волнуется. *Как мне вырваться отсюда?* Я снова смотрю на Рафаэля. *Какую сделку Кинжалы заключили с Тамуранией?*

И Виолетта.

— Где моя сестра? — требую я, дрожащим от гнева голосом.

— Она отдыхает. — Рафаэль делает шаг ко мне.

Он имеет в виду, что с ней все не очень хорошо. Я хмурюсь.

— Ты лжешь. Я видела, как она летела с тобой в бою.

— Она была не в состоянии бороться с вами, — отвечает Рафаэль. — Я взял ее с собой исключительно для того, что бы вы смогли увидеть ее.

Почему Виолетта еще не отняла у меня силы, потому что... она слишком слаба для этого?

— Ты так часто лгал, Посланник, — говорю я с нарочитым спокойствием. — Почему ты должен остановиться сейчас?

— Ради всех богов, она не заслуживает этого, — из тени бубник Мишель.

Внешне он отличается от того, каким я его помню, болен тощий, худые щеки, а его глаза фиксируются на мне со жгучей ненавистью.

— Обезглавь ее и отправь обратно в Кенетру. А остальную часть выброси в океан рыбам. Она всегда принадлежала Преисподне. Может быть, это все исправит.

Я хмурюсь, опешив от таких резких слов, от того, что они исходят от того же паренька, который когда-то оценил мою иллюзию розы. Он так любил Джемму; любая дружба, которая у нас могла бы быть, закончилась в тот день, когда я скинула ее с небес. Девушка, которую я когда-то держала в себе, проталкивается сквозь темную королеву, чтобы остановиться на других воспоминаниях. Я понимаю, что не могу вспомнить звук смеха Мтшеля.

Рафаэль не сводит с меня глаз. К моему удивлению, три правителя, кажется, ждут, пока он заговорит. После очередного краткого мгновения тишины, он шагает вперед.

— Есть тысяча вещей, которые мы смогли бы сделать с вами здесь, под нашей охраной, — говорит он. — Но то, что мы сделаем, — отпустим вас.

— Отпустишь меня? — вторю я и моргаю, хмурясь в замешательстве.

Рафаэль кивает один раз.

Снова его рабочие манипуляции. Они никогда не значат то, о чем он говорит.

— Чего ты хочешь, Посланник? — резко говорю я. — Откровенно говоря, мы сейчас воюем. Наверняка вы не ожидаете моей веры в то, что вы и Тамурания овобождаете меня из милости ваших сердец.

В тишине один из королей обращается к Рафаэлю и поднимает руку с драгоценностями.

— Что ж, Посланник, — говорит он, его голос разносится по палате. — Ца бехаум.

Рафаэль подходит ближе: — Аделина, — начинает он медленно, — мы отпускаем тебя, потому что нам нужна твоя помощь.

Это было совсем не похоже на то, что я ожидала от него услышать. Я могу лишь недоуменно на него смотреть. Затем я начинаю смеяться и шепоты присоединяются ко мне. Ты, должно быть, действительно сходишь с ума.

Что-то в выражении Рафаэля все же заставляет мой смех утихнуть.

— Ты серьезно? — говорю я, насмешливо подражая его привычным жестам. — Ты, должно быть, в отчаянии, если думаешь, что я буду работать с вами и Кинжалами.

— У тебя не будет выбора. От этого зависит жизнь твоей сестры, так же, как и наши жизни. — Он кивает мне. — Как и твоя.

Больше лжи. — Вот почему ты рассказал мне о ней? Почему ты хотел, чтобы я увидела Виолетту с тобой? Потому что вы можете использовать ее против меня? — качаю головой в его сторону. — Жестоко, даже для тебя.

— Я принял ее, — отвечает Рафаэль. — А что сделала ты?

И как всегда его слова отражают правду. *Это то, что ты хотела, Аделина*, уговаривают шепоты. *Ты хотела найти Виолетту, по своим причинам. Теперь ты нашла ее.*

Рафаэль продолжает в тишине:

— Твоя сестра однажды забрала некоторые мои документы из королевского корабля Бельдайна. Помнишь, что она сказала?

Он говорит о пергаменте, который она показала в тот день, когда ушла от меня. Что вся Элита обречена умереть молодой, разрушенной изнутри нашими силами. Как всегда меня пробрало дрожью от его мыслей. Я вспоминаю рану Терена, постоянную жажду Серджо. Мои иллюзии постепенно выходят из под контроля.

— Да, — говорю я. — И что они должны сделать со мной?

Рафаэль по-очереди оглядывает каждого правителя. Они сразу же молча кивают, давая ему какое-то негласное разрешение. Когда они делают это, ко мне приближается Тамуранский солдат, стоящий ранее по краю палаты. Я замираю, когда он надвигается. Рафаэль наклоняет голову, потом идет к выходу из палаты.

— Пойдем со мной, — говорит он.

Энцо движется, как будто бы тоже будет нас сопровождать, но он останавливается, когда Рафаэль качает головой.

— Его сила слишком сильно воздействует на твою, — говорит Рафаэль мне. — Ты должна стоять одна для этого.

Другие следуют за ним. Солдат помогает мне подняться на ноги и ведет вперед. Мы выходим из палаты и входим в коридор, затем оставляем дворец и движемся по береговой линии. Давление на груди облегчается, и я облегченно схожу, когда стена и холмы вырастают между нитями, связывающими меня и Энцо. Ночь темна, единственный свет исходит из двух серебряных кусков лунного света, которые я вижу, глядя сквозь облака. Бушующий над океаном шторм Серджо теперь разогнан, но запах дождя продолжает висеть в воздухе, а трава мокрая и блестящая. Я вытягиваю шею, обыскивая. Где-то там на волнах мои корабли и Серджо.

Интересно, о чем он думает. Интересно, где был захвачен Магиано.

Мы продолжаем идти, пока наконец не доходим до берега. И вот, Рафаэль подходит к нам и шепчет что-то солатам. Они тянут меня вперед, к воде. У меня появляется ощущение, что они намеены утопить меня в океане и это все ритуал. Я борюсь, но это бесполезно.

Спотыкаясь, я иду вперед. К моему удивлению, Рафаэль переходит на мою сторону. Мы стоим на мокром песке и смотри, как волны плывут к нам. Вода и морская пена устремляются на пляж, я втягиваю воздух, когда холодная вода пробегается по моим ногам. Рафаэль тоже позволяет им пройти по ногам, намочив нижнюю часть одежды.

Мгновенно, я снова чувствую это. Я получила только вспышку странной океанской тьмы во время боя, а затем я забыла об этом. Но сейчас, мир вокруг меня настолько тих, что я могу сконцентрироваться, я могу почувствовать смерть в воде. Океан отходит, потом снова бросается вперед. Снова он мочит ноги. Снова я задыхаюсь от холодной энергии, вихрящей в глубине.

Рафаэль смотрит на меня. Его глаза сияют разными цветами в ночи.

— Ты знакома с этой энергией больше, чем кто-либо еще.

Я хмурюсь. Чувство отвращения, меня тошнит от этой неправильности, но в то же время, я понимаю, что я нетерпением ожидаю каждый прилив океана, надеясь на очередную дозу темной энергии.

— Да, — говорю я, машинально, против своей воли.

— Ты помнишь тот день, когда я впервые испытал твои силы? — спрашивает он. — Я хорошо помню твою связь. Амбиции и страсть, да... но больше всего, страх и ярость. Ты остаешься единственным человеком, которого я встречал, рожденного от обоих ангелов, охраняющих Преисподню. Твоя энергия связана с Подземным Миром больше тех, кого я знаю. Эту силу я чувствую в воде — это энергия из Преисподней.

Выражение лица Рафаэля слишком мрачное.

— Элита существует только из-за дисбаланса между смертным и миром бессмертным. Кровавая лихорадка сама по-себе была пульсацией в нашем мире, вызванная древним разрывом. Наше существование противоречит естественному порядку, отрицаемое самой Смертью. То, что Королева Мэв вернула Энцо лишь ускорило процесс разлома. Происходит слияние двух миров, которое медленно отравляет все в нашем мире.

Я вздрагиваю. Вода снова устремляется вперед, и я закрываю глаз, тянусь к темной энергии.

— Причина, по которой я убедил королевство Тамурунии освободить тебя состоит на условии перемирия, — Рафаэль идет дальше, его взгляд задерживается на горизонте. — Потому что нам нужна твоя помощь, чтобы исправить это. Вдоль берегов Тамурунии уже ощущаются последствия. Если мы не сделаем что-нибудь в ближайшее время, погибнет не только вся Элита, но и весь мир.

Я смотрю на горизонт, нежелая Рафаэлю быть правым. Конечно же, это смешно.

— И что моя привязь сделает со всем этим? — наконец говорю я.

Рафаэль вздыхает и склоняет голову:

— Думаю, нам лучше отвести тебя к твоей сестре.

Аделина Амутеру

Я испробовал каждый корень, лист и лекарство, о котором я знаю, но ничего из этого не помогло ни одному из моих пациентов.

Выжили только двое, но оба из них остались с обесцвеченными руками. Вы упомянули о шестилетнем мальчике со шрамом на лице.

Он все-еще жив?

— *Письмо от Марино Ди Сегна к Сириано Баглио, 2 Юнон, 1348.*

* * *

Виолетта. Я едва узнала её.

Её некогда мягкая кожа красивого оливкового цвета теперь пепельно-серого цвета с тёмно-фиолетовыми, похожими на синяки, отметинами, которые покрывают руки и ноги. Они протягиваются даже вдоль её шеи. Её глаза полны болезненности, а её тело намного исхудало, по сравнению с тем телом, которое я помню. Она взволнованно суетится из-за нас, входящих в её покои. Я задаюсь вопросом, может ли она до сих пор почувствовать наши силы рядом.

Раффаэль проходит на её сторону, а затем аккуратно садится на край кровати. Через некоторое время я тоже приближаюсь. Возможно, это не моя сестра, а какая-нибудь другая девушка, которую по-ошибке приняли за неё. У Виолетты нет отметин. Это может быть и не она. Я пододвигаюсь ближе, смотря на её лицо, изучаю его черты. Её волосы влажные, а кожа усеяна капельками пота. Её грудь быстро поднимается и падает, как будто она не может окончательно уловить своё дыхание.

Посмотри, что они сделали, шипят шёпоты, и я поворачиваюсь к Рафаэлю.

— Вы сделали это с ней, — говорю низким, зловещим голосом.

Мои цепи издают глухой звук, ударяясь друг о друга. Солдаты, стоящие вдоль стен палаты Виолетты, вытягивают свои арбалеты, направляя свои стрелы на меня.

— Эти синяки на её руках и ногах, — я останавливаюсь, снова взглянув на отметины на её шее, — вы её били, не так ли? Ты используешь её против меня.

— Ты знаешь, что это ложь, — отвечает Рафаэль.

И хотя я не хочу ему верить, я все же вижу правду в его глазах. Я слатываю, пытаюсь отвергнуть мой собственный страх и отвращение от внешнего вида Виолетты.

— Как долго Виолетта в таком состоянии? — спрашиваю я.

Я надеялась, что Рафаэль не сможет почувствовать изменений в моей энергии, но он склоняет ко мне голову в тонком, привычном жесте, с лёгкой хмуростью на губах.

— Когда я написал это письмо, отметины на ней появились ночью прямо после этого.

С тех пор прошло едва ли более месяца.

— Невозможно изменить всё это быстро.

— Наши силы влияют на каждого из нас по-разному, часто противоположно

дарованным нам силам, — отвечает Рафаэль, оставаясь раздражающе спокойным. — Способности Виолетты поддержали её иммунитет от кровавой лихорадки, так же, как и сила полета Люценты сделала её легкой и сильной. Теперь всё изменилось. Встреча бессмертного мира с нашим ядовита.

Мой взгляд возвращается к Виолетте. Она двигается, как будто чувствует мой взгляд, и когда я смотрю на неё, она поворачивается лицом в мою сторону и ложится на подушку. Её веки подрагивают. Затем она открывает глаза и сосредотачивается на мне. Я изумляюсь от цвета её радужки. Её глаза серые, как будто богатый чёрный цвет, который был раньше, постепенно угасает. Она молчит.

Я чувствую волну отвращения. Рафаэль не может почувствовать жалости к состоянию Виолетты: его сострадание всегда приходит с ценой, с просьбой. Потому что нам нужна твоя помощь, — говорит он. Потому что он нуждался во мне, когда я была членом общества Кинжал, а потом бросил меня, когда я стала ему не нужна.

Так почему я должна помогать лжецу и предателю? После того, через что заставили меня пройти члены этого общества, Рафаэль действительно думает, что я собираюсь бороться за их жизни просто потому что он использует против меня умирающую сестру? Я Белая Волчица, Королева Морских земель, но для Рафаэля я снова просто полезна, и это и заставляет его снова заинтересоваться мной.

Один из Кинжала говорит быстрее меня. Это Люцента, она не переставая потирает руки, как будто пытается уменьшить боль.

— Это нелепо, — бормочет она. — Белая Волчица не собирается нам помогать, даже ради своей сестры. Даже если она это сделает, она предаст нас, как всегда это делает. Она заинтересована только в себе.

Я смотрю на неё, и она смотрит в ответ. Только когда Рафаэль кивает ей в своей обычной манере, она отворачивается, скрестив руки, и ворчит.

Рафаэль поворачивается ко мне.

— Ты знаешь миф о Лаэтесе, да? Об Ангеле Радости?

— Да.

Зал Суда Фортуны был украшен картинами прекрасного Лаэтеса, падающего с небес. Терен однажды рассказал мне об этом, когда я столкнулась с ним в Инквизиторской Башне и забрала оттуда Виолетту. *Ты помнишь историю о том, как Денариус столкнулся с Лаэтесой на небесах, обрекая его бродить по миру, как человек, до того, пока смерть не отправит его обратно к богам?* Это заставляет меня подумать о Магиано, что он, возможно, прямо сейчас где-то в подземельях, где я не могу его достичь.

— Звёзды и небо движутся в другом темпе, нежели мы, — объясняет он. — Что-то, что происходит с богами не будет восприниматься в нашем мире в течении нескольких поколений. Падение радости в смертном мире разорвало барьер между бессмертным и смертным. Это было его падение, ставшее причиной кровавой лихорадки, которая пронеслась по земле. Это и породило Элиту. — Рафаэль вздыхает. — Постоянно меняющееся серебро твоих волос. Мои сапфировые пряди и глаза. Это прикосновения рук богов на нас, их благословление. И это яд, который нас убивает.

Призрачные слова Терена возвращаются ко мне с такой силой, что я чувствую, будто снова стою в Башне Инквизиции, глядя в его ледяного цвета глаза. *Ты — мерзость. Единственный способ вылечить себя от этой вины — искупить ее спасением других меченых. Мы не должны существовать, Аделина. Нам никогда не было суждено быть в*

этом мире. И вдруг я понимаю, зачем Рафаэлю нужна моя помощь. Я узнаю об этом прежде, чем он мог бы мне это сказать.

— Тебе нужна моя помощь, чтобы закрыть разрыв между нашими мирами.

— Всё взаимосвязано, — говорит Рафаэль фразу, которую сказал мне Энцо, когда был жив. — Мы связаны в точке, где упал Лаэтеc, где бессмертие встретилось со смертностью. И для того, чтобы исправить то, что пошло не так, мы должны запечатать место, породившее нас, с способностями, которые мы несём. — *Мы должны вернуть наши силы.* — Мы дети богов, — заканчивает Рафаэль, подтверждая мои опасения. — Только мы можем войти в царство бессмертных и смертных.

— А если я откажусь? — отвечаю я.

Спокойная натура Рафаэля всегда одинаково успокаивала и нервировала меня. Он опускает глаза.

— Если ты откажешься, — отвечает он, — то в течение нескольких лет яд бессмертного мира всё уничтожит.

Я оглядываюсь на сестру. Тело Виолетты, изнемогающее под тяжестью её силы. Разрушающиеся кости Люценты. Вечная жажда и истощение Серджо. Не заживающие рань Терена. И я. Мои обострившиеся иллюзии, ночные кошмары, шёпоты в моей голове. Даже сейчас они бормочут, бормочут, бормочут.

— Нет, — говорю я. Голоса шипят на тело моей сестры. *Ты ничего не должна ей,* теперь они рычат, перемешиваются и вылезают из своих пещер.

Рафаэль наблюдает за мной.

— Ты теряешь время, — говорит он. — Она не продержится долго в таком состоянии.

Я сердито гляжу на него.

— И почему ты думаешь, что меня волнует её смерть?

— Ты все ещё любишь её. Я чувствую это в тебе.

— Ты всегда думаешь, что всё знаешь.

— Что ж? Разве это не так?

— Нет.

Рафаэль прищуривает глаза.

— Тогда зачем ты пришла в Тамуранию, чтобы её найти? Зачем спрашивала о ней? Зачем охотилась за ней по всему миру, будто захватывала новые земли?

Из-за этого шёпоты превращаются в крики. *Потому что она не отвернулась от меня!*

Я так быстро набрасываю свои иллюзии, что лучники вдоль стен не успевают даже среагировать. Мои силы взмывают сквозь другие волны.

Ножи скручиваются, колют, разрывают ваши сердца под моим контролем. Я даже могу сама чувствовать эту боль, как будто бы она повернула свою голову на меня и ищет моё сердце. Люцента задыхается в агонии, с широко раскрытыми глазами пятясь назад, в то время как Рафаэль бледнея хватается за грудь рукой. Арбалеты падают.

— Быстрее! — успевает крикнуть Рафаэль.

Что-то тяжёлое бьет меня. *Это не стрела,* — успеваю подумать я, прежде чем упасть на пол. Весь воздух покидает меня. Я пытаюсь дышать, но в этот миг мои силы мерцают, рассыпаются в моих руках. *Кто-то сумел набросить сеть,* — понимаю я, пошатываясь. *Нет, она упала с потолка:*

Рафаэль догадывался, что я могла так среагировать. Грубые руки хватают мои и с болью затягивают их за моей спиной. Я изо всех сил стараюсь снова собраться с силами и

нанести удар, но шёпоты растут с такой громкостью, что это дезориентирует и не даёт мне сфокусироваться.

Покинь это место и закончи свои завоевания, шепчут мне голоса. *Покажи ему, почему он пожалеет, что сделал это с тобой*. Виолетта беспокойно ворочается в своей постели, не обращая внимание на наше присутствие и теряясь в своём ночном кошмаре.

Я ненавижу тебя. Я отбрасываю мысли на неё, желая ей услышать это. Я думаю о том, как в детстве она съежилась, не в состоянии меня защитить, о том, как она отвернулась от меня, прежде чем покинуть мою сторону, пытаясь отнять то, что принадлежит мне по праву. Я стараюсь задержать эти изображения в голове, когда Рафаэль приказывает тамуранским солдатам забрать меня. Мне стало так хорошо от воспоминаний этих моментов в прошлом году, позволившим укрепить меня — вспоминая о неудачах Виолетты с целью развить мои силы.

Но теперь, картинки, которые наполняют мою голову совсем другого типа. Я вижу Виолетту и себя, мы бежим через высокие травы за спиной нашего старого имения, скрываясь от летних дней в тени гигантских деревьев.

Виолетта обхватывает меня руками на лунном этаже, держит меня так, как когда-то я рыдала в руках Энцо. И Виолетта дрожит рядом со мной, свернувшись калачиком, во время грозы. Её руки в моих волосах, вплетающие цветы между прядями. *Я не хочу видеть это. Почему я не могу от них избавиться?*

Если она умрёт, ты потеряешь себя. На этот раз это не шёпоты... это мой собственный голос. *Если ты не пойдёшь, ты тоже умрёшь*.

Когда солдат с силой поднимает меня на ноги, Рафаэль делает шаг ближе.

— Нам никогда не было суждено существовать, Аделина, — говорит он. — И мы больше никогда не будем существовать. Но мы не можем взять существование всего мира на себя. — Он встречается с моим взглядом. — Не зависимо от того, как это обидело нас.

Тогда он кивает солдату. Я снова пытаюсь нанести удар, на этот раз видя Рафаэля, но что-то ударяет в затылок, и мир становится чёрным.

Рафаэль Лоран Бассет

Когда Рафаэль проверял Виолетту этим вечером, она проснулась, её температура несколько понизилась. Хотя она была без сознания, пока Аделина была в комнате, кажется, будто присутствие её сестры предоставило Виолетте некое подобие комфорта, пусть и небольшого. Что-то помогло ей бороться с ухудшением состояния её тела.

Это обратный эффект, который Аделина оказывает на Энцо. Рафаэль покинул принца, беспокойно шагая в свои покои. Тёмная энергия вокруг него чувствовала на себе повышенную близость Аделины, была взволнована и готова к удару.

— Она никогда не согласится, — говорит Люцента Рафаэлю, когда они смотрят на тамуранские корабли в порту, которые до сих пор бурлят морями, загружающими груз. — И даже если она согласится, как мы будем уживаться с Белой Волчицей? Я не могу находиться рядом с ней. Разве ты можешь?

— Жаль, что я когда-то учил её, как фокусировать её иллюзии, — говорит Мишель. — Ты слышал, что случилось в палате Виолетты. Она напала на солдат, на всех, и пыталась убить тебя. — Он кивает на Рафаэля. — Ты сам сказал, что ей уже не помочь. Почему ты думаешь, что союз с ней сможет сработать?

— Я так не думаю, — говорит Рафаэль. — Но она нам нужна. Никто из нас не связан яростью, и мы не способны войти в бессмертный мир без каждого с силой богов, если легенды все верны.

— Возможно, мы просто в пустую теряем время, — говорит Люцента. — Ты делаешь ставку на теорию чего-то, согласного мифу, произошедшему сотни лет назад.

— Твоя жизнь зависит от этого, Люцента, — отвечает Рафаэль. — Как жизнь любого из нас. Это всё, что мы можем сделать, и у нас для этого очень мало времени.

— Тогда это зависит от этого, или от того, что Аделина не думает, что её жизнь тоже зависит от этого?

Рафаэль качает головой.

— Если Аделина откажется, нам придётся вынудить её. Но это опасная игра, что бы затевать её.

Люцента готова ответить, но в этот момент молодой гвардеец торопится к ним. Только что прибыл пергамент, который он сжимает в руке.

— Посланнику, — говорит он, поднимая голову на Рафаэля, прежде чем передать ему бумаги. — Новый голубь. Это от королевы Бельдайна.

Королева Мэв. Рафаэль обменивается взглядами с Люцентой и Мишелем, а затем передает сообщение. Люцента замолкает, и её глаза расширяются, когда она с другими всматривается в бумаги.

Рафаэль читает сообщение. Затем снова читает его. Когда Люцента что-то ему говорит, он не слышит её. Все звуки звучат приглушенно, как будто в воде, идущие откуда-то издалека. Всё, что он может слышать, это слова, написанные на пергаменте, так ясно, как будто Мэв стоит рядом с ним и рассказывает ему всё сама.

Мой брат Тристан мёртв.

Рафаэль оглядывается в сторону дворца. Толчок страха устремляется через него. *Нет.*

— Энцо, — шепчет он.

И прежде чем другие могут его позвать, он поворачивается к дворцу и бежит.

Аделина Амутеру

Умер от колотой раны, принеся себя в жертву, ради своего ребёнка.

Потерявшийся в вечности Подземного мира, он может покоиться с миром в объятиях Моритас.

— *Эпитафия на надгробном камне Тао Секибо.*

* * *

Я одна в темнице. Иллюзии бесполезны, если я не могу ни на кого подействовать, кроме себя, поэтому я ничего не делаю, свернувшись калачиком на земле, а по другую сторону от стены, за железной дверью, стоят солдаты. Я не могу дотянуться до них.

В отличие от подземелий Эстенции, моя камера подвешена высоко над городом, в лабиринте спиралевидных башен, которые направляют ветер через коридоры, похожие на водовороты. Высоко надо мной располагается одинокое окно. Сквозь него, слабые скосы лунного света освещают часть пола, где сжимаясь лежит моё тело. Я по-прежнему неподвижна. Снаружи воеет ветер, подхватывая тон шёпотов в моей голове. Я пытаюсь заснуть.

Прошло слишком много дней с тех пор, когда я в последний раз приняла травы, чтобы успокоить голоса, так что теперь я чувствую, как безумие снова прокрадывается, угрожая побороться за контроль надо мной.

Я отчаянно желаю, чтобы Магиано был рядом со мной.

Что-то скрипит. Моя тюремная дверь. Я понимаю голову и смотрю на неё. Стражники, они, должно быть, доставили мой ужин раньше. Резкая боль давит на мою грудь. Я хмурюсь, когда дверь медленно открывается. Тогда же я каким-то образом понимаю, что это совсем не стражники. Это Терен со своими Инквизиторами. *Невозможно. Он же мой пленник, запертый в темницах Эстенции.*

Мое сердце колотится в горле. Я карабкаюсь на ноги, поддаюсь вперед и пытаюсь закрыть дверь. Но не важно, как усердно я бросаюсь против неё, Терен постепенно надвигается, пока я не вижу его бешеные глаза и кровоточащие запястья. Когда я смотрю в другую сторону и снова оглядываю интерьер моей темницы, я вижу тело моей сестры, лежащее в углу, её лицо смертельно бледно, губы обесцвечены, а глаза уставились на меня.

Я вырываюсь из сна. Снаружи завывает ветер. Я дрожу на каменном полу, пока не слышу, как снова открывается дверь моей темницы. *Снова*, я бросаюсь к ней в попытке сдержать Инквизиторов. *Снова*, они отталкивают.

Снова, я оглядываюсь, чтобы увидеть мёртвую Виолетту на полу, глаза которой смотрят на меня. Я резко просыпаюсь.

Кошмар повторяется снова и снова.

Наконец я просыпаюсь от удушья. Ветер по-прежнему воеет за дверью темницы, но я чувствую холодный пол под собой с уверенностью, которая говорит мне, что я должна быть в

сознании. Но я всё-равно не могу быть уверена. Я сижу, дрожа, когда осматриваю мою камеру. *Я в Тамурании, напоминаю я себе. Виолетта не здесь, она не со мной. Терен в Эстенции.*

Моё дыхание туманится в, залитом лунным светом, воздухе.

Через некоторое время я подтягиваю колени к подбородку и пытаюсь унять дрожь. В углу моего видения — когтистые призраки, копытные фигуры,двигающиеся в тени. Я смотрю на ночное небо через зарешеченное окно и пытаюсь представить мои корабли, ждущие меня в море.

Просто согласись с просьбой Рафаэля. Согласись помочь Кинжалам.

Негодование поднимается в груди от одной только мысли о соглашении с требованием Рафаэля. Но если я не сделаю этого, я останусь беспомощной в этой камере, ждущей, пока Серджо выведет мою армию на штурм дворца. Если я просто скажу, что помогу им, они согласятся на перемирие и они освободят меня. Они освободят Магиано. Мысль крутится и крутится в моей голове, набирая обороты.

Рафаэль предавал тебя много раз в прошлом. Почему бы не использовать этот шанс, чтобы предать его? Согласись. Просто согласись. Тогда ты сможешь ударить по ним, когда они меньше всего ожидают этого.

Это кажется слишком простым, чтобы быть правдой, но это мой единственный выход из этого заключения. Я смотрю вверх и пытаюсь определить, когда следующая смена стражников будет стоять у моей двери.

Нити снова натягиваются, *тяжело*. Через меня проходит всплеск боли. Я прижимаю ладонь к груди, сморщившись. Это же я чувствовала во сне, с потоком, сбивающим меня с ног. *Но мой кошмар уже закончился.*

Внезапный страх охватил меня, и я плотно закрываю глаз, сжимая его.

Возможно, я все-еще в одном из них.

Снова рывок. На этот раз достаточно сильный, чтобы завладеть моим телом. Я бросаю взгляд на дверь. Тяга исходит от Энцо. Теперь я узнаю огонь его энергии, его шипы в моем сердце, так же, как и мои в его. Что-то не так. Когда натяжение появляется снова, дверь скрипит. а затем она открывается.

Меня не ждут стражники. Вместо них Энцо, окутанный тенью. У меня перехватывает дыхание. Его глаза полны черноты, совершенно лишены какой-либо искры жизни. Его выражение практически отсутствует, его черты кажутся каменными. Мой взгляд мечется вниз, к его рукам. Они открыты этой ночью, на них масса уничтоженной плоти. Моё сердце замирает.

Рафаэль отправил его сюда? Может быть он сказал страже отойти и позволить ему войти. Я смотрю на него, не зная, что делать дальше.

— Почему ты здесь? — шепчу я.

Он не отвечает. Я не могу даже сказать, услышал ли он меня. Вместо этого, он продолжает идти вперёд. Его походка кажется странной, хотя я не могу понять, в чём дело, почему она выглядит странно. Есть что-то. нереальное в ней, что-то жесткое и неоднозначное, *нечеловеческое*. Он сжимает кинжалы в обеих руках.

Должно быть я до сих пор в одном из кошмаров. Энцо сужает чёрные омуты его глаз. Я пытаюсь протолкнуться через нашу связь, чтобы прочесть его мысли, но в этот раз я не чувствую ничего, кроме всепоглощающей тьмы. Это за гранью ненависти и ярости — это вовсе не эмоция, а отсутствие всех эмоций и жизни. Это сама Смерть, проходящая сквозь

сосуд тела Энцо и тянущая меня сквозь потоки энергии, которые нас связывают. Прикосновения чувствуются, как ледяной холод. Я вздрагиваю, прижимаясь к стене. Но холодные когти Энцо изменили энергию, продолжающую дотягиваться до меня, становясь ближе и ближе, пока они не цепляются в меня и туго затягивают.

Моя энергия резко кренится. Шёпоты в моей голове взрываются, вырываясь на свободу, и режут в моих ушах. Я кричу от ошеломляющего ощущения. Контроль над моей энергией, который был у меня, начинает ускользать, и шёпоты постепенно начинают принимать голос Энцо, а затем обретают совсем новый тон, откуда-то из Подземного мира.

— Чего ты хочешь? — Я падаю на пол, протаскивая с собой цепи, пока не могу двигаться дальше.

Энцо надвигается на меня, нас ничто не разделяет, кроме его доспехов и моих одежд. Его бездушные глаза смотрят на меня вниз, когда он прячет кинжалы в ножны. Его руки смыкаются на цепях, обвивающих мои запястья, и это напоминает мне тот день, когда он спас меня от сожжения — он нагревает цепи до белого каления. Они падают на пол. Он кривит губы.

— У тебя есть кое-что моё, — бормочет Энцо не своим голосом.

Это находит отклик в моём сердце и я тут же признаю в нём голос Моритас, говорящей через Преисподнюю.

Она пришла к Энцо. Связь между нами снова натягивается, заставляя меня кричать от боли. Она убьёт меня, чтобы забрать его обратно.

— Почему бы тебе не прыгнуть, маленький волчонок? — шепчет он.

Неожиданно я чувствую непреодолимое желание выйти из своей камеры, подняться на вал и сброситься с башни. *Нет.* Паника порхает в моей голове, когда моя энергия восстаёт против меня, и Энцо достигает контроля. Иллюзия оборачивается вокруг меня, я больше не на вершине этой башни, но вцепилась в костлявые руки самой богини Смерти, отчаянно держусь, когда плыву в воде Подземного мира, стараясь не утонуть.

Холодные руки тянут мои лодыжки.

— Твоё место здесь, — говорит Моритас, её безэмоциональное лицо наклоняется ко мне ближе.

— Не отпускай меня, — прошу я.

Слова теряются в тишине в моих ушах. *Магиано!* Я плачу. Это должен быть кошмар, но я не могу проснуться. *Это не может быть реальным.*

Возможно, он будет рядом и спасёт меня от моей иллюзии, он же всегда это делает. *Магиано, помоги мне!* Но его здесь нет.

Я моргаю и теперь возвращаюсь в тюремную башню, выхожу из приоткрытой двери камеры, чтобы встать на ступенях под ветром. Энцо следует за мной. Руки Смерти загибают моё сердце через нашу связь, и лёд её прикосновений обжигает меня. Огни, защищённые цветными фонарями, освещают путь пятнами света. Я прищуриваюсь в темноте, затем поворачиваю лицо туда, где лестница вздымается вверх и вокруг моей камеры. Я делаю шаг вперед, один за другим. Узкая щель появляется между камерами, где тонкий вал открывает вид на ночной пейзаж, а затем за пределы океана. Я напрягаюсь, чтобы увидеть любой признак моих кораблей, но здесь слишком темно. Мои пальцы немеют. Я подхожу к валу и держусь обеими руками за выступ. Связь толкает меня вперёд, призывая шагнуть за стену.

Шёпоты вопят на ветру. *Почему бы тебе не прыгнуть, волчонок?*

— Энцо!

Ясный голос прорезает мою иллюзию — Преисподняя колеблется, затем исчезает в вихре дыма. Я возвращаюсь в башню, сидя на краю крепостной стены. Энцо поворачивается, чтобы увидеть Рафаэля, стоящего позади нас с арбалетом в его руках. Он бледен, его лицо искажено страхом, его губы сжались в решительную линию. Ветер яростно хлещет его волосы, его бледные одежды развеваются позади него в волнах шёлка и бархата. *Он тоже проснулся от странной энергии Энцо?* Его глаза мечутся в мою сторону, прежде чем возвращаются к принцу.

Рафаэль поднимает арбалет выше. Он целится не в меня.

— Энцо, — говорит он снова. Его глаза блестят влажные в ночи. — Оставь её.

В прошлом Энцо бы колебался. Его глаза были чисты, бассейны тусклой тьмы снова освобождали путь тем, что я знаю так хорошо, тёмные и тёплые, искрящиеся ярко-алым. Но даже присутствие Рафаэля в этот момент не очищает взгляд Энцо от смерти. Я ничего не чувствую в Энцо, во всей нашей связи.

Прежде чем я могу подумать о чём-либо ещё, Энцо отворачивается от меня, хватается за кинжал и бросается на Рафаэля. Руки Смерти на мгновение отпускают моё сердце, и я в ужасе отталкиваюсь от вала.

Рафаэль на мгновение замирает, затем он сжимает челюсть и стреляет из арбалета. Стрела попадает Энцо в грудь. Он пошатывается, но не падает. Рафаэль вскидывает руки, чтобы защититься, но на мгновение колеблется и проигрывает ему. Сила Энцо превосходит любого человека. Он хватается Рафаэля за горло и впечатывает его в стену. Кинжал Энцо мелькает в воздухе.

И я не думаю, я просто действую. Я тянусь через нашу связь и туго тяну за нити энергии Энцо. Затем я тяну его к себе.

Энцо выпускает раздраженный рык, чей звук едва похож на человеческий. Он снова поворачивает свои чёрные глаза на меня. Тысячи мыслей вихрем пролетают у меня в голове. Потоки его энергии, которые я задерживаю так холодно, они как будто горят в моём сознании, натягиваются так сильно, будто готовы разорваться. Я вспоминаю момент, когда Мэв отозвала его обратно из Преисподней, как она привязала его ко мне. Теперь натяжение нитей его энергии прорезаются в моём разуме.

Это не он.

Рафаэль поднимается, подтягивает хват на арбалете и стреляет в упор. Эта стрела попадает Энцо в спину. Он снова стреляет. Ещё одна стрела.

Энцо чувствует, наконец он замедляет атаку, но выражение его лица неизменно. Его внимание снова направляется на меня, *снова*, я чувствую руки Моритас через нашу связь.

Я ещё не твоя, думаю я через хаос, демонстративно отталкивая её. Тьма внутри меня толпится в груди, перебарывая силу Энцо: он вздрагивает от моего прикосновения. Лестницы вокруг нас становятся чёрными и искажаются иллюзией крови, и небо над головой приобретает алый оттенок.

Но в этот раз я не могу его контролировать. Бездушные глаза Энцо задерживаются на мне, его кинжалы вспыхивают в мою сторону.

Затем, внезапно, он падает на одно колено. Его голова склоняется. За его спиной Рафаэль отпускает свой арбалет, и я вижу последнюю стрелу погружённую в спину Энцо, та, что, наконец, стала решающей. Кровь капает на камни под нашими ногами. Он издает низкий, вымученный вздох, когда его второе колено падает, и кинжалы со звоном выпадают из рук.

Связь между нами яростно дрожит, и на мгновение я чувствую боль его раны, как будто она моя. Я опускаюсь на пол перед ним, не в состоянии отвести взгляда.

Он умирает.

Это уже не важно. Энцо, которого я знала, давным-давно умер.

Энцо смотрит на меня. Вдруг, темнота в его глазах, кажется, исчезает, сменившись привычной теплотой коричневых зрачков, красных линий, сиянием жизни. Я вижу намёк на его старую сущность, сражающуюся в темноте Подземного мира, чтобы посмотреть на меня в последний раз. Тот взгляд, который он подарил мне, когда мы танцевали.

Это реальный Энцо.

— Позволь мне уйти, — шепчет он.

Это его голос. Это голос, который когда-то утешал меня, давал мне силы. И когда я пытаюсь принять его слова, последние ниточки привязи, связывающей нас, разрываются от моего сердца, освобождая меня.

Энцо падает. Когда последняя часть моей жизни и моего света его покидает, он, кажется, седеет, будто не может больше сдерживать цвета живого мира. Он слабо поворачивает голову в сторону океана. Черные бассейны в его глазах, наконец, исчезают, и с его губ срывается имя. Он говорит его так тихо, что я практически пропускаю его. Это не моё имя, это имя другой девушки, той, которую он когда-то знал, которую он когда-то любил.

Он закрывает глаза и опускается на пол. Его тело продолжает расти. Без всякого сомнения, я понимаю, что он ушёл.

Рафаэль ничего не говорит. Он остаётся у стены, пристально глядя на Энцо. Затем он тянет тело Энцо к себе и склоняется над его головой.

Молчание продолжается. Я иду вперед в оцепенении, опускаясь на колени рядом с ними. Теперь я достаточно близко, чтобы слышать, как Рафаэль тихо плачет. Он не обращает на меня никакого внимания, как будто меня здесь и вовсе нет.

После долгого молчания он отстраняется, поднимает свои сияющие глаза на меня, размыто-зелёного цвета, а другой со слезами на золотом зрачке.

Мы смотрим друг на друга. Я вижу растерянность в его взгляде так же отчетливо, как он должен видеть это и во мне.

Ты не должен был спасать меня.

Я немею. Я не знаю что делать. Отсутствие моей связи с Энцо — зияющая пропасть, пустота, которую я впервые почувствовала, когда Терен забрал жизнь Энцо на арене в Эстенции. *Сколько он был частью нашего мира? Какой была моя жизнь до того, как он появился в ней?* Всё, о чем я могу думать, это то, как я снова и снова теряю его, вот только я его уже потеряла.

Я не готова умереть.

Это осознание меня сильно поражает. Ужас, который я ощущала, когда была на валу, заставляет меня неудержимо дрожать, преследуя мои чувства. *Нет, я не готова умереть*, и есть только один способ, которым я могу предотвратить это.

Начинается рассвет. Я вижу, как Рафаэль склоняется над телом Энцо. Мы оплакиваем принца, которого оба любили.

Аделина Амутеру

Дорожайшая Матушка, я боюсь: он что-то мне не договаривает. Думаю, это не связано с нашим долгом, ни с его разговором с королём. Но это привело его к ужасным полуночным истерикам.

— *Письмо от Илена де ла Мерия своей матери, баронессе Рубина.*

* * *

Во-первых, у меня есть условия.

Я отправлюсь с Рафаэлем и Кинжалами в их поездку, если смогу взять свой экипаж и мои корабли. Отплытие только на судне с ними — это даже не обсуждается.

Магиано должен быть освобождён, жив и невредим.

Виолетта останется со мной.

Таковы мои условия.

Тамурания согласится сотрудничать с нами в обмен на перемирие. Я ещё не закончила с моими завоеваниями, независимо от возвращения Виолетты и наших жизней на кону, *с моей жизнью на кону*. Моё внимание переключилось с моей армии на Тамуранию. Было бы неплохо иметь союзника, для разнообразия.

Рафаэль и Золотая Триада согласны со всеми этими условиями. Так что, через день, тамуранские солдаты выпускают меня из моей камеры и отправляют в купальню, где две служанки умывают меня и перевязывают мои волосы в шелка. Затем меня забирают в настоящую опочивальню дворца, где я сворачиваюсь калачиком в кровати и лежу так до следующего дня. Мои руки до сих пор закованы, зажатые у груди, будто в попытке заполнить там новую пустоту. Энцо был привязан ко мне так долго, и прочность этой связи была такой крепкой, что её отсутствие заставляет мою голову кружиться, будто я падаю в воздухе.

В моём полусонном состоянии я вижу призрак Энцо, идущего рядом с нами, иллюзию, которая исчезает в тот же момент, когда я пытаюсь на ней сосредоточиться. Энцо ушёл, возвратился в Подземный мир, которому принадлежит. *Когда Виолетта присоединится к нему?* спрашивают меня шёпоты. *Или Магиано? Когда к нему присоединишься ты?*

Наконец, спустя пару дней, Рафаэль прибывает в окружении солдат. Они освобождают меня. Мои запястья кажутся такими лёгкими без цепей, тянущих их вниз. Мы идём бок о бок по коридорам дворца, не говоря ни слова. Что-то изменилось в энергии между нами... поднятый ли это барьер или ослабленное напряжение, я не уверена. Могу быть уверенной, мы не доверяем друг другу, вне всякого сомнения. Возможно, Рафаэль играет с моими эмоциями, как он часто это проделывает. Он вполне способен на такие выходы.

Конечно же, он делает это, шёпоты огрызаются на меня. Не будь такой глупой. Он ждёт, пока ты повернёшься к нему спиной.

Но в этот раз я легко игнорирую шёпоты. Есть что-то в этом общем горе, что-то, что упрощает некоторые вещи, что-то, что вне нашей вражды. Даже если Рафаэль и может

мной манипулировать, изменения могут быть необходимыми. Я вспоминаю, как однажды он кое-что сказал мне.

Аделина, я тоже его любил.

И я тоже.

Я придерживаю приличное расстояние между Рафаэлем и мной, когда мы идём. Он, кажется, делает тоже самое, и мы не смотрим друг на друга, когда спускаемся по длинным лестницам дворцовых ворот Тамурании, где нас нас ждут лошади. Отсюда мы скачем под пасмурным небом, угрожающим пролить на нас сильный дождь.

Несколько моих кенетерианских кораблей пришвартовались у западной бухты Аламора. Здесь же простирается широкая равнина с растениями, усеянная пустынными кустарниками и низкими травами. Острые срезы скал выстилают горизонт, где начинается город. Рассвет окрашивает пейзаж алым туманом, изменяя цвет морской пены в красный и оранжевый. На берегу трепещут на ветру знамена моих кораблей. Я чувствую, как тяжесть бремени в моей груди становится легче, и шёпоты радостно суетятся. Я больше не пленница. Я снова королева.

Процессия замедляется, когда мы приближаемся. Теперь я вижу свои войска, ждущие нас, выстроившись вдоль берега. Белые одежды Инквизиторов тоже выглядят оранжевыми и кремовыми под этим ранним светом, а перед нами ждёт Серджо, по-прежнему красующийся в тёмно-красных одеждах братства Розы. При виде меня он выпрямляется.

Не так далеко от моих войск стоят солдаты Тамурании во главе с одним из трёх королей, в компании Мишеля и Люценты. Затем я вижу Виолетту. Она далеко от меня, в окружении патруля тамуранских солдат. Один из них, огромный бородатый мужчина, несёт её на руках. Она проснулась эти утром, и живее чем, когда я её впервые увидела. Её глаза направлены на меня.

Я не могу отвернуться от её взгляда. *О чём она думает, когда смотрит на меня?* Станный прилив облегчения поднимается в моей груди, затем быстро обрывается гневом. Я провела большую часть года, вводя свои войска на чужие территории, представляя, что это помогло бы найти Виолетту, прячущуюся среди незнакомцев. Сейчас я её нашла, и она с опаской смотрит на меня. У неё есть возможность собрать силу Кинжалов, но она не хочет этого. Тёмные отметины протягиваются вдоль её шеи, исчезая под её одеждой. Они напоминают мне о том, что с ней происходит, почему мы все находимся здесь. Это бросает меня в дрожь.

Виолетта изучает меня. На мгновение, я думаю, что она собирается подавить мою силу и забрать её, как она сделал однажды. Я чувствую внезапную волну паники, но она отворачивается. Она не говорит ни слова.

Я выпускаю небольшой вздох. *Она боится тебя*, говорят шёпоты, но я тоже отворачиваюсь.

Затем я замечаю Магиано. Он был закутан в тяжелую мантию, ожидая вместе с Тамуранцами, но теперь он видит меня и спускается с лошади, на которой сидел. Непрошенная улыбка появляется на моём лице, и я инстинктивно разворачиваю свою лошадь в его сторону. Рядом со мной молча наблюдает Рафаэль, без сомнений, он почувствовал мои эмоции. Но меня это не волнует. Магиано здесь. Даже с такого расстояния я могу видеть его появляющуюся улыбку, привычную радость на его лице.

Наши процессии, наконец, встречаются. Рафаэль кивает тамуранским войскам, и они позволяют Магиано пройти вперёд, когда я спускаюсь из своего седла. Я держу руки

сложенными перед собой, когда он приближается. Мы останавливаемся близко друг перед другом. Магиано выглядит уставшим, как и все мы, но в остальном, с ним всё в порядке. Его длинные косы сегодня распущены и поддуваются слабым ветром.

— Что ж, Ваше Величество, — говорит он, с дразнящими переливами в голосе. — Кажется, они поймали вас.

— И тебя, — отвечаю я, не сумев сдержать улыбку.

Рафаэль вышагивает первый, совершенно незащищённый, и кивает Серджо.

— Здравствуй, Повелитель Дождя, — говорит он. Серджо одаривает его холодным взглядом:

— Рад тебя снова видеть, Посланник.

Рафаэль кидает на нас быстрый взгляд, затем возвращается к нему.

— Тамуранцы приняли решение освободить вашу королеву. Нам нужно обсудить некоторые вещи.

В эту ночь, когда наш флот остался на пристани, Рафаэль созвал Серджо, Магиано, Люценту и меня для встречи в моих королевских покоях.

— Мы должны отправиться в это путешествие вместе, — сказал нам Рафаэль. Его выражение тёмное, но его голос остаётся спокойным и безмятежным.

— Но мы не можем это сделать, если не доверяем друг другу. — Его выражение лица снова твердеет. — Доверие будет появляться медленно, для обеих сторон. Мы окажем вам некоторое доверие; вы окажете нам.

— И кто отправится в это путешествие? — говорит Магиано, наклонившись вперёд, как будто защищая меня.

Люцента отвечает на его жест одним из своих собственных, поворачиваясь к Рафаэлю.

— Каждый из Элиты каким-то образом соответствует богам, — отвечает Рафаэль, складывая руки за спиной. Оранжевый свет свечи мерцает на его одежде. — Группа Элиты, которая отправится вместе с нами, должна состоять из всех двенадцати богов. Отсутствие хотя бы одного, не обеспечит нас необходимой комбинацией энергии, которая нужна, чтобы выйти за пределы смертного мира: прикосновение бессмертия может погубить нас. И это будет неизбежно.

Драгоценные камни. Способ, которым Рафаэль испытывал каждого из нас. Воспоминания медленно возвращаются ко мне, как он медленно кружил вокруг меня, наблюдая за моей энергией, осветившей лунный камень и янтарь, алмаз, розеит и веритиум. Теперь он должен протестировать Виолетту ими тоже. Он так же давно испытывал Серджо, когда тот ещё был членом Кинжала. Кто пойдёт с нами?

Рафаэль смотрит на меня. Его глаза сверкают, как драгоценные камни, и блестят, медово-золотой и изумрудно-зелёный, кажется, будто они смотрят сквозь меня.

— Я хорошо помню твои, Аделина, — говорит он. — Страх и ярость. Амбиции. Страсть. Мудрость. Пять из двенадцати. — Он кивает мне. — Твоя сестра тоже связана со страхом.

Страх. Я несколько не удивлена. Страх — это то, что я и Виолетта разделили ещё в самом детстве.

— Помимо этого, она связана с радостью и сочувствием — счастье и чувствительность.

Радость. Чувствительность. Я думаю о Виолеттиных детских заморочках, о её звонком смехе, о том, как она тщательно расчесывала мои волосы. Она — это все эти вещи; я не сомневаюсь в Рафаэле ни на секунду. Моё сердце болит, когда я думаю о ней. Виолетта сейчас отдыхает в своей каюте на корабле. Она до сих пор не сказала мне ни слова.

— Какие же твои? — спрашивает Серджо у Рафаэля, не сумев сдержать неприязни к нему в своём голосе. — Ты никогда о них не упоминал.

Рафаэль одаривает его лёгким кивком.

— Мудрость, — отвечает он. — И красота.

Конечно же. Серджо хмыкает, не желая признавать слова Рафаэля, когда он продолжает:

— Включая соответствия Люценты, у нас девять богов из двенадцати. Серджо, твои соответствия совпадают с теми, что и у Мишеля. Поэтому нам нужно найти других с тремя оставшимися соответствиями: смерть, война и жадность. — Он останавливается, чтобы посмотреть на Магиано. — Я бы хотел провести с тобой тот же самый тест, который проводил с Кинжалами.

Магиано скрещивает руки на груди, внезапно возмущившись, но потом он смягчает свой взгляд. Рафаэль делает ему характерный жест. Он нехотя поднимается из-за стола и встаёт в середине, на полу.

— Я полагаю, ты не поверишь мне, если я просто угадаю свои соответствия, — бормочет Магиано.

Рафаэль достаёт сумку, в которой лежат необработанные драгоценные камни, так же он однажды делал со мной. Он тихо расставляет все двенадцать камней в круг вокруг Магиано. Магиано продолжает стоять, его тело неподвижно. Я чувствую нотку страха над ним, облако настороженности в намерениях Рафаэля, но он не двигается. Когда Рафаэль заканчивает, он проходит вокруг Магиано один раз, рассматривая, какие из камней отреагируют на его энергию. Через некоторое время, три камня начинают светиться.

Алмаз, бледно белый. Празем, утончённо зелёный. И сапфир, синий, как глубокий океан.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Рафаэль начинает вызывать каждый из драгоценных камней связанных с Магиано, так же он делал в прошлом, когда он тестировал меня. Из-за этого Магиано имел такую склонность к сапфирам, почему он пытался украсть все драгоценности из королевской казны в прошлом, почему так сильно хотел кулон Ночного Короля?

Магиано слегка вздрагивает от неожиданности, когда Рафаэль проникает в первое из его воспоминаний. Интересно, что видит Рафаэль, и, на мгновение, мне тоже хочется взглянуть на прошлое Магиано. Он реагирует на каждый из тестов Рафаэля, но остаётся спокойным на протяжении всех манипуляций. Они, наконец, доходят до последнего камня — бледно-зелёного празема.

Неожиданно, Магиано вздрагивает и выходит из круга. Он весь дрожит, над ним нависает крошечное скопление страха, которое взрывается ливнем искр, достаточным, чтобы взволновать мою силу. Рафаэль отдёргивает руку.

— Отойди от меня, — Магиано огрызается на него.

Я никогда не видела его таким расстроенным. Он проходит мимо меня, не глядя в мою сторону, проталкивается мимо стола и идёт, чтобы встать перед окошком с видом на полуночный океан. Я хмурюсь. Его реакция мне сильно напоминает то, когда Рафаэль наконец вызвал страх и ярость во мне, обрушив шквал энергии и отвратных воспоминаний. Что он раскопал в Магиано?

— Осторожнее, Посланник, — говорю я, сщурившись на Рафаэля. — Наш союз не настолько крепок, чтобы я не убила тебя, если ты навредишь ему.

В следующей за этим тишине Рафаэль вздыхает и снова складывает руки на груди. Он смотрит на меня.

— Я не могу контролировать то, как он реагирует на его соответствия.

Магиано соответствуют радость и амбиции. И жадность. Ему следует пойти с нами, если он готов.

Он не упоминает больше ни о чём о тесте или реакции Магиано на него.

Я делаю короткий облегченный вздох, понимая, что Магиано будет со мной в этом путешествии. Я начинаю спрашивать о том, что видел Рафаэль, но тут же останавливаюсь. Я поговорю с Магиано об этом позже. Радость, амбиции, жадность. Теперь у нас есть десять соответствий из двенадцати.

— Нам нужны соответствия с Моритас и Тристиус, — говорит Рафаэль. — Смерть — смертность всего человечества, и война — вечная жестокость сердца.

Война и смерть. Я сразу поняла, что мы не найдем эти черты в Элите среди нас, если они уже не содержатся во мне.

— Королева Мэв, — говорит Люцента тихим голосом, поглядывая сбоку на Рафаэля. — Её соответствие с Моритас.

Неловкое молчание. По выражению каждого из нас, я могу с точностью сказать, что мы все знаем о правоте Люценты, даже без тестирования Рафаэля; Мэв, чья сила связывает её с самой смертью, несомненное дитё Моритас. Но будет ли она сотрудничать со мной, которая совсем недавно разгромила её флот?

— А война? — спрашивает Рафаэль. — Что насчёт войны?

— Этого я не знаю. — Люцента трясет головой.

И внезапно я кое-что осознаю. Это настигает меня с такой силой, что заставляет задыхаться. Рафаэль косится в мою сторону.

— Что случилось? — спрашивает он.

Я знаю. Я безусловно знаю Элиту, чьи способности соответствуют последнему богу. Но он не мой союзник, или кто-либо ещё. И он томится в цепях, в Кенетре.

— Терен Санторо, — отвечаю я, поворачиваясь к Рафаэлю. — Он будет соответствовать войне.

Магиано

В первом воспоминании мальчик, которому было семь лет. Когда он спросил у своего священника, какое у него было имя, священник сказал ему, что он в нём не нуждается. Он был Мальчиком из Менсаха, одним из молодых мальфетто, выбравших жизнь в менсахском храме в Домакке, и это было единственное имя, которое ему когда-либо было нужно.

Он плёлся за священником и смотрел, как он показывал ему, как правильно связывать и закалывать козла на алтаре перед храмом. Она была добра и терпелива с ним и хвалила его за правильное владение ножом. Он вспомнил, как тоскливо смотрел на мясо, мечтая заполнить им пустоту в желудке. Но мальфетто в домаканских храмах кормили очень мало. Это держало их начеку, делая их чувства обостреннее, так, что они всегда были в поисках еды. Когда он спросил, для чего это нужно, священник мягко ему сказал, что это для укрепления связи с богами, так священники могли общаться через него.

Во втором воспоминании мальчику было девять лет, и тёмные отметины на его спине теперь изгибались от начала рёбер до костей бедра. Он стал другом Девочке из Менсаха, второму мальфетто в храме, и они играли вместе, когда не было священников. Они сбегали в сада на свидания или пугали коз. Она играла с его длинными косами, плела из них что-то сложное.

Однажды, когда они оба были особенно голодны, они своровали персики из корзинки с фруктами, стоящей перед одним из алтарей. Ах, какие они вкусные! Спелые, мясистые, полные соков. Они хихикали и крутились вокруг, когда священники были заняты другими делами. Ведь там было три алтаря, и они могли крутиться вокруг них. Это стало ежедневной привычкой мальчика и девочки, и они стали искусны в этом: пока однажды они украли не один из фруктов, а два. В ту ночь мальчик увидел его священника, перешёптывающегося о нём с тремя другими священниками в храме.

Затем она нашла его, вытащила его из постели и приказала другим удерживать его. Он закричал, когда она пробормотала ему мягкие строки и прорезала края его метки кинжалом.

В третьем воспоминании мальчику должно было исполниться двенадцать лет. Девочка нашла его и рассказала о Магиано, рыбацкой деревне вдоль домакканской Алой Реки. Она рассказала ему о лодке, которую оставляли один раз в неделю для Эмберских островов, нагруженную грузом пряностей. *Встретишься ли ты со мной там? Сегодня ночью?* спросила она его. Он кивнул, желая пойти с ней. Она сжала его руку и улыбнулась, сказав ему, что *не смотря ни на что, мы будем идти вперёд. Радость там, за этими стенами.*

В ту ночь он завернул немного фруктов и нужные вещи в одеяло и тихо сбежал из храма. Он почти вышел за ворота, когда услышал крик девушки, идущей рядом с алтарём. Он вернулся обратно, чтобы спасти её, но было слишком поздно. Мальчик и Девочка из Менсаха не нуждаются в имени, потому что они должны быть принесены в жертву в возрасте двенадцати лет, священное число.

Поэтому мальчик сделал единственное, что мог. Он сбежал из храма, когда священники искали его, и не прекращал бежать, пока не достиг деревни Магиано. Там, он забился в темноту вместе с грузом до тех пор, пока не пришла лодка. Когда он отчалил на рассвете, он дал себе два обещания.

Первое: У него всегда будет имя, и имя это — Магиано.

И второе: Что бы не случилось, он будет хранить в себе радость. Так, будто он сам несёт её.

Аделина Амутеру

Если судно может преодолеть бурные моря на пути от Эмберских островов к Небесным землям, оно окажется в самых спокойных водах, настолько спокойных, что ему может угрожать опасность сесть на мель.

— *Выписка из журналов капитана Моррина Вора.*

* * *

Следующие утренние рассветы серые, такие же, как и последние облака задержавшегося шторма Серджо. Мы плывём пять дней, прежде чем достигаем водопадов Лаэтеса, которые разделяют Солнечные земли от Морских. Затем несколько дней мы следуем за бездной пока не доплываем до места, где снова сходится океан, и здесь мы, наконец, плывем по краю.

Иногда барилы летают между разинутой пасти бездны, такие величественные, какими я их помню, но всё же они кажутся обессиленными: их полёт медленнее, свечение их полупрозрачных тел тусклее. Я вглядываюсь в воды, низвергающиеся в пропасть. Вода выглядит так же странно, как и тогда, когда мы отплывали, жуткая, почти чёрного цвета, будто из её глубин были высосаны все краски жизни.

Несмотря на то, что Виолетта и я на одном корабле, и даже не смотря на то, что Серджо постоянно посещает её каждый день... она никогда не спрашивает обо мне. Я, конечно же, не собираюсь идти к ней самостоятельно, чтобы она не наслаждалась отворачиванием от меня. Но каждый раз, когда Серджо выходит из её каюты, я жду здесь, наблюдая.

Каждый раз он смотрит на меня и качает головой.

Я не могу спать этой ночью. Тишина открытого океана слишком громка, давая слишком много места шёпотам в моей голове. Я приняла два стакана травяного напитка, а они продолжают болтать, их голоса вырывают меня из сна снова и снова, пока я, наконец, не уступаю им и покидаю свою каюту.

Я брожу по палубе в одиночестве. Даже моряки, наблюдающие за мачтой, не спят в это время, и море все еще такое тихое, что я едва слышу плеск волн, разбивающихся о корус нашего корабля. Недалеко от нас, где рассеянные факела теперь блестят в ночи, плывет Тамуранский корабль с Рафаэлем и Кинжалами на борту. Мой взгляд устремляется от него к небу. Сегодня ясная ночь. Звёзды слой за слоем усыпают темноту над головой: знакомые созвездия богов и ангелов, древних мифов и легенд, так густо, что небо сверкает вместе с ними. Этой ночью океан отзеркаливает их свет, словно мы плывём через море звёзд.

Мой глаз задерживается на созвездии, состоящее из полукруга и длинной линии. Падение Лаэтеса. Если то, что рассказал нам Рафаэль правда, то мы не продержимся надолго в этом мире с нашими силами. Не важно, что произойдёт, будет ли наша поездка удачной или мы погибнем в пути, я покину этот мир без своих сил. Шёпоты в моей голове яростно отшатываются от этой мысли. Мои руки сжимают и разжимают перила. Я должна найти способ избежать этой участи, должен быть путь, который позволит мне жить и

сохранит то, что делает меня сильной.

Ты всё ещё можешь повернуться к ним спиной. Ты всё ещё можешь...

Звук шагов заставляет меня оглянуться вокруг. В тусклом свете факелов я могу разобрать Виолетту, приближающуюся ко мне, тяжелый плащ, которым она укуталась. Она выглядит худой и больной, её глаза впали, но она стоит сама, на своих ногах. Она замирает от моих движений.

— Аделина, — говорит она.

Это первое слово, которое я услышала от неё с тех пор, как она оставила меня несколько месяцев назад. Даже её голос звучит сейчас по-другому, слабый и хриплый, будто она может сорвать его в любой момент.

Враждебно. Отдалённо.

Я жмурюсь и отворачиваюсь от неё.

— Ты проснулась, — бормочу я.

После столь долгого времени, это единственные слова, которые пришли мне в голову, чтобы ответить. Она отвечает не сразу. Вместо этого, она обматывается плащом сильнее, подходя к перилам, и смотрит в ночное небо.

— Серджио сказал, ты пришла в Тамуранию, чтобы найти меня.

Я молчу в течении долгого времени.

— Я пришла по многим причинам. Одна из них касается тебя и слуха, что ты была там.

— Зачем ты хотела меня найти? — Виолетта поворачивает своё лицо ко мне.

Когда я не отвечаю, она хмурится.

— Или ты вспомнила обо мне только после того, как твоё вторжение не удалось?

Лёд в её голосе удивляет меня. Полагаю, что так не должно быть.

— Я хотела сказать тебе вернуться в Кенетру, — отвечаю я. — Что это безопасно для тебя, и то, что я сделала...

— Ты хотела попросить меня вернуться? — Виолетта смеётся и немного качает головой. — Я бы отказалась, если бы ты нашла меня, при любых обстоятельствах.

Шёпоты говорят мне не волноваться о её словах, о том, что они ничего не значат. Но они продолжают причинять мне боль.

— Смотрю на тебя, — шепчу я. — Снова думаю о том, какая ты благородная.

— А что на счёт тебя? Убеждаешь себя, что ты уллучшаешь те страны, в которые идёшь, думая, что делаешь что-то хорошее...

— Я никогда не думала так, — рычу я, перебивая её. — Я делаю это, потому что хочу, потому что я могу. Это то, что кто-то на самом деле считает правильным, когда они захватывают власть и называют это альтруизмом, разве не так? Я просто не боюсь это признать.

Я вздыхаю и снова отворачиваюсь. Наполовину, я ожидала, что Виолетта прокомментирует мою горячность, но она не делает этого.

— Почему ты хотела меня найти? — Снова спрашивает Виолетта тихим голосом.

Я сильно прислоняюсь к перилам, ища честного ответа.

— Я плохо сплю, когда тебя нет рядом, — наконец раздраженно бормочу я. — Есть... голоса, которые отвлекают меня, когда я одна.

Виолетта сжимает губы.

— Это не имеет значения. Я здесь, и ты здесь. Счастлива? — Она позволяет молчанию пронестись между нами. — Рафаэль сказал мне, что я была в бреду несколько недель, что я

проснулась только после того, как вы прибыли.

Она говорит это горько, будто не хочет этого признать. Но это заставляет меня посмотреть на неё снова, изучить её выражение лица, будто я пытаюсь выяснить, о чём она думает. Она ничего больше не говорит.

Интересно, означают ли её слова то, что она оплакивала моё отсутствие, что она, возможно, тоже не спала по ночам, смотря в сторону своей кровати и размышляя, почему меня там не было. Интересно, были ли её сны полны ночных кошмаров.

Я жду, пока она оставит мою компанию и вернётся в свою каюту. Но, по какой-то причине, она решает остаться со мной на палубе. Мы обе не желаем извиняться, обе пытаемся расшифровать скрытые послания в словах друг друга, никто из нас не хочет провести ночь в одиночку. Поэтому мы ждем вместе, когда дрейфуем в тишине сквозь звёзды.

К тому времени, мы достигаем Эстенцианской гавани, мой Кенетерианский флот окружил наши корабли с обеих сторон, и мои Инквизиторы направляют нас в порт. Виолетта молчит этим утром; она вернулась, чтобы игнорировать меня, и я удовлетворена, делая то же самое. Магиано стоит рядом со мной и хмуриться на приближающуюся гавань. Хотя он стоит спокойно, я чувствую тот страх, скрытый внутри него. Он слегка наклоняется ко мне.

— Если Терен не тот, кто нам нужен...

— Это он.

Я выпрямляю спину и поднимаю голову. *Это сердце моей империи. Я Королева, я снова здесь и я не сомневаюсь в этом.*

— Нам придётся понаблюдать за новым раундом теста Рафаэля. — Магиано корчится от этих слов, и я удивляюсь снова, во что он вернулся во время своего теста.

Тяжёлые облака висят над городом, когда мы направляемся во дворец. Даже воздух кажется сегодня душным, что-то похожее на сырое утро, но темнее, более коварнее, признаки бури. Кинжалы идут позади нас, возглавляя патруль Тамуранских солдат. Они тоже непросты. *Ты можешь убить их здесь всех*, нетерпеливо говорят мне шёпоты. *Они находятся в твоей стране, в окружении твоих Инквизиторов. Почему бы тебе не начать действовать, волчонок?*

Я должна. Часть меня трепещет при мысли, видящей предательство на лице Рафаэля. Не вместо этого, я веду их во дворец и вниз к подземельям. Когда мы приближаемся к камере Терена, Рафаэль, кажется, замедляет шаги, будто сам воздух вокруг нас истощает его. Он должен был почувствовать тёмный вихрь энергии Терена, и это влияние тянуло его вниз.

Виолетта рядом с ним. Она, кажется, устала после времени, проведённого на палубе прошлой ночью, потому что она не может стоять на своих ногах этим утром. Серджо несёт её. Он делает это без особых усилий, в то время, как Виолетта льнёт к нему, как будто может развалиться. По крайней мере, она проснулась. Я заставляю себя отвернуться от неё.

Когда мы достигаем двери камеры Терена, Серджо проходит мимо стражников, стоящих по обе стороны.

— Нет, — говорит он им, когда они идут за нами, как обычно. — Мы пойдём одни.

Стражники обмениваются неуверенными взглядами, но Серджо просто мрачно кивает им. Они склоняют свои головы и не перечат ему.

Мы входим в камеру.

Серджо сообщил нам, что Инквизиторы, стоящие на посту в камере, должны были уйти сегодня. Так что камера пуста, звуки воды водяного рва усиливаются от их отсутствия.

Единственная фигура здесь сидит, согнувшись, в самом центре каменистого островка, его изодранные тюремные одежды раскидались вокруг него в круг. Он смотрит вверх, когда мы входим. Тёмные тени под его глазами кажутся ещё глубже, чем я помнила, придают ему призрачный вид. Засохшая кровь покрывает его вокруг запястьев, и, когда я присматриваюсь ближе, я ясно вижу появление свежей крови, более яркие и свежие.

— Ты уверена, что хочешь сделать это? — спрашивает Магиано, когда мы собираемся на краю рва. — Ты можешь говорить с ним отсюда, разве нет?

— Могу, — отвечаю я, хотя мы оба знаем ответ, который я на самом деле хочу дать. — Но мы не можем отправиться в поездку с кем-то, кто отделён от нас цепями и рвом.

Магиано не спорит. Вместо этого, он неумовимо сжимает мою руку. Его прикосновение посылает искру тепла через меня.

Рафаэль смотрит на Виолетту. Я смотрю на сестру, упираясь в плечи Серджо. Она шевелится, её лицо пепельно-бледное, затем она позволяет Серджо помочь ей спуститься. Её энергия пошатывается, когда она подходит ко мне ближе, и облако страха парит над ней. Я не могу сказать, опасается ли она из-за Терена и меня, или нас обоих. Тем не менее, она смотрит в сторону Терена, сжимает руку в кулак и тянет.

Глаза Терена расширяются. Он выпускает резкий вздох, затем понимает, что его руки цепляются за камни под ним. Я даже отшатываюсь, наблюдая за этим. Я слишком хорошо понимаю то, что он чувствует — будто воздух вдруг выкачали из моих лёгких, и потоки, которые заставляют моё тело натягиваться, угрожают разорваться. Терен издаёт тихий стон, затем снова смотрит на нас с ненавистью в глазах.

Виолетта опускает руку и делает глубокий вдох. Она слегка встряхивается; свет фонаря освещает её дрожащие одежды. *Она смогла в таком состоянии использовать свою силу?*

— Он готов, — шепчет она.

Серджо крепит верёвку, которая перенесёт нас через ров. Терен наблюдает, как мы приближаемся, сначала его глаза смотрят на меня, потом на Рафаэля. Его взгляд задерживается на лице Рафаэля. Я смотрю на Рафаэля, ища выражение его реакции, но он натренированный консорт, он в спокойном состоянии, его страх сейчас — тонкое глубинное течение под вуалью из стали. Он встречает взгляд Терена. Если он и замечает на запястьях незаживающие раны, то не показывает этого.

— Что ж, Ваше Величество, — говорит Терен в своём обычном тоне, адресованном мне без единой насмешки в его глазах, направленных на лицо Рафаэля. Небольшая улыбка играет на его губах, посылая мурашки по моей спине. — Вы привели общего врага в этот раз. Ваши вкусы в пытках, кажется, развились.

— Он даже дружелюбнее, чем я помню, — лопочет Магиано с другой стороны рва.

Я ничего не говорю. Вместо этого, я жду, пока мы собиремся в нескольких футах от него, останавливаясь на безопасном расстоянии, чтобы Терен не мог достичь нас в своих цепях.

Глаза Терена снова находят меня.

— Почему он здесь? — спрашивает он низким голосом.

Я поворачиваюсь к Серджо и киваю.

— Освободи его.

Удивление мелькает на лице Терена. Он застывает, когда Серджо подходит к нему, одна рука покоится на рукояти меча, и он наклоняется к запястьям Терена. Серджо крутит ключ в кандалах. Они по-одному ударяются о землю.

Я настраиваю себя. В последний раз, когда я навещала эту камеру, Терен бросился на меня; он может сделать это и сейчас ещё раз, даже с отнятыми силами. Но вместо этого, он подталкивает себя встать на ноги и смотрит на меня.

— Что ты хочешь, волчонок? — говорит он.

На другом краю, через ров, двигается Магиано. Я чувствую его беспокойство, и моя энергия тянется к нему. Я позволяю этому усилить меня. Я врала Терену раньше, я могу сделать это снова.

— Разве не ты всегда ненавидел существование Элиты, Терен? — спрашиваю я. — Разве не ты надеялся увидеть нас уничтоженными, забранными в Преисподнюю?

Терен не отвечает. Ему не нужно, конечно же, все итак знают ответы на эти вопросы.

— Хорошо, — отвечаю я, — думаю, боги могут исполнить твоё желание после всего этого.

Жуткая улыбка Терена исчезает.

— Не играй в игры с богами, Аделина, — говорит он. — Ты хочешь услышать большего?

Терен оскаливается на меня. Он делает шаг ближе, достаточно близко, чтобы он протянул руку и схватил меня за горло, если захочет.

— У меня есть выбор?

— Мы можем уйти, конечно же. Ты можешь вернуться в свои оковы. Здесь ты можешь просидеть всю вечность, никогда не увидеть свет, никогда не умереть. Это же тоже является частью твоей силы, не так ли? Слишком сильный, слишком непобедимый, чтобы умереть и закончить свои страдания? Какая ирония. — Я склоняю голову в его сторону. — Итак. Ты хочешь услышать большего?

Я быстро смотрю на Рафаэля.

— Ты должен доверять нам, на мгновение.

Терен смеётся над этим. Он качает головой.

— Какое доверие когда-либо имело значение для всех вас?

Но, когда Рафаэль шагает вперёд, чтобы поместить камни в широкий круг вокруг Терена, он не реагирует. Он наблюдает, отмечая каждый из камней.

Когда Рафаэль заканчивает, он делает шаг назад и скрещивает руки. Я тоже вытягиваю шею во внезапном любопытстве. Какие воспоминания увидит Рафаэль из прошлого Терена? Какие соответствия ему принадлежат?

Что, если в конце концов, он не совпадёт с тем, что нам нужно?

Камера погружается в тишину. Рафаэль хмурит брови, концентрируясь, когда он изучает каждый из драгоценных камней. Когда мы всматриваемся в темноту, три из драгоценных камней начинают светиться. Один белый, который я сразу узнаю как алмаз, как амбициозность; затем смелость, блестящий синий; наконец, камень, алый цвет которого настолько сильный, что камень похож на кровотечение. Я выпускаю свой вздох. Я узнаю синее свечение — это одно из моих соответствий — соответствие Сапиентусу, мудрость и любопытство. Но алый...

Когда Рафаэль тянется, Терен застывает, а потом задыхается. Его глаза расфокусируются, будто он находится в своих воспоминаниях, тогда он морщится, сжимает свои глаза, закрывая их, и отворачивается. Я замороженно смотрю, вспоминая своё собственное тестирование. Я никогда прежде не видела Терена таким уязвимым, его разум открыт не только для другого человека, а для кого-то, кто является его врагом. Снова и снова Рафаэль протягивает руку, и снова и снова Терен пятится от него.

Амбиции. Мудрость. И...

Наконец, Терен издаёт рык и бросается на Рафаэля. Рафаэль быстро отходит, когда Серджи встаёт между ними. Он вытянул свой меч, прежде чем я успела моргнуть. Он сильно ударяет Терена в грудь рукоятью меча, затем отталкивает его назад. Терен спотыкается и падает на колени. Я жду, сердце колотится в горле, Терен стоит там, с опущенной головой. Его дыхание тяжёлое. Он ничего не говорит.

Теперь Рафаэль выглядит бледно. Он кивает, подтверждая то, о чём мы догадывались.

— Рубин, — говорит он, его голос раздаётся эхом по подземелью. — Тристус, сын времени и смерти. — Его взгляд блуждает по мне. — Ангел Войны.

Я снова выдыхаю. У Терена то соответствие, которое нам нужно.

— Зачем ты здесь? — шипит Терен.

Все намёки на его привычные насмешки улетучились, сменившись сырым гневом.

— Чего вы хотите? *Чего ты хочешь?*

Я шагаю к нему и наклоняюсь к его уровню глаз.

— Терен, — говорю я тихо. — Кое-что происходит с миром. С тобой, со мной, со всеми нами. Бессмертие Подземного мира проникает в реальный мир, отравляя все, что в нём находится.

Я объясняю то, что Рафаэль сказал мне о яде в тёмных водах, умирающих барилах, его ранах, которые заживают намного медленнее, чем раньше.

— Мы верим, что мы единственные, кто может прекратить это. Элита. И ты связан с бессмертным миром связью, в которой мы нуждаемся.

Голова Терена всё ещё склонена, и непонятно как, но часть меня ноет от понимания. Что Рафаэль вынудил из его прошлого?

— Я хочу, чтобы ты пошёл с нами.

Терен выпускает ломанный смех. Он поднимает голову, и моё дыхание перехватывает, когда его бесцветные глаза находят мои, окна, полные безумия и трагедии.

— У нас есть общая неприятная история, волчонок, — говорит он. — Что заставляет тебя думать о том, что у меня есть желание помогать тебе?

— В последний раз, когда мы работали вместе, был кто-то, стоящий между нами, — отвечаю я.

Терен наклоняется вперёд. Он так близко, что я чувствую его дыхание на моей коже.

— Этот кто-то, стоящий между нами, была ты, — огрызается он. — Мы можем быть только врагами.

Я подавляю в себе ненависть к нему.

— Когда мы впервые встретились, ты сказал мне, что я заслужила того, чтобы вернуться в Преисподнюю. Что вся Элита — мерзость, которая не должна ступать на земли этого мира. — Я сужаю глаз на него. — Но скажи мне, Терен. Если ты демон, и я демон — мерзость в глазах богов, тогда почему боги дали мне Кенетерианский трон? Почему я правлю Морскими землями, Терен, и почему все армии пали передо мной? Зачем, Терен, боги продолжают вознаграждать меня?

Терен смотрит на меня.

— Ты родился сыном Ведущего Инквизитора, — говорю я. — Тебе твердили всю жизнь, что ты не хуже собаки, и ты поверил в это. Даже женщина, которую ты когда-то любил, сказала, что ты ничтожество. Она отвернулась от тебя. — Затем я поднимаю голову и смотрю прямо на него. — Что, если ты ошибаешься? Что, если боги послали тебя, да и

вообще всех нас, не потому, что мы никогда не предназначались для существования, а потому, что мы всегда были предназначены для существования?

— Это невозможно, — спокойно отвечает Терен. Но он не ответил на мой вопрос.

— Возможно ли, что боги создали нас для того, чтобы спасти мир, а не уничтожить его? — настаиваю я, зная слова, которые ослабляют его. — Возможно ли, что они создали нас для того, чтобы мы развеяли что-то сломанное, так, чтобы мы однажды пожертвовали собой?

Терен остается спокойным.

— Итак, — наконец говорит он, — ты хочешь, чтобы я присоединился к вам в стремлении устранить разрыв между мирами? Зачем мне это делать?

— Потому что ты нужен нам, — отвечаю я. — И ты по-прежнему сильнейшая Элита, я знаю.

Без предупреждения Терен набрасывается и хватает меня за запястье одной руки. Его железная хватка болезненна и неуступчива. Я резко втягиваю воздух от его прикосновения. Серджо наполовину достает свой меч из ножен; Магиано произносит резкое предупреждение.

— Я могу убить тебя прямо сейчас, Аделина, — шепчет Терен. — Я могу сломать каждую кость в твоём теле, могу стереть их в порошок, и нет ничего, что могу сделать твои люди, чтобы меня остановить. Пусть это докажет тебе, что боги не на твоей стороне. Ты всё такая же дрожащая маленькая девочка, которую я привязал к столбу тем утром.

Моя ненависть к Терену бурлит, чёрная и клокочущая, возвышающаяся над страхом и болью в моём запястье в его руке. Позади меня пробуждается энергия Магиано. Я смотрю прямо на Терена.

— И вот она, я стою перед тобой. *Твоя королева.*

Мои слова вызвали в нём сомнения — мерцание в его глазах, которое я никогда раньше не видела. Он задаётся вопросом, могла ли я быть права. И я права, не так ли? Боги благословили меня. Они избавили этот мир от Кенетерианского короля, который презирал нас, затем от его королевы, которая использовала и манипулировала нами. Боги посадили на трон девочку, родившуюся от отца, который желал её смерти. Они щадили мою жизнь снова и снова. Они дали мне всё.

Ты оттолкнула свою сестру. Ты убила человека, которого когда-то любила. Ты пустой сосуд. Ничтожество. Боги дали тебе силу, которая тебя убивает.

— Терен, мы собираемся отдать наши силы обратно богам. Мы исправим мир, отказавшись от нашей мерзости. Это единственный способ, и это единственная мантра, которой ты всегда следовал, — говорю я, будто пытаюсь уговорить себя присоединиться к этой поездке, что я не боюсь потерять силы, что я всё ещё не пытаюсь обмануть неизбежное.

— У меня нет другой причины, чтобы стоять рядом с Рафаэлем. И у тебя. — Я делаю глубокий вдох. — Это то, чего ты всегда хотел.

Терен на мгновение исследует меня. Его выражение меняется от одного к другому, наконец его взгляд изменяется так, что я не могу понять. В нём есть какой-то блеск, позади его безумия, мерцание, которое его влечет. *Это то, чего ты всегда хотел, не так ли, Терен?* думаю я.

Он отпускает меня. Серджо ослабляет хватку на своём мече, и другие в камере меняют позиции. Я расслабляюсь, выпуская дыхание, пытаюсь сохранить своё самообладание. Моё сердце колотится в моей груди.

Терен одаривает меня мягкой улыбкой.

— Мы увидим, кто прав, моя Аделинетта, — говорит он.

Терен Санторо

В первом воспоминании Терену было семь лет.

Он был в ученической форме Инквизиции Аксиса, простой серой куртке и брюках, ученики тренировались, чтобы вступить в белые плащи, над которыми председательствовал его отец. Его волосы были коротко подстрижены и чисты, а глаза по-прежнему были цвета океана. Он был в одном ряду с десятком других, смотрящих на толпу молодых учеников, собравшихся во внутреннем дворе дворца, окружённого высокими статуями двенадцати богов и ангелов. Его отец обратился к ним всем.

Терен стоял гордо, с высоко поднятой головой. Он был единственным сыном Ведущего Инквизитора Кенетры, и это делало его лучше других, во всяком случае, так говорил его отец.

— Нашей целью всегда была защита Кенетерианской короны, — сказал его отец, — для защиты превосходства наших людей над всеми остальными и для защиты чистоты нашего наследия. Залогом своих жизней в Инквизиторском уставе вы обещаете навсегда посвятить себя королевской семье и охранять трон своими жизнями.

Терен почувствовал, как его грудь немного поднимается, с гордостью. Инквизиция Аксис была самой уважаемой армией в мире, и его отец главенствовал в ней. Он надеялся, что в один прекрасный день, он сможет выглядеть так же царственно, как и его отец, одетый в свинцовую броню Ведущего Инквизитора и плащ.

— Мы будем вести благородную войну против тех, кто нечист. Запомните это, и идите с этим в своих разумах: защитите свою страну любой ценой, любыми жертвами.

Терен закрыл свои глаза и глубоко вздохнул, усваивая слова. *Благородную войну против тех, кто нечист.*

— Терен Санторо. — Его отец назвал его имя. — Выйди вперёд.

Терену не нужно, чтобы его звали дважды. Он немедленно вышел из своего ряда и направился вперёд. Когда он достиг своего отца, мужчина кивнул ему встать на колени, протягивая ему его первый меч, и сказал ему осмотреть толпу. Терен повиновался. Другие ученики, которым были выданы лишь деревянные учебные мечи, а не стальные, как у Терена, они последовали его примеру и преклонили колени. Терен склонил голову и закрыл глаза, когда его отец зачитал присягу Инквизиции Аксиса.

Он был чистым. Лучшим. И он пойдёт по стопам своего отца.

Терену было одиннадцать лет во втором воспоминании.

Кровавая лихорадка пронеслась по Кенетре в начале года, поэтому его глаза больше не были чисто бирюзовыми, теперь они были бледными, такими бледными, что они казались бесчеловечными, полными отсутствием света. Он стоял с опущенной головой и тяжелым сердцем перед погребальным костром, на котором лежало тело его отца. Огонь уже распространился от лучины к одежде Ведущего Инквизитора. Терен молчал, когда взревело пламя. Его отец заболел сразу же после Терена, но пока Терену удавалось выживать, Кровавая лихорадка убила его отца через два дня.

Терен знал, что это его вина. Это должно было случиться. Боги не ошибаются, и он знал, что он должен был быть отмечен лихорадкой, на это была причина.

После этой ночи Терен выполз из своих покоев и сбежал в храм во дворце. Там, в тёмных углублениях и бассейнах при свечах, он опустился на колени перед богами и рыдал. Доктрина Инквизиции Аксиса специально учила тому, что выжившие в кровавой лихорадке были мерзостью, наказанием от богов.

Теперь он был демоном. Что он сделал? Он шептал полу в храме, когда опустился на колени. Перед ним возвышалась статуя Святого Сапиентуса, бога Мудрости. *Почему мой отец? Почему ты не забрал меня тоже?* Там он стоял на коленях в течении трёх дней, пока его не измучила жажда и голод. *Как далеко я пал*, думал он про себя снова и снова, пока эта мысль, казалось, не закрепилась в нем слишком сильно. *Когда-то я был самым лучшим, и теперь я — ничто. Мой отец умер из-за меня. Мусор. Мерзость.*

Внезапно, в порыве отчаяния Терен схватил свой меч и вытянул его из ножен. Это был тот самый меч, который его отец подарил ему в день, когда он присоединился к Инквизиции в качестве ученика. Он взял меч, приложил его к одному из своих запястий и рубанул изо всех сил. Он закричал от резкой боли. Над его кожей мгновенно расцвела кровь.

Но, затем... рана закрылась. Терен видел это вблизи, наблюдал с открытым ртом, как одна сторона разрубленной плоти соединилась с другой, рана закрылась. Боль исчезла.

Терен быстро заморгал, увидев это. Затем он попытался снова, вскрыв себе запястье.

Снова рана зацвела кровью, прежде чем закрылась.

Этого не может быть. Терен попробовал ещё несколько раз, скрипя зубами от боли, а потом ужасался, когда рана, как и боль, мгновенно исчезала. Он резал себя более и более лихорадочно, пытаясь пролить больше крови. Но он не мог. Каждый раз рана заживала сама по-себе, будто ничего не происходило.

Наконец, Терен отбросил меч подальше. Он рухнул у ног Сапиентуса, рыдая. Он даже не мог оборвать свою жизнь. Он навсегда был проклят кровавой лихорадкой.

Он остался в храме на следующий день. Потом ещё. Несколько друзей, других учеников, пришли проверить его. Он отталкивал их, отказываясь отвечать на вопросы. Он не хотел говорить о причине, почему не хотел говорить с ними, о том, что это было потому что он больше не был равным им, он был собакой, которая осмелилась поговорить с человеком. Он не хотел говорить, потому что он был в ужасе от отвращения от тайной силы, которую оставила ему кровавая лихорадка.

Этот вопрос мучал его каждую ночь, которую он провёл в храме. Почему боги позволили ему пережить кровавую лихорадку, пометили и опозорили, а потом отобрали его возможность, закончить свою жизнь? Чего они хотели от него здесь? Почему они заставляют его остаться?

В свою последнюю ночь в отчаянии он ударил кулаком в землю. Он был шокирован, мраморный пол треснул под его пальцами, оставляя сотни зазубренных трещин в камне. Терен смотрел, замерев. Он поднял руки в лунном свете, наблюдая как раны на его костяшках зажили и не оставили после себя ни травм, ни шрамов.

Боги сделали его мерзостью, а затем одарили непобедимостью и силой.

Возможно у них была причина, что они наказали меня, думал Терен. Он тихо склонил колени перед Сапиентусом в остатке ночи, думая. На следующее утро он покинул храм.

Терену было шестнадцать в его третьем воспоминании.

Хотя наследие отца защищало его от наказания, он бы был уже выгнан из Инквизиции Аксиса за то, что он был мерзостью, но это не помешало ему оставаться верным короне, пытаясь всегда найти какой-нибудь способ, чтобы доказать, что он хотел посвятить то

немногое, что осталось, служению трону, служению богам.

Поэтому он решил для себя, что будет тайно помогать Инквизиции в искоренении мальфетто, не зная о своих метках. Он следил за теми, кого он подозревал в городе, наблюдая, как они разговаривают и смеются со своими семьями. Всякий раз, когда он находил мальфетто, он подкрадывался ночью к их дверям и помечал её символом Инквизиции.

Инквизиторы не знали о том, что он делал это, но они должны были быть благодарны ему за его тайное шпионство.

А потом, одним днём, он наткнулся на аптеку.

Это был очаровательный небольшой магазинчик, которым управлял седоволосый старик и его приветливая дочка, красивая Тамуранская девушка с живой улыбкой и заразительным смехом. Терен останавливался несколько раз в неделю, чтобы посмотреть, как они принимают заказы от клиентов. Что-то показалось ему не так в этой девушке. Её звали Дафна.

Иногда Терен видел, как она занималась доставкой в городе. Её путь пролегал через большое количество извилистых тропинок, что он всегда терял её на оживлённых улицах. Когда после полудня она возвращалась в аптеку, Терену было интересно, где она исчезала.

Пока он не услышал слух о группе под названием Общество Кинжал, по предположениям, состоящая из демонических мальфетто с ужасающими силами не из этого мира. Видимо, Дафна использовала аптеку своего отца, как место, где она создавала пасты, которые скрывали метки мальфетто. Она помогала Кинжалам и другим закрашивать из метки. Терен думал, что Дафна была одной из тех, кто помогает скрываться членам Общества Кинжала.

Одной ночью Терен проследил за Дафной, когда она покинула аптеку своего отца и побрела в сторону Эстенцианского Университета. Что может делать девушка в такой поздний час? Она надолго исчезла в университете, но Терен, всё же, нашёл её на узкой улочке. Она обменивалась словами с фигурой, прикрытой капюшоном и протянула ему небольшую сумку.

Терен немедленно доложил о ней. Спустя несколько дней, Инквизиция пришла, чтобы забрать Дафну. Они утащили её в Башню Инквизиции недалеко от причалов, и хотя он не мог увидеть, что с ней случилось, он знал, что эти солдаты делали в подземельях, когда хотели добыть информацию у кого-то.

Дафну должны были сжечь на костре. Но она не дожидая до того дня, когда её должны были вытащить из подземелий.

Позже, Терена вызвал Кенетерианский король с молодой королевой, Джульетта. Терен преклонил колени перед перед их тронами, когда король оценил его преданность за нахождение предателя в своих рядах. Король восстановил его права Инквизитора, рассказав всей общественности, что Терен не имеет метки. Что он не был мальфетто.

В этот момент Терен понял. Он понял, почему боги решили оставить его в живых, почему они забрали у него возможность умереть.

Он был мерзостью, посланной сюда, чтобы избавить мир от этой самой мерзости, чтобы остановить тех демонов от разрушения королевства Кенетры. Он должен был искупить свои грехи, защищая всё, что было чистым и хорошим.

Это был смысл его жизни.

Это было его оправдание, и, теперь, боги дали ему шанс доказать это.

Аделина Амутеру

Я ветер, невозмутимый, свирепый и глубокий.
Я дух жизни, вой штормов, дыхание сна.
— *Имоденна Великая, от сэра Элиаса Мандара.*

* * *

Когда мы садимся на наш корабль, Терен всё ещё окован цепями. Мы доверяем ему только в том, что он согласился сопутствовать нам, но мы понимаем, что не можем сдержать его от попытки напасть на нас во сне. Поэтому он остается нашим пленником, окружённым стражниками всё время. Когда мы отплываем от гавани Эстенции, он единственный, кто остаётся в каюте, прикованный к своей койке. Я стою на носу корабля и пытаюсь не думать о его присутствии под ногами. Перед нами проплывает тамуранский корабль Рафаэля, скользящий в унисон волнам. Магиано взбирается вверх по мачте и опускается с неё с привычной ему лёгкостью.

На берегу я всё ещё вижу Серджо на пирсе с отрядом Инквизиторов за его спиной, наблюдающих за нашим отходом.

Он поцеловал Виолетту прямо перед тем, как мы отплыли. Это было впервые, когда я наконец увидела его действия на чувствах, которые он всегда проявлял при моей сестре. Сейчас Виолетта находится на корме, её глаза направлены на пятна на берегу. Серджо, с помощью своих наёмников, собирается командовать армией во время моего отсутствия. И всё-таки, я не могу не волноваться. Что, если он потерпит неудачу? Что, если я вернусь в мою, с трудом завоёванную, империю, только чтобы выяснить, что там произошло восстание, или, что он предал меня?

Все предают, шёпоты злорадно глумятся. Их яд ласкает мои мысли.

Лучше, если ты предашь первая.

— Мы плывём на северо-восток, — говорит Рафаэль во время первой ночи, когда мы собираемся за обеденным столом.

Он перешёл на наш корабль по связывающему трапу, чтобы встретиться с нами. Виолетта держится близко к нему, в то время, пока я пытаюсь сохранить между нами как можно большее расстояние.

— Потребуется несколько недель, если мы последуем по кратчайшему пути, когда мигрируют северные крачки.

— Откуда ты знаешь, куда идти? — спрашиваю я. — Ты упомянул источник происхождения Элиты. Где это?

Рафаэль проводит пальцем по столу, рисуя невидимые линии, представляющие границу Морских Земель и моря, а затем указывает на место далеко от северного берега.

— Северная Амадера, глубоко в этом радиусе. — Он поочерёдно смотрит на каждого из нас. — Тёмная Ночь.

— Как в мифах? — говорит Магиано с куском вяленого мяса во рту.

Я слышала рассказы и прежде, и теперь поднимаю бровь на Рафаэля.

Рафаэль кивает, пряди его шелковистых волос скользят по его плечу, когда он встаёт.

— Есть четыре места, где до сих пор бродят духи, — отвечает он, цитируя какой-то древний фолиант. — Заснеженная Темная Ночь, забытый рай Собри Элан, Стеклянные столбы Дюмона, и человеческий разум, то бесконечно таинственное королевство, где навсегда обречены бродить призраки.

— Они говорят, что Тёмная Ночь — остаток богов, — добавляет Люцента. — Это священная земля. Священники проводят на ней паломничества.

— Если вы изучали хронологию мифов, — продолжает Рафаэль, — то первые упоминания о Тёмной Ночи совпадают с падением Лаэтеса с небес. Правильно, оно известно, как священное место. — Он кивает Люценте. — Я считаю, что оно было создано разрывом между смертным и бессмертным мирами. Это место вечной ночи, не предназначенное для смертных. Священники, о которых ты упомянула, Люцента, ходят к землям вокруг этого места. Но на самом деле, они не заходят за пределы Тёмной Ночи. Это совсем не сказки о том, что находится внутри этого места.

Земля из мифа, наш пункт назначения основывается лишь на представлениях Рафаэля.

— Ты веришь, что в это место может ступить лишь Элита, — отвечаю я.

Рафаэль кивает:

— Это земля богов.

— И королева Мэв встретит нас по пути? — спрашивает Магиано. Он сидит рядом со мной, его рука касается моего края. — Как только мы войдем в Небесные Земли?

Рафаэль смотрит на него.

— Мы встретим её в проливе между Бельдайном и Аматерой.

— После нашей последней стычки? — цокает Магиано. — Ты уверен, что она захочет присоединиться к нам? Трудно поверить, что Бельдийская королева позволит нам проплыть через её территории целыми и невредимыми, после того, как мы разрушили весь её флот, и это не говоря уже о том, как она просидит всю неделю на лошади рядом с нами.

— В интересах Мэв достигнуть с нами цели, — хладнокровно отвечает Рафаэль.

Пока Магиано пожимает плечами, я смотрю на карту. На ней Кенетра — небольшая страна, по-сравнению с другими нациями в Морских Землях. Солнечные Земли, включая Домакку и Тамурацию, кажутся бесконечно растягивающимися на карте. Моря же даже более обширные, чем все они, огромное разделение между миром живых и Преисподней.

Объём моей собственной силы кажется ничтожным. Наше путешествие провалится, и мы поплатимся за это нашими жизнями.

На рассвете мы плывём в тусклом свете мрачного утра. Океан принял непростой цвет чёрного янтаря, блестящий чёрный. Из иллюминатора моей каюты я вижу облака, громоздящиеся друг на друга так, пока не затягивают всё небо, будто его не существовало вовсе, а потом я слышу низкий раскат грома, эхом отдающийся откуда-то издалека. Если бы Серджио был на борту, он мог бы рассказать нам про этот надвигающийся шторм и что-то сделать с ним. Но это гроза не по нашей нужде. Это то, что создали боги.

Мой желудок сжимается, когда корабль качается на волнах. Мурашки страха пробегают по моей спине, и шёпоты возбуждаются. *Подземный мир зовёт тебя домой, Аделина.*

В то же время, когда я поднимаюсь по лестнице и выхожу на верхнюю палубу, небеса становятся ещё темнее. Я смотрю на горизонт, чтобы увидеть молнию разрывающую небо.

Продолжает грохотать гром. Магиано помогает двум из экипажа завязать бочки и закрепить пушки. Сегодня его одежды — грубые полотна: тяжёлый плащ, плотно обёрнутый вокруг тёмной туники, брюки и сапоги; его косички завязаны в высокий узел.

— Мы по-прежнему впереди шторма, — говорит он, когда я подхожу к нему. — Но он расширяется. Если нам повезёт, мы сможем проплыть, прежде чем худшая его часть ударит нас.

Я исследую горизонт на какой-либо намёк земли, но ничего не вижу кроме сбивающихся тёмных туч. Эта буря отличается от шторма, с которым мы столкнулись, сражаясь с Тамуранией, где я могла вызвать образы, наводящие ужас на солдат, с которыми мы воевали. Но какая польза от иллюзий, когда враг — сама природа? Из воды я слышу другое эхо, вой барилы. Недалеко от нас проплывает небольшая стая, направляющаяся в сторону, противоположную шторму.

— Где Виолетта? — спрашиваю я. — Ты видел её сегодня утром?

— Она не поднималась сюда. — Магиано кивает в сторону трапа. — Тебе тоже нужно оставаться в каюте. Я могу справиться сам. Тут может быть опасно.

Возможно, она умерла, гогочут шёпоты. Тем лучше! Теперь ты, наконец, можешь быть свободной от её мучений.

Начали падать крупные капли дождя. Я качаю головой, пытаюсь оттолкнуть от себя пятно неконтролируемых иллюзий, и разворачиваюсь, чтобы спуститься по трапу. Воздух становится тяжелее, когда шёпоты становятся громче, растут, пока не начинают кричать в моих ушах. Страх моего экипажа висит в воздухе, подпитывая мою энергию, пока я не чувствую, будто моя грудная клетка вот вот лопнет. В углу корабля мой отец опирается о деревянные перила и смотрит на меня дикими глазами. Я сглатываю и смотрю вниз. Мои иллюзии не могут обрушиться на меня сейчас, не здесь.

Первые капли дождя превращаются в ливень. Из «вороньего гнезда» кричит один из членов моего экипажа.

Когда я натыкаюсь на лестницу, ведущую вниз, я замечаю мелькающий корабль Рафаэля, качающийся на волнах, почти потерявшийся в брызгах. Я даже не могу остановиться на ведущем вниз трапе. На нижнем уровне раскачиваются фонарики в узких коридорах, и, думаю, я слышу крики из под пола подо мной. Я останавливаюсь. Шёпоты в моей голове беспокоятся, но это прозвучало по-настоящему. До сих пор я не могу заставить себя быть уверенной в чем-то. Я иду дальше по коридору, пока не дохожу до своей двери. Здесь всё кажется приглушённым и отдалённым, не считая завывания ветра снаружи и океана, разбивающегося о дерево.

Я иду к двери Виолетты, стучу, затем захожу внутрь.

Она ворочается на своей кровати, но не смотрит на меня. Мне требуется один взгляд, чтобы понять, что у неё жар: её веки дрожат, её тёмные волосы влажные и липнут к её голове. Её метки заметно тянутся вдоль её шеи и рук, синие и фиолетовые, и чёрные. Она что-то бормочет. Даже в бессознательном состоянии, она беспокойно двигается, когда снаружи слышатся раскаты грома.

Ей становится хуже, понимаю я, когда стою над ней. Рафаэль думал, что, возможно, моя близость могла бы замедлить её ухудшение... но сейчас она выглядит даже ещё слабее, чем тогда, когда я впервые увидела её в Тамурании. Я смотрю, как она поворачивается в постели, её лоб покрыт капельками пота, и я сажусь и касаюсь её руки своими пальцами.

Что, если она не может даже добраться до источника нашего зарождения, чтобы помочь

завершить нам нашу поездку?

Ты попусту тратишь здесь своё время, говорят шёпоты.

Страшный грохот сотрясает половицы. Я пугаюсь и оглядываюсь на дверь. Будто звук пришёл не с палубы, а из коридора. Я жду, чтобы услышать звук Инквизиторских сапогов, группу голосов, но в место этого корабль снова впадает в тишину.

Я хмурюсь. На мгновение мне хочется проигнорировать его, но я встаю и отхожу от Виолетты. Я выхожу в коридор с качающимися фонарями. В коридоре никого больше нет.

Я сжимаю голову и опираюсь о стену. Всё вокруг меня, кажется, движется, и несмотря на все мои старания сосредоточиться, стены сливаются с полом, свет фонарей размазывается вместе с лицами и фигурами. Шёпоты начинают кричать. Я сжимаю рукой одно ухо, будто это может заглушить их, но это делает только хуже, перекрывая шум грохочущего океана и подчёркивая мои иллюзии, сходящие с ума.

Думай о Магиано. Я вспоминаю его руку на моём запястье в тёмном коридоре дворца; свет, отражающийся на его коже, в купальне. Затем я выравниваю своё дыхание, успокаиваясь. Один, два, три. В моей голове до сих пор остаются крючковатые когти, хоть и ненадолго, и пол, и стены снова проясняются. Шум волн и крики людей снова появляются на палубе.

Затем, ещё один удар.

Он появляется с палубы ниже. Где мы держим Терена.

Чувство страха закрадывается в мой живот. Что-то случилось, я чувствую это. Я колеблюсь на мгновение, представляя, не вышли ли мои иллюзии снова из под контроля. Мир кажется достаточно устойчивым, и шёпоты приглушены до рокота. Я иду к лестнице, ведущей на нижнюю палубу, а потом начинаю спускаться вниз. Корабль яростно трясёт, заставляя меня споткнуться на последней ступени. Снаружи звучит приглушённый раскат грома. Шторм быстро ухудшается.

Конец коридора чёрный, как смоль, и, когда корабль кренится, потухший фонарь катится вдоль досок, его стекло сломано. Я осторожно тянусь со своей силой. Здесь нет страха, страх, что приходит с болью. Когда я подхожу ближе, я вижу две ясные фигуры, распластавшиеся на полу, тихо постанывающие. Стражники, что следили за Тереном.

Дверь Терена широко распахнута.

Моё сердце прыгает в горле от ужаса. *Он освободился,* думаю, это произошло во время оглушительного раската грома, сотрясающего корабль. Я оборачиваюсь и спешу к трапу. По моей шее пробегают мурашки, паника разрастается, когда я думаю, спрячется ли Терен в тени. Но я знаю, что его уже здесь нет.

Я в спешке поднимаюсь по лестнице и бегу по коридору.

— Виолетта — кричу я, когда бегу. — Магиано! Терен ушёл!

Никто не отвечает. Когда корабль наклоняется, заставляя фонари вдоль стен бешено трястись, я бегу к лестнице, ведущей на палубу, и начинаю подниматься. Куда мог пойти Терен во время такого шторма? Мы не можем потерять его. Он нужен нам в этой поездке. Мы...

Я слышу свист клинка в воздухе, даже раньше, чем его вижу. Что-то — судьба, мои инстинкты — моё спасение, и я нагибаюсь в самый последний момент. Кинжал врезается глубоко в дерево трапа. Я оглядываюсь, чтобы увидеть одного из моих Инквизиторов, нападающего на меня, его оскал. *Мятежник.*

Я скидываю руки и набрасываю иллюзию невидимости на себя. Я исчезаю из поля

зрения и несусь с этого места. Инквизитор протыкает пустой воздух и осматривается вокруг. Теперь он боится, и его ужас подкармливает мою концентрацию.

— Покажи себя, демон! — кричит он.

Моё сердце колотится о рёбра. Итак, ещё один мятежник, так же как и тот, кто напал на меня во время нашей битвы. Я стискиваю зубы и бросаю в него иллюзию боли. Но моя концентрация мерцает, и часть меня внезапно появляется на доли секунды. Достаточно, чтобы Инквизитор увидел меня. Он снова кидает в меня ещё один кинжал, даже, когда находится под моей иллюзией боли.

Я отбегаю мимо него и начинаю подниматься по лестнице. Он был одним из стражников, которые были размещены у дверей Терена? Он выпустил его, думая, что он бы убил меня? Он был предан Терену во время его поста Лидера Инквизиции?

Мужчина снова замахивается на меня. Я реагирую наугад, хватая кинжал в дереве, а потом я оборачиваюсь и набрасываюсь на него. Моё лезвие поражает плоть. Глаза мужчины расширяются, и он открывает дрожащий рот. Он смотрит на мой шрам на лице, а потом падает к моим ногам.

Ещё одна попытка убийства.

Я сжимаю кинжал в одной руке и напряжённо поднимаюсь на верхнюю палубу. Меня настигает ледяной ветер с дождём. Я замираю и смотрю в небо, чтобы увидеть облака, которые нависли так низко, что кажется, будто они могут коснуться «вороньего гнезда». Облака такие чёрные и зловещие, будто я вглядываюсь в пасть самой Смерти.

— Аделина! — промокший Магиано кричит из носовой части корабля, где он отчаянно крепко цепляется за такелаж парусов. Он указывает в сторону корабля Рафаэля. Обезумев, я оглядываю палубу. Всё это похоже на размытое пятно — груда серого экипажа, сражающегося с бурей, везде вода. Я оборачиваюсь, будто мой горе-убийца прямо за мной.

— Терен! — кричу я Магиано. — Он ушёл! Он...

В момент, когда слова вылетают из моего рта, я замечаю его. Под сиянием вспыхнувшей молнии я вижу Терена, пробирающегося к Магиано. Запястья Терена по-прежнему в цепи, и они грохочут, когда он двигается. Воздух ускользает из меня. Нет. Я снова кричу и готовлюсь ударить своей энергией, но на борт корабля падает огромная волна и я спотыкаюсь от импульса. Откуда-то появляется свободный канат и жёстко ударяет Магиано в бок, в его незаживающую метку.

Магиано сгибается в агонии и теряет равновесие. Его руки хватаются за такелаж. Я прыгаю на палубу, когда Терен достигает его. *Терен собирается убить его.* Мысль проносится через меня, как молния, и мои силы возрастают, с рёвом освобождаясь, когда я сталкиваюсь с Тереном.

Но Терен хватается за канат и отбрасывает его со всей силы к Магиано. Несмотря на боль, Магиано удаётся поймать его. Он откидывается в сторону мачты и ударяется о лонжерон, мягко приземляясь, едва избегая перекинуться через борт. Он съезживается на палубе, хватаясь за бок.

Я вытираю воду с глаза. Терен только что спас жизнь Магиано?

Сразу же на палубу попадает очередная волна, заливая её. Она смывает одного из моих Инквизиторов в море. Я спотыкаюсь и падаю на колени.

Передо мной Терен теряет равновесие и падает. Я бросаюсь вперёд. Где-то сквозь шторм меня зовёт Магиано.

— Аделина, нет! — кричит он.

Вода смывает Терена за борт. *Он нужен нам, это всё, о чём я могу думать. Нам нужен Терен, если мы хотим жить.* Я хватаюсь за перила и смотрю вниз, чтобы увидеть Терена, цепляющегося за борт корабля. Его цепи гремят на ветру. Он смотрит вверх и видит меня.

Пусть он захлебнётся, говорят шёпоты. Пусть Поздемый мир заберёт его. Пусть он утонет. Он этого заслуживает.

Я колеблюсь, дрожа от усилий, слушая голоса. *Он заслужил это.* На мгновение, мысль задерживается в моём разуме, и шёпоты ликуют, будто они выиграли. Лицо Терена изменяется и двигается, сменяясь от человеческого лица до неузнаваемого демона, монстра под его кожей.

А потом я вспоминаю, почему мы здесь. Я тянусь вниз, плотно сжимая руку вокруг его запястья, и как можно сильнее тяну. Терен медленно поднимается, шаг за шагом пробираясь наверх. Его глаза отражают молнии и проливной дождь. *Когда он снова на борту, думаю я, нам нужно, чтобы охрана его каюты была более строгой.*

— Берегись! — кто-то кричит.

Я оглядываюсь как раз вовремя, чтобы увидеть Магиано, летящего в мою сторону. Но уже поздно: через мгновение, волны ударяются о борт корабля, и я отлетаю от перил. Всё, что я вижу — прилив чёрного неба и океана.

Магиано по-прежнему стоит вдоль палубы, его рука протянута ко мне.

Затем он исчезает в виде дождя и водяных брызг из океана. Я смотрю вниз и вижу тёмный океан, бросающийся на меня.

Преисподняя пришла за тобой, шёпоты кричат. Я ударяюсь о воду. И океан поглощает меня.

Аделина Амутеру

Сказал мужчина солнцу: «Как же я желаю, чтобы ты осветило своими лучами каждый день моей жизни!» И сказало солнце мужчине: «Но только с дождём и ночью, чтобы ты мог ценить мой свет.

— *Домакканская поэма, перевод Чевалле.*

* * *

Мир оглушающий и тихий. Светлый и тёмный. Думаю, я вижу Кальдору в глубине; её длинные, чудовищные плавники, рассекающие воду. Звук грома приглушен под этими чёрными приливами. Я плыву некоторое время, неуверенна, где я или буду ли жива. Течение настигает меня, и я тону, моё сердцебиение глухо пульсирует в ушах. Я пытаюсь дышать.

Я всплываю, от удушья хватаю ртом воздух. Дождь и морская вода льются в мой открытый рот. Я задыхаюсь, кашляю и ищу корабль. Он позади меня, надвигается. Я пытаюсь подплыть к нему, но ещё одна волна поглощает меня и отбрасывает снова и снова. Мне удаётся взять себя в руки, только чтобы увидеть корабль, отплывающий дальше.

— Магиано! — кричу я. — Виолетта!

Но мой голос теряется в буре. Другая волна накрывает меня и я снова погружаюсь в пучину.

Я не умру здесь. Не так. Мысль становится ударом, наполняющим меня злостью, и злость придаёт мне силы. Я заставляю себя двигаться, чтобы задержаться в воде, я с силой выталкиваю голову над водой ещё раз. В ярости над головой ревет шторм, между облаками вспыхивает молния, и меня бьёт пеленой дождя. Меня проглатывает очередная волна, и каждый раз, когда я всплываю, корабль кажется всё дальше. Постепенно, я перестаю чувствовать свои конечности. Энергия Преисподней проникает под мою кожу и в моё горло. В море плавают монстры, их массивные чёрные силуэты окутаны глубиной синевы, которая, кажется, бесконечно простирается от них.

Будет ли он скучать по мне? Я представляю лицо Магиано, перекошенное от страха, когда он смотрел, как я падаю за борт. Он в безопасности?

Будет ли Виолетта скучать по мне?

Рука. Шершавые пальцы. Ногти впиваются в мою кожу. Хватка такая сильная, что, думаю, мои кости могут сломаться. Я открываю рот, чтобы крикнуть, но все мои усилия поглощает море, делая их беззвучными. Я ловлю дикий взгляд белых, безумных глаз и мелькание светлых волос. *Терен.* Терен в воде, борется со мной, тянет мою руку.

Мы вырываемся на поверхность в центре шторма. Я задыхаюсь, захлебываясь морской водой, сквозь пелену дождя я вижу наш корабль, кренящийся в нескольких десятках метров. На мачте Магиано указывает искать нас в воде. *Я здесь.* Я пытаюсь плыть, но море заглатывает мою руку.

— В конце-концов, ты уязвима, волчонок? — кричит Терен.

Иллюзия тьмы затмевает весь мир. Я борюсь, за возможность дышать в Башне Инквизиции, и Терен прижимает своей меч к моему горлу. *Он собирается убить меня; он собирается перерезать меня своим лезвием.*

В моём горле селится дикий всплеск ужаса, и в панике я пытаюсь освободиться от него.

Терен рычит, и его хватка только усиляется на моей руке. Я смутно осознаю, что нас окружает океан. Ещё одна волна сталкивается с нашими телами, и морская вода заливают мой рот. Я сплевываю воду. *Он топит тебя*, шёпоты вопят.

Любой другой потерял бы свою хватку в море столь свирепом, как это, но Терену, которого всё ещё подпитывают его особые силы, удаётся сдерживать меня, словно его хватка — оковы.

— Отпусти меня, — выдавлю я, вслепую замахиваясь на Терена.

Резкий запах крови наполняет мои ноздри, и я осознаю, что он исходит от его запястий, обтекающих кровью и раводящих пятно алого цвета вокруг нас. Где-то впереди вырисовывается силуэт нашего корабля. *Мы приближаемся.*

— Мне бы хотелось. — Выплевывает Терен. — Нет ничего, чего бы я не хотел увидеть больше, чем тебя в Преисподней, Аделина.

Его слова разжигают мою ярость. *Он никогда не намеревался закончить с тобой эту поездку.* Терен снова сжимает мою руку так сильно, что я кричу от боли. Он тянет нас обоих к кораблю, его лицо превратилось в мрачную маску решимости.

Затем, я слышу, как он кричит:

— Но я не буду тебя отпускать.

Но я не буду тебя отпускать. Моя ярость колышится, превращаясь в недоумение.

Теперь мы так близко к корпусу нашего корабля, так близко, что Магиано видит нас. Я слышу его крик в ветру, вижу его руку, указывающую туда, где мы находимся. Терен подплывает к ним, и, когда экипаж начинает суетиться вдоль палубы, внезапно я ощущаю, как меня затягивает в воду ниже. Вихрь отталкивает её, и, на мгновение, формируется воронка в море вокруг нас.

Ветер подталкивает нас вверх. Встревоженно, я смотрю на корабль Рафаэля, который отклоняется от курса позади нашего. Люцента стоит высоко на мачте, протягивая руки в нашу сторону. Ветер усиливается, и мы поднимаемся выше, выше, высоко над перилами палубы нашего корабля, поток морской воды проливается на наш корабль, когда мы движемся.

А потом мы падаем. Я ударяюсь о палубу достаточно сильно, чтобы из моих лёгких выбилось дыхание. Терен, наконец, отпускает мою руку, и я резко чувствую себя лучше, без его железной хватки. Инквизиторы толпятся вокруг нас. Магиано, всё ещё схватившийся за раненный бок. Среди всех них я вижу лицо Виолетты. Тёплые руки обвивают мою холодную шею, и я поддаюсь вперёд, вздрагивая от объятий. Её волосы перекинуты через плечо.

— Я думала, мы тебя потеряли, — говорит она, и я обнимаю её в ответ, прежде чем понимаю, что я делаю.

Рядом со мной Инквизиторы окружают Терена, снова заламывая руки за его спину. Он смотрит на меня стороной лица, прижатого к полу. Его губы всё ещё изгибаются в кривой улыбке. Его глаза пульсируют чем-то неуравновешенным. Я смотрю на него, пытаюсь осмыслить, что он сделал. *Он спас Магиано от падения за борт. Он спас меня.* Как бы сильно он нас не ненавидел, он серьезно относится к этой миссии.

— Может быть, в следующий раз, — говорит он мне с улыбкой, — тебе повезёт меньше.

Аделина Амутеру

У Лаэтеса не было ни единой монеты с его именем, но это было не важно. Он излучал такое очарование, приносил такую радость в каждого прохожего, которого встречал, в каждого, кто приглашал его в свои дома, кормил его своим хлебом и тушеным мясом, и защищал его от воров и бродяг, поэтому он прошёл невредимым границу между Амадерой и Бельдаynom.

— *Водопад и подъем Лаэтеса, от Этьенн из Ариата.*

* * *

Предателем Инквизитором оказался новобранец из Дюмора. После намёка Терена и небольшой охоты на борту корабля, Магиано тащил каждого члена экипажа передо мной на верхнюю палубу, где они трепетали и пресмыкались к моим ногам. Магиано редко имел маску такой холодной злости на лице, но тогда это произошло, зрачки его глаз резко сузились, становясь похожими на иглы.

Я могла бы убить этот экипаж, если бы захотела. Я могла бы покрыть палубу этого корабля их кровью на закате.

Но я не могу позволить себе делать такие вещи. Если я избавлюсь от них, будет недостаточно людей, чтобы вести этот корабль, чтобы защитить нас. Так что, вместо этого, я показала им труп несостоявшегося убийцы. Затем я приказала выбросить его за борт.

— Пусть это будет напоминанием для тех из вас, кто ещё хочет бросить мне вызов, — сказала я, держа высоко поднятую голову. — Кто-нибудь еще?

Меня встретила только тишина, затем шёпоты в моей голове. Они казались довольны.

Это лишь вопрос времени, не так ли, Аделина, прежде чем они схватят тебя.

Странно видеть океан таким спокойным этим вечером, когда всего несколько часов назад наши корабли едва не растерзало волнами. Я сижу, вжавшись в кресло, одеяла окутывают меня даже после того, как я приняла тёплую ванну, как могла, с дрожащей кружкой горького чая. К моему несчастью, мой взгляд задерживается на Виолетте. После её внезапного эмоционального всплеска на палубе, она вернулась к обычному напряжённому молчанию в моём присутствии, хотя она одарила меня обеспокоенным взглядом, прежде чем вернуться в свою каюту. Я не знаю, что с этим делать, но я слишком устала сегодня, чтобы останавливаться на этой мысли. Сейчас только Магиано бездельничает у иллюминатора поблизости, а Терен сидит в своём кресле, спокойно доедая свой ужин.

Он сидит со всё ещё окованными запястьями, вместе с двумя Инквизиторами, стоящими от него по бокам, но цепей не так много, чтобы ограничивать его движения, позволяя ему свободно есть. Его запястья тоже перевязаны чистой тканью, и он тоже укутан в одеяла. По большей части, он выглядит не пострадавшим от нашего тяжёлого испытания в океане. Я полагаю, что его силы ещё не покинули его.

— Почему ты спас меня? — спрашиваю я у Терена, мой голос пробивается сквозь

тишину.

— Наверное, по той же причине, почему Кинжалы спасли жизнь нам обоим. Шагающая по Ветру, это была она? — Терен не отрывается от своей тарелки, когда говорит. Это его первое полноценное принятие горячей пищи за всё то долгое время, и он, кажется, наслаждается им.

— И какой в этом смысл?

— Как ты сказала, я здесь, чтобы выполнить волю богов. И, будь я проклят, если твои глупые действия сделают эту поездку бессмысленной.

Пусть он защита. Мои шепоты на удивление спокойные этим вечером, возможно, подавленные микстурой Магиано в моём чае. Я киваю Терену.

— Снимите с него цепи, — говорю я Инквизиторам, стоящим рядом с ним.

— Ваше Величество? — отвечает один из них, растерянно моргая.

— Мне нужно повторить? — рычу я.

Инквизитор бледнеет от моего тона, затем спешит выполнить мой приказ.

Терен смотрит на меня, когда его цепи отпадают, приземляясь на пол тяжёлым лязгом. Он коротко усмехается. Звук этого смеха кажется мне знакомым, и он появляется в моей памяти.

— Довериться мне, — шепчет Терен, — опасная игра, моя Аделинетта.

— Я делаю это это по большей степени, — отвечаю я, — для оставшейся части этого путешествия, ты будешь моим стражем.

Глаза Терена вспыхивают удивлением и гневом.

— Я не твой слуга, Ваше *Величество*.

— И я не Джульетта, — ответно отстреливаюсь я. — Ты мог бы убить меня на борту корабля, когда ты впервые освободился. Ты мог бы утопить меня в океане. Но ты не сделал этого — и это заставляет меня доверять тебе больше, чем собственному экипажу. Более, чем ясно, что я не могу рассчитывать на всех своих людей, и, к тому же, у нас одна и та же цель.

Так что, оставшуюся часть этой поездки ты будешь моим личным стражем.

Это в наших личных интересах.

Упоминание о Джульетте, как всегда причиняет Терену боль. Он морщится, потом снова возвращается к еде.

— Как вам угодно, Ваше Величество, — отвечает он. — Я полагаю, мы увидим насколько хорошо мы действуем вместе.

Я глубоко вдыхаю.

— Всё скоро произойдёт, — говорю я. — И твой долг перед богами будет оплачен.

Терен отодвигает свою тарелку. Мы обмениваемся долгими взглядами.

Наконец, он поднимается со своего места и сталкивается с Инквизитором. Мужчина тяжело сплывает, когда Терен захватывает из ножен его меч и вытягивает его из-за пояса. Терен поглядывает на Магиано, потом на меня.

— Мне нужно оружие, — бормочет он, поднимая меч в воздух, прежде чем выходит из каюты.

Я понимаю, как сильно напрягало меня его присутствие без цепей, пока он не вышел из каюты; я расслабляю плечи в его отсутствие.

— Я буду присматривать за ним, — говорит Магиано, подойдя ко мне и протягивая свою руку для помощи, когда я поднимаюсь. — Один героический поступок не делает человека заслуживающим доверия. Что, если он решит направить своё лезвие на тебя?

Я следую за Магиано из главной каюты и поворачиваю в коридоре к нашей.

Ты не можешь присматривать за мной всё время, — устало говорю я. — Терен будет лучше, чем просто оставить меня на милость любому другому мятежнику, который может быть на борту.

Магиано сжимает свои губы, но не спорит. Его глаза осматривают моё лицо, задерживаясь на мгновение на моём шраме. Его косички завязаны в толстый беспорядочный пучок на голове, взъерошенные от усталости, и свет фонарей, освещающих коридор, отражается золотым блеском в его глазах.

— Тебе нехорошо сегодня, — тихо говорит он.

Прежде чем я могу возразить, шёпоты снова шипят, борясь с травяным чаем, и я потираю виски в попытке успокоить головную боль.

Магиано берёт мою руку и ведёт меня к моей каюте.

— Пошли, — говорит он.

Я следую за ним к кровати, где я робко присаживаюсь, пока он идёт к письменному столу, зажигает свечи и готовит мне ещё одну кружку чая.

Перед моим иллюминатором эхом проносится через океан странный вопль. Я ещё сижу на постели и слушаю его. Это низкий, протяжный звук, похожий на шёпот призрака на ветру, и, когда я продолжаю вслушиваться, я чувствую, как он исходит прямо из под волн. Моя энергия трепещет от зова, будто в нём есть что-то знакомое, будто он манит. Это звук из Преисподней.

Тени в углах моей каюты, кажется, изгибаются и двигаются, даже когда Магиано сидит в нескольких футах. Должно быть, у меня снова галлюцинации, мои иллюзии выходят из под контроля. Тени становятся яснее, когти и зубы, крошечные пустые глазницы, и когда я смотрю на них, они обостряются, пока их лица не принимают черты людей, которые давно ушли. Они изо всех сил пытаются выползти из тени на лунный свет, что светит на полу. Я вжимаюсь глубже в кровать, стараясь не обращать внимания на посторонний звук, и натягиваю одеяло до подбородка. Я должна найти способ вернуть контроль над потоками своей энергии. Я делаю глубокий вдох и выдох.

Вой снаружи то затихает, то усиливается, затем снова исчезает. Через некоторое время, я почти не слышу его. Тени вжимаются в стены, теряя свои угрожающие формы, селятся в тьму каюты.

— Аделина. — Магиано шепчет.

Я даже не замечаю, как он подходит и садится на край моей кровати. Он протягивает мне кружку. Я с облегчением забираю её у него.

— Ты слышал вой? — спрашиваю я.

Он наклоняется и осторожно вглядывается в иллюминатор, рукой придерживая его рукой за край. Если луны были новыми этой ночью, океан был чёрной массой, отражающей лишь небо, полное звёзд. Сегодня штормовые облака исчезли, вода ясно освещена, и, когда мы смотрим на неё, я вижу волны, поднимаемые плывущей стаей барил.

Я никогда раньше не слышала, когда барилы так стонут, — говорю я, когда они проплывают.

Я слышал это несколько ночей назад, — отвечает Магиано. — Рафаэль сказал, что он тоже их слышал, когда был на борту нашего корабля. Это звук умирающей барилы, отравленной водой.

Его слова закрадываются в моё сердце. Я снова смотрю в иллюминатор, чтобы увидеть

их последнее плавание, пока ничего, кроме треугольной ряби не остаётся за ними следом. *Пусть умирают, говорят шёпоты. Когда всё будет сделано, ты сможешь повернуться к ним спиной. Ко всем.*

Сбеги со своими силами. Ты не можешь их потерять.

Да, я не могу сделать это. Я подожду, пока мы достигнем границы Амандеры и Бельдайна, и начну отплывать на север. Затем Магиано и я сможем вернуться в Кенетру. Я качаю головой, хмурюсь и выпиваю больше травяного напитка. Виолетта бы вернулась со мной? Могла бы я уплыть без неё? Откажусь ли я от других? Я остаюсь неподвижной, сосредоточившись на следующих мыслях этого плана. Я представляю, что плыву обратно в свою страну и возвращаюсь на трон. Я заставляю осчастливить себя этой мысли.

Я представляю Рафаэля и Люценту, которые спасли мою жизнь, затем Терена, кто против всякой веры придерживается того, чтобы делать то, что считает правильным. Магиано смотрит на меня. Его бок прижался к моему, его кожа тёплая и полна жизни.

— Я боюсь, — наконец шепчу я. — Каждый день я просыпаюсь с мыслью, будет ли это мой последний день, когда я проживаю в реальности. — Я смотрю на него. — Прошлой ночью мой кошмар вернулся. Он продолжался дольше, чем когда-либо. Даже сейчас, когда ты стоял так близко, я могла видеть тени в углу. Они тянулись своими когтями ко мне. Даже в этот самый момент, мои иллюзии крепнут, полностью выходя их под контроля. — Я останавливаюсь, когда шёпоты ругают меня за слова, сказанные против них.

Этот мальчишка предаст тебя, как и всех остальных. Он здесь ради мешка золота, который ему дали. Он исчезнет, как только вы доберётесь до земли, уйдёт, чтобы найти лучших спутников.

— Хорошо, что мы собираемся найти способ, чтобы исправить это, — отвечает Магиано, его глаза смотрят на меня.

Его слова звучат так, будто должны поддразнить меня, но его голос серьёзен, его лицо серьёзно.

— Это не будет продолжаться вечно.

Никакой ответ не приходит мне на ум. Через некоторое время, я опускаю свою руку на его.

— Тебе всё ещё больно.

— Просто моя старая рана снова не заживает, — быстро отвечает он. — Моё состояние ухудшается медленней, чем твоё, любовь моя. Я могу терпеть это.

— Позволь мне увидеть её, — тихо шепчу я. — Может быть её надо обернуть.

Сначала Магиано отстраняется, но когда я одариваю его колким взглядом, он вздыхает и отступает. Он немного передвигается, чтобы повернуться ко мне спиной, и тогда он протягивает руку и стягивает через голову рубашку, обнажая торс. Мой взгляд смещается прямо к его массивной метке на боку.

Она растягивается от его спины к стороне его верхней части груди. Я прикусываю губу. Этой ночью она опухла, покраснела и воспалилась от удара мачты.

— Возможно, Рафаэль может взглянуть на неё завтра, — говорю я, хмурясь при виде неё.

Мои мысли возвращаются к священникам из детства Магиано, те, кто создали эту рану, пытаюсь срезать метку на его коже. Изображение заставляет меня раздраженно вскипеть.

— Я в порядке. Не волнуйся.

Я встречаюсь с ним взглядом. Он выглядит уязвимым и уставшим, его зрачки круглые и

тёмные.

— Магиано, я... — я начинаю говорить, но неуверенно останавливаюсь.

Даже после всех наших поцелуев, наших общих встреч в купальне, я никогда не признаюсь в своих чувствах к нему. *Не делай этого, глупая девчонка. Он только использует это против тебя.* Но я решаю зайти дальше.

— Мы можем не вернуться из этой поездки. Никто из нас. Мы можем все покончить с жизнью, когда дойдём до конца, и я не знаю, сможет ли наша жертва что-то изменить к лучшему.

— Всё станет лучше, — отвечает Магиано. — Мы не можем просто умереть, не попытавшись. Не поборовшись за это.

— Ты действительно веришь в это? — спрашиваю я. — Почему мы делаем это? Чтобы сохранить мою жизнь и наши жизни, но, что этот мир сделал для нас, чтобы заслужить нашу жертву?

Брови Магиано на мгновение вздымаются, и он наклоняется ближе.

— Мы существуем, потому что существует этот мир. Это наша ответственность, будет или не будет кто-либо вспоминать об этом. — Он кивает мне. — И они будут вспоминать. Потому что мы вернёмся и убедимся в этом.

Теперь он достаточно близко, и я чувствую его дыхание на моих губах.

— В тебе так много света, — говорю я после молчания. — Ты соответствуешь радости, а я страху и ярости. Если бы ты мог читать мои мысли, ты бы, конечно, отвернулся. Так почему бы тебе не остаться со мной, даже если мы вернёмся в Кенетру и продолжим жить?

— Ты выставляешь меня святым, — ропочет он. — Но я связался с жадностью исключительно для того, чтобы предотвратить это.

Даже сейчас он может заставить мои губы искривиться в улыбке.

— Я серьёзно, Магиано.

— Как и я. Никто из нас не святой. Я видел твою тьму, и я знаю о твоей борьбе. Не буду это отрицать.

Он касается моего подбородка рукой. Из-за этого жеста шёпоты, кажется, успокаиваются, отбрасываясь туда, откуда я не могу их слышать.

— Но ты так же страстна, амбициозна и преданна. Ты — это тысяча вещей, моя Аделинетта, а не только одна. Не принижай себя в этом.

Я смотрю вниз, не зная, как себя чувствовать.

— Никто из нас не святой, — повторяет Магиано. — Мы можем сделать всё лучше.

Мы можем сделать всё лучше. Я склоняюсь к нему. Каждая кость в моём теле жаждет держать этого парня в безопасности, всегда.

— Магиано... — Я начинаю говорить. — Я не хочу покидать этот мир, никогда не побыв с тобой.

Магиано моргает один раз. Он ищет что-то в моём лице, словно пытается понять истинный смысл моих слов.

— Я с тобой прямо сейчас, — шепчет он.

— Нет, — тихо говорю я, приблизив свои губы к его губам. — Ещё нет.

Магиано улыбается. Он ничего не говорит. Вместо этого, он наклоняется вперед и разрывает расстояние между нами, прижимая свои губы к моим. Свет в его энергии заливает меня изнутри, сгоняя прочь все тёмные тени и заменяя их теплотой. Я едва могу дышать. Я ахаю, когда он дотрагивается до моей спины и крепче прижимает к себе. Его движение

заставляет меня потерять равновесие, и я падаю назад на постель, затягивая его с собой. Магиано падает на меня сверху. Его поцелуй продолжается. Его пальцы подёргивают за ниточки на моём лифе, и они развязываются. Он тянет его вверх над моей головой и отшвыривает к подножию кровати. Моя голая кожа касается его, и я осознаю, что дрожу.

Магиано замирает на мгновение, чтобы взглянуть на меня, найти признак моих эмоций. Я изучаю его лицо в темноте.

— Останься со мной, — шепчу я. — Этой ночью. Пожалуйста.

Слова, сказанные вслух, вдруг пугают меня, и я отстраняюсь, раздумывая, должна ли была открыть себя ему вот так. Но мысль о сне в одиночестве, в окружении иллюзий, слишком сильно пугает.

Он трогает мои волосы одной рукой, откидывая пряди, и смотрит на левую сторону моего лица. Он нежно целует шрам. Его губы касаются моего лба, затем рта. А затем, будто он понимает меня лучше, чем кто-либо другой в мире, он шепчет:

— Эта ночь будет чуть менее тёмной.

Аделина Амутеру

В ту ночь он мечтал о месте, полном столбов, серебристо-белых, достигающих неба. И этим утром его вражеские солдаты прорвались через внутренние ворота.

— *Выписка из «Реквием Богов», том XVII, перевод Чевалле.*

* * *

После всего произошедшего, шёпоты скрываются в моём сознании. Моя энергия очень спокойна. Меня не мучают ночные кошмары. Когда бледный свет рассвета проникает в мою каюту через иллюминатор, я почти представляю последнюю ночь, ставшей не более чем иллюзией... но Магиано всё ещё здесь рядом, его мягкая загорелая кожа прижимается к моей, его дыхание мягкое и ритмичное во сне.

Я тянусь к нему, на моих губах играет искренняя улыбка. Воздух холодный, и я жалею, что не смогу остаться навечно под этими толстыми одеялами.

Всё ещё продолжают мелькать воспоминания прошлой ночи: горячее дыхание Магиано на моей коже, его шёпот, твердящий моё имя, его резкие вздохи. Когда я впервые встретила его тем вечером в Меррутасе, он казался загадочной, непобедимой фигурой, диким парнем с беспорядочно взъерошенными волосами и лёгкой живой улыбкой. Сейчас он кажется спокойным. Уязвимым. Его пальцы переплетены с моими, крепко сжимая их даже во сне. Я рассматриваю его длинные ресницы. На мгновение, я представляю, что он видел в воспоминаниях, обнаруженных Рафаэлем во время тестирования.

Каждый день мы направляемся всё дальше на север. Каждый день воздух становится холоднее. Вскоре, мне придется надевать более тяжёлый плащ и прочные ботинки всякий раз, когда я выхожу на палубу. Магиано, кажется, неудобно в этом холодном климате. Его кровь более жидкая, а его происхождение из Солнечных Земель отражается в его глубоко хмуром виде.

Сегодня утром, когда мы видим первые намёки на землю на горизонте, он присоединяется ко мне на палубе с двумя плащами, плотно обёрнутыми вокруг его шеи. Его рука касается моей.

— Почему место происхождения Элиты не может быть в тропическом раю? — жалуется он.

Даже сейчас, глядя на этот мрачный, тёмный океан, я улыбаюсь от его слов. Он делил каюту со мной каждую ночь после того, как мы впервые сблизились, и в результате шёпоты стали тише в течение последних нескольких недель. Но теперь же, когда мы приближаемся к Небесным Землям, голоса вернулись с двойной силой.

— По крайней мере, сегодня мы должны достигнуть Бельдайна. Я буду рада наконец оказаться на твёрдой земле.

Магиано хмыкает. Интересно, у какого бедного солдата он украл второй плащ.

— Маленькие победы, — соглашается он.

Рядом стоит Терен, который без единого слова наблюдает за приближающейся землёй. Он не доставил нам никаких проблем в течении недель, проведённых без цепей, и, верный своему предназначению, он оставался рядом со мной, а его рука всегда была на рукояти его меча.

Новые белые повязки вокруг его запястий снова красные. Его раны плохо восстанавливаются.

Шум голосов позади меня привлекает моё внимание. Виолетта тихо разговаривает с Рафаэлем, сидя на кучках груза и указывая на полосу земли, растущую на наших глазах. Я смотрю на них через плечо. Рафаэль присоединился к нам вскоре после того, как меня выбросило за борт, и был с нами с тех самых пор. Виолетта постепенно стала более расслабленной рядом со мной с той ночи, но она всё ещё держится на расстоянии и больше доверяет Рафаэлю, чем мне. Она тяжело опирается на него и дрожит; её губы сухие и потрескавшиеся. Голос её слабее, чем был, а щёки впали от плохого аппетита. Эта картина будоражит мою энергию, мрачно вздымающуюся не от гнева, а от печали.

Мне бы хотелось, чтобы это была я, чтобы она обращалась ко мне за утешением.

— Ты сказал, что Бельдайн встретится с нами здесь со своим войском, — говорю я Рафаэлю. — Я не вижу бельдийских флагов ни на одном из кораблей на горизонте.

Я останавливаюсь, чтобы кивнуть в сторону ближайшего порта.

— Есть какие-либо вести от королевы Мэв?

— Она будет здесь, — отвечает Рафаэль.

Как и Магиано, он выглядит мрачно, и натягивает свой тяжёлый плащ. Ему не посчастливилось насладиться неделями в Бельдаине в последний раз, когда он бежал сюда.

— Но нам нужно быстрее уйти из этого города.

— Какой это из городов?

— Лэйда, один из самых густонаселённых городов Амандеры. — Рафаэль собирает свои густые чёрные волосы через одно плечо. — Ходят слухи, что у Саккористов здесь база и они могут ждать вас.

Я с горечью улыбаюсь ему, а затем плету иллюзию его лица вокруг своего.

Выражение на лице Рафаэля на мгновение дергается, прежде чем обращается в привычное его спокойствие.

— Им будет трудно найти меня, — отвечаю я. Рафаэль отвечает мне натянутой улыбкой.

— Не стоит недооценивать своих врагов, Ваше Величество, — говорит он.

Я поднимаю бровь. Когда мой гнев нарастает, пробуждаются шёпоты. *Ты знаешь об этом лучше, чем кто-либо другой, не так ли?*

— Это угроза, Рафаэль?

Мои слова вызывают тишину между нами. Рафаэль качает головой, затем одаривает серьёзным взглядом.

— Вы ищите конфликты в неправильных местах, Ваше Величество, — отвечает он.

Я не отвечаю. Вместо этого я возвращаюсь к морю и пытаюсь контролировать свои эмоции. Рядом со мной Магиано прижимает свою руку к моей руке. Он, кажется, говорит. Но даже он не может всегда сдерживать шёпоты в страхе.

Возможно, мне становится хуже, как и Виолетте.

Порт переполнен кораблями из каждого города и нации, а их флаги образуют радугу цветов в бухте, отражающуюся в водах. Наши флаги скрыты под иллюзией, имитирующей

амадерский герб, и, к моему облегчению, никто, кажется, не обращает на нас внимания. Когда два наших корабля причаливают, я глубоко вдыхаю и оглядываю шумные причалы. В воздухе нависают запах морской соли, крови и рыбы. Над нами пересекают небо чайки, ныряя за потрохами, выброшенными в воду. Группа мужчин с бородами несут то, что кажется острыми молотками, качающимися на спине, и петлями верёвок на плечах. Женщины в меховых шкурах и грубых юбках толпятся вдоль многочисленных пирсов, готовя тушеные блюда на небольших кострах. Они держат чаши в одной руке и одно амадерское серебро в другой, крича на странном языке, который я не могу понять. Люди здесь большие и крепкие, настолько бледные, что на их коже выделяются веснушки. С ними полностью сливается только Люцента, Терен же выглядит немного похожим своими бледными глазами и светлыми волосами. Несмотря на то, что мои Инквизиторы и компаньоны не одеты в кенетерианские шелка, мы привлекаем к себе несколько взглядов своими более стройными фигурами и темноватым цветом лица.

Ты на вражеской земле, шёпоты напоминают мне. Ты помнишь рассказы о гражданских войнах Амадеры? Когда Аристанцы победили Саланов, они забрали с собой всё: свои драгоценности; свою честь; и детей, часто вытаскивая их прямо из матки. Что они сделают с тобой, когда узнают, кто ты?

Рафэль утверждает, что Мэв встретит нас здесь, но до сих пор нет ни единого признака ни самой королевы Бельдайна, ни её людей. Когда мы выгружаем некоторые наши принадлежности на ожидающих лошадей, я постепенно переплетаю различия в моём внешнем виде, осветляя кожу, усеивая переносицу веснушками, завивая волосы и скрывая мой шрам. То, что я нагрубила Рафаэлю, не значит, что я не принимаю его слова. Если Саккористы здесь, то они найдут способ отыскать нас в городе. Когда я заканчиваю с собой, я работаю над изменением внешности Магиано, Рафаэля и Виолетты.

— Оставь остальных, — тихо говорит Магиано, когда мы готовимся покинуть причал.

Он невесомо указывает туда, где нас ждут наши Инквизиторы и тамуранские солдаты.

— Мы пойдём отсюда, чтобы найти королеву Мэв.

Он прав, конечно: патруль солдат, следующих за нами, привлечёт слишком много внимания, даже в шумном портовом городе. Я киваю, выражая своё согласие.

— Мы идём одни, — отвечаю я.

Но когда мы движемся вперёд с Кинжалами, я чувствую, что боюсь открытого пространства за спиной. Шёпоты только подкармливают мою паранойю, посылая силуэты, мелькающие в толпах. *За тобой тут охотятся, маленький волчонок. Какого это, быть добычей?* Только осознание того, что Терен идёт рядом со мной, напоминает мне, что он, по крайней мере, готов меня защищать. Магиано тоже рядом.

Я сжимаю зубы и слеую за Рафаэлем. Пускай приходят. Я перерезала глотки раньше, и я могу сделать это снова.

Виолетта слишком слаба, чтобы долго ходить, поэтому первая остановка, которую мы делаем — покупка ей лошади. Она ложится на её спину и прикрывает глаза. Я осветляю её волосы, пока иллюзия не выглядит красной. Теперь её вид ещё болезненней, настолько, что её кожа бледна, как и у людей Небесных Земель. Она не шевелится, когда мы проникаем в город.

Магиано внюхивается в воздух, когда мы проходим высокие здания из известняка, их крошечные окна прикрывы шторами.

— Ты чувствуешь этот запах? — говорит он.

Чувствую. Запах приготовленных яиц, чего-то острого и кислого, как растёртое растение, которое я когда-то ела в портах в Далии, в Кенетре. Мой желудок урчит. Внезапно я устаю от недель поедания сушеного мяса и чёрствого хлеба на борту корабля.

— Пахнет завтраком, — отвечаю я, поворачиваясь в сторону ароматов. — Чем-то, что пригодилось бы нам немного больше.

Магиано улыбается мне. Когда он это делает, его лицо внезапно превращается в другое — это мой отец, тёмный и ухмыляющийся, суровые линии его морщин глубокие и заметные. Я задыхаюсь, затем отворачиваюсь и закрываю глаза. *Не сейчас*, я ругаюсь, когда моя энергия вспыхивает от страха. Я не могу потерять контроль над своими иллюзиями в центре этой переполненной улицы.

— С тобой всё в порядке? — шепчет Магиано.

Когда я набираюсь смелости, чтобы взглянуть на него, он снова становится собой. Моё сердце слабо бьется в груди. Я распрямляю плечи и пытаюсь забыть образы.

— Не волнуйся, — говорю я. — Мне просто нетерпится встретить Бельдайн.

Рядом хмурится Виолетта, но она ничего не говорит. Рафаэль замедляется, чтобы идти рядом со мной. Он кивает в сторону, где, в конце концов, заканчивается город.

— Твои иллюзии, — говорит он. — Наша маскировка. Это изматывает тебя, не так ли?

Энергия в моей груди напрягается, когда мы продолжаем двигаться по городу. Хотелось бы, чтобы здесь было не так много людей; постоянное движение, цвета и формы затрудняют мне держать иллюзии на себе и других.

— Всё будет в порядке, — бормочу я Рафаэлю.

— Мы достаточно близко к месту происхождения, и я чувствую его лёгкую тягу. Помни, всё связано. — Он качает головой и хмурится. — Его энергия будет беспокоить всех нас. Будьте осторожны.

Только теперь я вижу, что в лице Рафаэля есть определённая напряжённость, будто наше путешествие истощило его. Я оглядываюсь вокруг, задаваясь вопросом, кто ещё ощущает последствия. Магиано, кажется, выглядит хорошо, кроме его поникшего настроения; лицо Виолетты выглядит изнурённым, а Люцента нехарактерно себе молчалива.

Когда мы идём, я продолжаю мерцать кусочками иллюзий. Небо, кажется, темнеет и тяжело нависает над городом. Меченые лица появляются и исчезают в узких переулках, которые мы проходим; мерцает блеск серебра, который напоминает мне о том, как однажды выглядели Кинжалы. Шепоты шевелятся, появляясь в углах улиц и под тенью навесов.

Почему бы тебе не прекратить это путешествие, Аделина? говорят шёпоты. *Вернись в Кенетру. Вернись и правь своей империей.*

Я отворачиваюсь и стараюсь сосредоточиться на себе. *Прекрасная идея.* Я отбрасываю эту мысль. Мы все устали, и чем скорее мы сможем хорошо отдохнуть, тем сильнее мы будем чувствовать себя утром. Возможно, Мэв встретится с нами к тому времени.

Но что, если она не встретит нас? Что, если вместо этого она отправит войска на нас? Что, если она вообще не заинтересованна в том, чтобы присоединиться к нам в этой поездке? Рафаэль должен добросовестно верить, что она придёт, потому что любит Люценту, но на этом всё. Я смотрю на Люценту, молча идущую в тишине. Что, если таким образом Мэв пытается отомстить за то, что я сделала с её военно-морским флотом — уйти, сделать всё бесполезным?

Это то, что я сделала бы, если бы была ею. Так почему же она не хочет это сделать?

Мы сворачиваем на главную дорогу и спускаемся по узкой тропе с ступенями,

направляясь по склону холма к таверне. Когда мы проходим мимо маленькой аллеи, лица появляются и исчезают. Рядом со мной хмурится Магиано, застывает и вытягивают шею к аллее.

— Ты что-то увидел? — спрашиваю я.

Магиано кивает, его глаза всё ещё всматриваются в аллею, которую мы прошли.

— Вспышка серебра, — говорит он через мгновение. — Как маска.

Он встречается с моим взглядом. Мой желудок сжимается.

Это была не просто иллюзия моего творения.

Внезапно Рафаэль останавливается. Впереди нас стоят несколько человек, которые преграждают нам путь. Несмотря на то, что мои иллюзии остаются на месте, они, похоже, признали в нас чужеземцев. Их лидер выходит из толпы. Этот человек не выглядит как житель Небесных Земель: его кожа светло-коричневая, а глаза глубокие и тёмные. Он поднимает нож в одной руке.

— Итак, — говорит он. — Иностранная толпа проходит нашу территорию.

Шёпоты становятся громче в моей голове, возрастают.

— Нам не нужны проблемы, сэр, — осмеливаюсь сказать я, поддерживая подбородок и спокойный голос, работая над тем, чтобы сохранить иллюзии, которые я соткала на наших лицах. Мужчина кивает мне.

— Откуда вы?

Убей его. Это было так давно. Это будет так просто. Голоса убедительны. Я могла бы сейчас его обмануть, заставить его поверить, что я вырываю его сердце из груди. Но я не могу позволить себе сделать это здесь, не зная, есть ли их больше за узкой улицей. Не с больной Виолеттой.

Магиано спасает меня от ответа, сверкая мужчине улыбкой, полной белых зубов.

— Из гораздо более дружелюбного места, чем этот город, могу вам сказать, — говорит он. — Вы приветствуете всех иностранцев, проводя их через ножи?

Это может отнять слишком много вашего времени.

Хмурость мужчины углубляется, даже когда он смотрит на нас с сомнением. Рафаэль присоединяется к Магиано, становясь рядом с ним.

— У нас есть друг, который очень болен, — говорит он, кивая на Виолетту. — Можете ли вы сказать нам, где найти ближайшую гостиницу?

Мужчина молчит. Больше его людей появляются позади нас, люди, которых я принимала за торговцев рыбой и прохожих, собрались на ступеньках, преграждая путь, по которому мы пришли. В воздухе витает страх, резкий и тёмный, зовущий меня, и мой голод призывает их, я хватаюсь за нити, обёрнутые вокруг нас и переплетаю. Моя иллюзия над моей внешностью мерцает всего на мгновение.

Мужчина переводит свои глаза на меня.

— Они сказали, что ты замаскировалась, Белая Волчица. Мы знаем, что ты королева Аделина из Кенетры.

Я моргаю, наигранно удивляясь.

— Что? — отвечаю я, удивляясь своему голосу. — Мы из Дюмора...

Мужчина со смехом перебивает меня.

— Дюмор, — повторяет он. — Ты об одном из своих марионеточных государств?

Магиано вытягивает два своих оружия. Его зрачки вытягиваются в острые щёлки, и его тело напрягается. Рядом с Рафаэлем высоко стоит Терен с наполовину вытянутым из ножен

мечом, готовый двигаться. Впервые за всё время я благодарна ему за то, что он с нами.

Нет смысла затягивать с этим. С меня довольно.

— Дайте нам пройти, — говорю я, подталкивая себя вперёд.

Мой гнев начинает расти, и эта энергия становится моей защитой.

— И мы пощадим жизни ваших людей.

Группа возбуждается. Лидер вытягивает второй нож из-за пояса. Под его храбрым внешним видом я ощущаю прилив ужаса и страха. Он боится умереть сегодня.

— За Морские Земли, — шепчет он. — За Солнечные Земли.

Затем он кивает, и его люди бросаются на нас с обеих сторон.

Магиано движется так быстро, что я едва вижу, как он вступает в драку. Его кинжалы вспыхивают на свету серебряным светом. Впереди нас с оглушенным гневом Терен нападает на двух из первых людей, он выплёскивает на них свою накопившуюся ярость. Он с лёгкостью перерезает их.

— Шевелись! — Рафаэль подталкивает нас.

Мы бросаемся вперёд, когда Терен открывает нам путь. Но узкая улица продолжает заполняться людьми, заставляя нас снова остановиться.

Сколько их здесь? Они, должно быть, ждали нашего прибытия месяцами.

Посреди хаоса возвышается лошадь Виолетты, испуская ржание и сбрасывая её со спины. Люцента ловит её, едва успев направить к ней занавес ветра. Виолетта падает на ступени, и я инстинктивно притягиваю её к себе и прижимаю к стене. Теперь она проснулась, её тело дрожит, как осиновый лист.

Один из мужчин бросается на неё, но Люцента ударяет мечом, разрезая живот другого мужчины. Впереди Терен прокладывает нам путь, продвигаясь вперёд. Лезвия ударяют его, перерезая плоть, но он, кажется, не обращает внимания на свои раны; его тело медленно и тщательно пытается исцелить себя при каждой атаке. Теперь это ещё яснее, чем прежде — он исцеляется заметно медленнее, чем я помню. За нами Магиано вскакивает на стену здания и крутится в воздухе, резко ударяя одного человека в горло, а другого в грудь. Запах крови и страха наполняет мои ощущения, и я чувствую голоса, питающиеся тьмой, становящиеся всё громче с каждым мгновением усиливая меня, даже когда они выводят меня из под контроля. Я поддаюсь вперёд, пытаюсь предотвратить прилив иллюзий. Улыбки нападающих становятся скелетными, а их фигуры чудовищными. Их руки тянутся к нам, как когти, словно они — мёртвые деревья в лесу; внезапно я борюсь с их хваткой, пытаюсь дышать. *Продолжай двигаться. Это всё не реальное.* Я повторяю себе это снова и снова. Терен продолжает прорываться вперёд, ведя нас за собой, а за нами Магиано удерживает остальных нападающих. Я стараюсь сосредоточиться на них. Мы должны найти выход с этой улицы.

Затем, впереди нас спотыкается Рафаэль. Он морщится от боли и падает на колени. Люцента бросается к нему. Когда я смотрю на неё, она хватается за его руки, пытаюсь помочь ему встать на ноги.

Он покрыт страхом, и моя энергия мечется к нему. Я оглядываюсь вокруг нас. Здесь слишком много хаоса, чтобы я могла заставить всех нас исчезнуть за занавесой невидимости, и я хочу сохранить свою силу, но вижу, что двое из нападавших уже заметили обессиленного Рафаэля. Если я не скрою его сейчас, он не сможет выжить в этом бою.

Я фокусирую свою энергию на Рафаэле. Затем накидываю на него пелену невидимости. Он исчезает. Я кидаюсь к нему и Люценте, когда вокруг нас вспыхивают лезвия. Добегая к

ним я сгребая одну из рук Рафаэля, кладя её на своё плечо, и помогаю ему подняться. Магиано смотрит в нашу сторону, продолжая бороться с атакующими.

Через несколько шагов впереди Терен внезапно отпрыгивает от нахлынувшей толпы нападающих. Одному из них удаётся проскользнуть через Терена. Мы невидимы, но несмотря на то, что атакующий не видит нас, он проводит дугой клинком почти рядом с нами. Требуется всего мгновение, чтобы взглянуть на его серебряную маску.

С крыши со свистом летит стрела. Она ударяет атакующего нас человека прямо в горло. Он ошеломлённо замирает во время своих движений, бросает клинок и хватается за шею. Он падает на ступени, когда я замечаю его.

Ещё больше стрел с крыш прорезает воздух. Каждая из них находит свою цель. Я осматриваю крыши, замечая размытое пятно доспехов. За нами Магиано заливается смехом: он вскакивает на один из знаков, свисающих с двери, и разворачивается, ранив кинжалом нападающих.

Когда я снова смотрю на крыши, то замечаю ещё одну высокую фигуру девушки с высоко сплетёнными на голове косами, одна половина её локонов чёрная, а другая белая. Она сидит, опираясь одним локтем о колено. Тетива на её луке натянута, и она направляет его в сторону атакующих людей. Она выпускает стрелу.

Королева Бельдайна, наконец, прибыла.

Больше и больше её солдатов появляется на крышах. Саккористы теперь узнают герб её людей, начиная теряться в сомнениях. Несколько из стражей Мэв появляются в конце улицы. Их вид становится последней каплей для Саккористов. Кто-то выкрикивает приказ отступить, и оставшиеся нападающие немедленно разбегаются, бросая своё оружие. Терен продолжает сражаться, но битва уже окончена. Атакующие теряются так же быстро, как они и появились, пока всё, что осталось на улице не падает.

Я сбрасываю со всех нас иллюзии. Моя сила покидает меня, и теперь я чувствую насколько тяжело тело Рафаэля. Магиано торопится в нашу сторону и забирает обессиленное тело Рафаэля на руки. Моё внимание переключается на Виолетту. Она всё ещё сидит у стены, где я её оставила, согнувшись плотным калачиком, и выглядит так, словно пытается сдерживать себя в сознании. Я подхожу к ней и протягиваю руку.

Виолетта поворачивается ко мне лицом. Немного сохраняющегося страха и расстояния в её глазах, которые были на протяжении того времени, когда мы были вместе, исчезают; их заменяет тот знакомый проблеск. Тот свет, который я помню ещё со времён, когда она была на моей стороне, в Меррутасе, когда мы были у друг друга единственным, в чём когда-либо нуждались в мире.

Шёпоты всё ещё витают в воздухе вокруг меня, но я отказываюсь их слушать, отталкивая в сторону. Виолетта берёт меня за руку, и я помогаю ей встать. Она клонится ко мне, едва способная стоять на своих ногах.

— Терен, — говорю я, когда он уже движется в нашу сторону.

Его одежда изорвана, а на доспехах мелькают пятна крови, но в целом он выглядит невредимым. Он одаривает Виолетту холодным взглядом, а затем безоговорочно поднимает её на спину без всяких слов.

— У нас есть лагерь, — говорит нам Мэв с крыши.

Её глаза окантованы чёрным порошком, а на щеках тянется полоса золотой военной краски.

— Вы все выглядите так, словно вам нужно отдохнуть.

Я вижу Мэв, ищущую меня в толпе, и, когда наши глаза встречаются, мы долго смотрим друг на друга. Я напрягаюсь: в воздухе вокруг неё витает атмосфера неопределённости в моём присутствии. Думаю, что в последний раз мы смотрели друг на друга, когда она наблюдала, как я призываю силу Энцо уничтожить разрушительную мощь её флота. Даже сейчас я могу представить, как огонь ревёт вокруг нас.

Она выпрямляется и кивает в сторону окраины города.

— Мои люди приведут нас туда.

Затем она исчезает с края крыши.

Аделина Амутеру

Трагедия следует за тем, кто не может принять свою истинную судьбу.
— *Преступление и Наказание Воссоединённой Амандеры, Файнес де Марта.*

* * *

Королева Мэв похудела с нашей последней встречи, её лицо стало мрачнее после всех этих нескольких месяцев. Элита, что связана со смертью. Учитывая мою усталость, впалые щеки и напряжённый взгляд, мне кажется, она думает обо мне то же самое каждый раз, когда смотрит на меня. Она и ее батальон отправились за Горы Карра — изогнутая цепь давно потухших вулканов, которая разделяет Бельдайн от Амандеры — и создали лагерь палаток из овчины, здесь, на окраине Лайды, где заканчивается человеческая природа, и горизонт полностью обрамляют покрытые льдом вершины гор. Фонари освещают снег, который лежит между палатками лагеря. Ветер стал холодным и суровым, он прорывается прямо через мое снаряжение для верховой езды. Когда вечер омывает унылый пейзаж в синих и фиолетовых оттенках, бельдийская королева проходит через лужи талого снега из своей палатки к нам, окруженная своими солдатами.

Интересно, что она пережила с того времени, когда мы столкнулись друг с другом в морях, и в каком состоянии может быть сейчас её военно морской флот. Часть меня просчитывает, стоит ли в будущем вторгаться в Бельдайн или нет. Не сомневаюсь, что она хочет сделать тоже самое с Кенетрой, но мы обе лишь прикусываем языки, когда Мэв приближается.

Она одаривает меня кивком, приветствуя.

— Мы отбываем на рассвете, — говорит она мне. — Если твоя сестра не проснется к тому времени, несите её.

Я ответно киваю ей, хотя мои шёпоты шипят на меня за это. Это самое близкое к тому, чтобы мы пришли хотя бы к формальной вежливости.

— Мы будем готовы.

Мэв проходит мимо меня, оставляя мои слова без внимания. Я поворачиваюсь и смотрю на то, как она скрывается внутри нашей палатки.

Покажи ей, на что ты способна, и тогда она проявит своё уважение.

Королева Бельдайна и я сейчас, может и быть, вынужденные союзники, но после этого мы снова примем свои стороны, и вернемся во враждующие государства.

Позади ее солдат идет Магиано. Когда он видит меня, он снимает свой плащ и накидывает его на мой плечи. Я расслабляюсь, когда он перекрывает собой жалящий ветер; затяжное тепло, исходящее от Магиано, оказывает на мое тело успокаивающий эффект.

— Я не могу уговорить его войти в палатку, — говорит он, указывая через плечо, когда на его косы падают хлопья ледяных кристалликов.

Недалеко от палатки, где земля теряется в черноте гор, я вижу одинокую фигуру со

светлыми волосами, приклонившую колени на ветру; его голова опущена в молитве. Терен.

Я кладу руку на плечо Магиано.

— Пусть остается, — отвечаю я. — Он будет говорить с богами, пока чувствует утешение.

Но мой взгляд задерживается на Терене на минуту дольше. Он, как и Рафаэль, чувствует ли теперь притяжение источника происхождения Элиты, зовущего откуда-то из глубины гор? Теперь я чувствую пульсацию в глубине своего сознания, узелок сил и энергии, лежащие где-то за пределами того, что я могу видеть.

Магиано раздраженно вздыхает.

— Я сказал людям Мэв присмотреть за ним, — говорит он. — Не будем проходить весь этот путь, только чтобы потерять его из-за обморожения.

Затем он разворачивается и идет рядом со мной, когда мы возвращаемся обратно в палатку.

Внутри неё тепло. Люцента сидит в одном углу, морщась, когда обматывает свои руки горячей тканью. Она снова травмировала свое запястье во время боя; когда она замечает, что я наблюдаю, она быстро отводит свой взгляд прочь. Неподалеку со стула поднимается Рафаэль и склоняет голову в сторону Мэв. Она стоит возле входа в палатку, её тело подсознательно поворачивается к Люценте, её глаза останавливаются на кровати Виолетты.

Даже в свете фонаря, Виолетта по-прежнему выглядит мертвенно-бледной. Её веки дрожат всё время, будто она находится в кошмарном сне, а её лоб блестит покрывшимся потом. Её темные локоны волос разбросаны по плащу, подложенному под голову.

— Снег приходит с севера, — говорит Мэв, нарушая тишину. — Чем дольше мы остаемся здесь, тем больше рискуем, что нам перекроет дорогу. Снежные Разрушители уже направились к горным цепям.

— Снежные Разрушители? — спрашивает Магиано.

— Люди, которые отправляются к снежным покровам. Они разрушают снег на мелкие, контролируемые обвалы, чтобы предотвратить более крупные. Вы, возможно, видели их в городе с пешнями для льда. — Мэв кивает в сторону Рафаэля. — Посланник.

При упоминании его имени, её каменное лицо смягчается. Я удивляюсь, чувствуя укол зависти, от того, что Рафаэль так может расположить других к себе.

— Сейчас с тобой все в порядке?

— Лучше, — отвечает Рафаэль.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Мы видели, как ты замер, ты рухнул на колени.

Глаза Рафаэля, цвета драгоценных камней, ловят свет, поблескивая дюжиной различных оттенков зеленого и золотого.

— Энергия вокруг меня была ошеломляющей, — объясняет он. — Мир стал расплываться. Я не мог думать, я не мог дышать.

Его переполняли чувства. Сила Рафаэля заключается в том, что он ощущает каждый поток в этом мире, все, что связано с чем-то еще. То, что он почувствовал, может быть проявлением того, как ухудшаются силы Рафаэля, эквиваленты моим спонтанным, выходящим из-под контроля, иллюзиям, скрытым меткам Виолетты и разрушающимся костям Люценты.

Если мы не справимся с нашей миссией, его сила станет его гибелью, как и у всех нас.

Могу сказать по выражению лица Рафаэля, что его охватывают те же мысли, что и меня,

но он просто одаривает Мэв усталой улыбкой.

— Не волнуйтесь. Я в порядке, вполне.

— Видимо, вы наткнулись на нашу странствующую компанию как раз в нужное время, — говорит Магиано Мэв.

В тишине, которая за этим следует, Люцента поднимается на ноги, морщась, когда направляется к пологу палатки.

— Мы все должны немного отдохнуть, позже, — бормочет она.

Она замедляется, когда проходит рядом с Мэв. Мелькающее выражение — что-то одинокое и тоскливое — пересекает ее лицо до того, как Мэв смогла бы отреагировать; Люцента отступает от палатки и исчезает.

Мэв наблюдает за её уходом, затем следует за ней. Её солдаты уходят с её пути.

Рафаэль встречается со мной взглядом и садится обратно на свой стул.

— Ваша сестра слабеет, — говорит он. — Наша близость к источнику падения Лаэтеса усилила нашу связь с богами, и это опустошает наши тела. Она не продержится ещё дольше.

Я смотрю на лицо Виолетты. Она хмурит брови, будто знает о моем присутствии рядом с ней, и я думаю о том, когда мы однажды лежали рядышком на похожей кровати, сраженные Кровавой Лихорадкой. Так или иначе, она никогда нас не покинет.

Я мельком смотрю на Магиано, затем на Рафаэля.

— Дайте мне побыть с ней немного, — говорю я.

Я благодарна Магиано за молчание. Он сжимает мою руку, затем поворачивается и выходит из палатки.

Рафаэль смотрит на меня, на его лице отражается сомнение. *Он не доверяет тебе оставаться с ней наедине. Это то, что ты внушаешь, маленький волчонок, облако подозрений.* Возможно, именно это, или, возможно, чувство вины, какие-то вялые отсветы сожаления за всё, что произошло между нами, всё, чего можно было избежать. Что бы это ни значило, оно исчезает в следующем вдохе. Он затягивает застежку плаща и прячет руки в рукава, затем движется в сторону палатки. Прежде чем выйти, он поворачивается ко мне.

— Дай себе отдохнуть, — говорит он. — Тебе будет это нужно, моя Аделинетта.

Моя Аделинетта.

Дыхание перехватывает; шепоты все еще продолжают. В памяти вспыхивает воспоминание, несется ко мне, чистое и ясное, как кристалл. В полдень, давным-давно, когда я сидела с ним у канала Эстенции и слушала его пение. С воспоминанием накатывает и прилив смутной радости, сопровождаемой невыносимой печалью. Я и не представляла, как много потеряла в тот день. Я хочу попросить его остановиться, но он уже ушел. Его голос, кажется, задерживается в воздухе, слова, которые я не слышала от него годами. и где-то, глубоко в моей груди, волнуется присутствие давно погребенной девушки.

На кровати Виолетта издает тихий стон и движется, пробивая этим суматоху моих мыслей. Я склоняюсь ближе к ней. Она делает глубокий, скрипучий вздох, а затем широко раскрывает глаза.

Я держу руку Виолетты, сплетая с ней пальцы. Ее кожа обжигающая на ощупь, потемневшая от перекрывающих друг друга меток, и через неё я чувствую наши кровные узы, укрепляющиеся нашими силами Элиты. Её глаза растерянно исследую комнату, а потом она разглядывает мое лицо.

— Аделина, — шепчет она.

— Я здесь. — я начинаю отвечать, но она перебивает меня и закрывает глаза.

— Ты совершаешь ошибку, Аделина, — говорит она, её голова поворачивается в сторону.

Я моргаю, пытаюсь понять, что это значит, пока не понимаю, что она разговаривает в лихорадочном состоянии, и, возможно, даже не осознает, где находится.

— Я хочу вернуться, — шепчет она. — Но твои Инквизиторы. они повсюду ищут меня. Они обнажили мечи. Я думала, что ты могла приказать им убить, когда они найдут меня. — Её голос ломается от сухости, он хриплый и слабый. — Я хочу помочь тебе. Ты совершаешь ошибку, Аделина. — Она вздыхает. — Я тоже совершила ошибку.

Теперь я понимаю. Она рассказывает мне, что произошло после того, как она сбежала из дворца, после того, как мои иллюзии переполняли меня, и она отвернулась от меня; после того, как я *отвернулась от неё*. В горле встает ком. Я сажусь на место Рафаэля, затем снова наклоняюсь к ней.

— Я приказала своим солдатам вернуть тебя, — шепчу я. — Целой и невредимой. Я искала тебя неделями, но ты уже оставила меня.

Дыхание Виолетты звучит медленно и неровно.

— С первыми лучами, возьми корабль, направляющийся в Тамуранию, — шепчет она.

Её рука сжимается вокруг моей.

— Почему ты ушла к Кинжалам? — Теперь мой голос резче, и мои иллюзии искрят, рисуя вокруг меня сцены дней после того, как Виолетта ушла с моей стороны. Как я сидела на своем троне, схватившись за голову, отказываясь от подносов с едой, принесенных слугами. Как я создавала черноту над небом Кенетры, блокируя солнце в течение нескольких дней. Как я сжигала в огне послания Инквизиторов, пишущих мне один за другим о том, что не могут её найти. — Как ты могла?

— Я проследила за энергией других Элит через море, — шепчет Виолетта в трансе.

По её стороне лица капает пот, она снова беспокойно ёрзает.

— Я следила за Рафаэлем, и я нашла его. Он нашел меня. Ах, Аделина. — Она замолкает на мгновение. — Я думала, что он может тебе помочь. Я умоляла его на коленях, прижималась лбом к земле.

Её ресницы теперь намокают, едва сдерживая слезы. Под её веками беспокойно двигаются глаза.

— Я умоляла его каждый день, даже когда мы услышали, что ты отправила свой новый флот для вторжения в Меррутас.

Моя рука сжимается сильнее. *Меррутас*, я приказала своим людям. *Домакка. Тамурания. Дюмор. Пересеките моря, тащите немеченых из своих кроватей, выводите их на улицы передо мной.* Моя ярость бурлила день ото дня.

— Я не могла найти тебя, — огрызаюсь я, раздраженная слезами, появляющимися в моих глазах. — Почему ты не послала мне голубя?

Почему ты не дала мне знать?

Виолетта молчит некоторое время, погруженная в мир лихорадки. Её глаза вновь открыты, пустые и серые, она находит меня.

— Рафаэль сказал, что мы навсегда потеряли тебя. Что тебе уже не помочь.

Я думаю, что он ошибается, но он плачет по тебе и трясет головой. Я пытаюсь убедить его. — Её шепот становится настойчивей. — Я думаю, что я попробую завтра снова.

Я приближаюсь и сердито вытираю слезы.

— Я не понимаю тебя, — шепчу я снова. — Почему ты продолжаешь пытаться?

Губы Виолетты дрожат от усилий.

— Ты не должна ожесточать свое сердце в будущем только из-за своего прошлого. Ты не должна использовать жестокость против себя, чтобы оправдать жестокость к другим.

Её серые глаза скользят прочь, подальше от меня, пока её взгляд не упирается в фонарь, висящий у палатки.

— Это тяжело. Я знаю, что ты пытаешься.

Всю свою жизнь, я пыталась защитить тебя.

Комната размывается за занавесой моих слез.

— Прости меня, — шепчу я.

Мои слова парят в воздухе, тихо и протяжно. Передо мной вздыхает Виолетта, и её дрожащие веки снова закрываются. Она бормочет что-то ещё, но слишком тихо, чтобы я могла её услышать. Я сжимаю её руку, не зная зачем; надеюсь, что она проснется и увидит меня не в лихорадочном сне, не в кошмаре, а здесь, на её стороне, вместе с ней. Я остаюсь ещё долго после того, как её дыхание не выравнивается. Наконец, когда фонарь горит так слабо, что, окутанная тьмой, палатка — все, что мне видно, я кладу голову на её постель и слушаю завывание ветра, пока я, к счастью, не погружаюсь в сон.

Мэв Жаклин Келли Корриган

Мэв слышит Люценту, зовущую её, но она не достигает входа в её палатку, пока не догоняет Люценту. Мэв поврачивается лицом к своим бывшим компаньонам. Перед её палаткой, личная стража королевы кладет свои руки на рукояти мечей, их глаза следят за движениями Люценты.

Мэв смущается при виде мрачного взгляда Люценты. Они закончили свои отношения год назад, прямо вдоль белых скал Кенетры. Она должна была дать этому произойти; в конце концов, Люцента сказала ей, что она не согласна с желаниями Мэв. *Я не могу быть твоей любовницей*, сказала она. Так почему Люцента выглядит так отчаянно, говоря с ней сейчас?

— Да? — Говорит хладнокровно Мэв.

Девушка выглядит плохо, и вид её бледной кожи и ноющей боли в конечностях тревожат сердце Мэв.

Люцента мнется, неожиданно неуверенная, что сказать. Она проводит рукой по своим рыжевато-белокурым локонам, затем поспешно кланяется Мэв.

— Вы в порядке? — наконец спрашивает она, она запинаясь.

— А ты? — в ответ спрашивает Мэв. — Ты выглядишь ужасно, Люцента. Рафаэле упомянул в своем последнем письме, что ты страдала.

Люцента качает головой, будто её собственное здоровье не важно.

— Я слышала, что случилось, — отвечает она. — Тристан. Ваш брат.

Она снова склоняет голову, и молчание затягивается.

Тристан. Именно поэтому Люцента здесь. Слабость её голоса затрагивает решимость Мэв, и она находит себя смягчающейся по отношению к Люценте. Как она упустила присутствие Люценты, как быстро они разлучились снова после последней битвы против Аделины. Она поворачивает голову и кивает солдатам. С грохотом доспехов они отходят и оставляют их двоим.

— Он никогда не смог бы оставаться таким долго, — отвечает Мэв через некоторое время.

Она дрожит от вида мертвых глаз своего брата, бессмысленной причины его нападения. Это был не он, конечно же.

— Он уже был в Преисподней.

Люцента морщится и отводит взгляд.

— Ты все еще винишь себя, — продолжает Мэв, мягче. — Даже после всего прошедшего времени.

Люцента ничего не говорит, но Мэв знает, что творится в её голове. Это память о днях смерти Тристана, когда трое решили поехать на охоту в зимний лес.

Тристан шарахался и уклонялся от озера. Он всегда боялся воды.

Мэв закрывает глаза, и на мгновение, она переживает это снова — Люцента, стройная и смеющаяся, тянущая Тристана вперед через кусты, чтобы увидеть оленя, которого она отследила для них; Тристан, глядящий на оленя, который был на полпути замерзшего озера; Мэв, стоящая на коленях в молчаливом приседе, поднимающая свой лук перед своими глазами. Они были слишком далеко от создания. *Один из нас должен приблизиться,*

предложила Мэв. И Люцента уже призвала Тристана.

Ты должен пойти.

Они часто играли на льду, никогда не попадая в неприятности. Так, наконец, Тристан схватил свой лук и стрелы и выполз на замерзшее озеро на локтях и животе. Они играли со смертью тысячи раз, но в тот день были совсем другие последствия. Была трещина на льду, на том роковом месте. Возможно, причиной были копыта оленя, возможно, вес создания сделал лед неустойчивым, или, возможно, зима была не такой холодной, и не было прочно замерзшего льда. Возможно, это был тысячный раз, когда они обманывали смерть, все вернулось к ним.

Они услышали треск льда прежде чем Тристан провалился. Было достаточно времени, чтобы он оглянулся на них, когда он погрузился в воду под собой.

— Это была моя вина, — говорит ей Мэв.

Она приближается, поднимая подбородок Люценты, затем останавливается сама. Вместо этого, она одаривает Люценту грустной улыбкой.

— Я вернула его обратно. — Она смотрит вниз. — Я не могу больше дотянуться до Преисподней. Прикосновение к ней просочилось в смертный мир, его неприятное присутствие, как лёд в моём сердце. Моя сила убьёт меня, если я использую её снова. Возможно, — добавляет она, понизив голос, — часть всего этого — моё наказание за неповиновение богине Смерти.

Люцента изучает её долгое время. Действительно ли это всё было так давно? Мэв размышляет, будет ли это окончательной поездкой, когда они будут вместе, сбудутся ли предсказания Рафаэля о том, что они ступят на горные пути и никогда не вернутся.

Наконец, Люцента кланяется.

— Если мы все должны идти, — говорит она, опустив глаза вниз, — то я сочту за честь, отправиться с вами, Ваше Величество.

Затем она поворачивается, чтобы уйти.

Мэв протягивает руку и хватается за руку Люценты.

— Оставайся, — говорит она.

Люцента замирает. Её глаза расширяются. Мэв может почувствовать тепло, поднимающееся к её щекам, но она не отрывает взгляда.

— Пожалуйста, — добавляет она тише. — Только на этот раз. Всего лишь раз.

На мгновение, кажется, Люцента может отвернуться. Они обе остаются на своих местах, никто не хочет делать первый шаг.

Затем Люцента шагает в сторону королевы.

— Всего лишь раз, — эхом повторяет она.

Аделина Амутеру

Все мое богатство, власть, территории, военной мощи. Это теперь не важно. Она ушла, и вместе с ней должна уйти и я.

— *Последнее письмо короля Деламора своему генералу.*

* * *

На следующее утро небеса накрывают серые облака, простирающиеся до самого горизонта, чётко предупреждающие о снегопаде. Когда Мэв ведёт двух всадников проверить наш путь, я сижу с Магиано, жуя вяленое мясо и сухари. Вокруг костра сидит Рафаэль с плотно собранным вокруг него плащом, тихим голосом говорит Люцента. Терен сидит один, игнорируя всех нас.

Магиано находится в плохом настроении, без сомнения, вызванном холодом и мраком. Без его радости, я понимаю, что отгоняю шепоты в голове больше, чем когда-либо, борюсь, чтобы быть в здравом уме. *Ты потеряешь себя в снегах и ветрах*, говорят они. *Ты никогда не вернешься.*

Рядом со мной без сознания лежит Виолетта, неудержимо дрожа под грудой мехов и одеял. Тяжело видеть её такой, нр я рада, что она дрожит. Это значит, что она ещё жива. Я приближаюсь и протягиваю руку к мехам.

— В таком случае, — бормочет Магиано, вытягивая меня из глубины мыслей, — мы больше не увидим голубого неба, пока не покинем это место. — Он обращает свой взор к небу и издаёт громкий и жалобный вдох. — Что бы я не отдал за капельку Меррутасского тепла и веселья.

Мэв и её всадники возвращаются, когда мы заканчиваем наш завтрак.

— Пути покрыты льдом, — говорит она, когда мы нагружаем наших лошадей сумками.

На миг она осматривает Люценту, и между ними витает что-то невысказанное.

— Но они чисты. Снежные Разрушители уже прошли по ним.

Я замечаю, как королева дотрагивается до ботинка Люценты, прежде чем посадить её на лошадь. Между ними возникла новая близость.

Неподалеку, Магиано и Рафаэль помогают мне безопасно укрепить Виолетту на носилках позади двух лошадей Мэв. Она беспокойно ворочается, когда мы движемся, лепечет что-то, что я не могу понять. Её метки выглядят сейчас более темными, почти чёрными, как будто Моритас медленно затягивает своё тело в Преисподнюю. Я сжимаю зубы, видя их.

Магиано наблюдает за мной, когда я стою рядом с носилками.

— Она сделает это, — говорит он, кладя свою руку на мою руку, но я слышу сомнение в его голосе.

Когда мы приближаемся к дорожкам, которые ведут в первые горы, узкая долина начинает наполняться ветром, так что он кусает за щеки и прорывается в каждую щель в

наших одеждах. Я плотно накидываю капюшон над головой и пытаюсь натянуть плащ повыше, чтобы прикрыть нижнюю половину моего лица. Даже так, моё лицо примерзает к ткани, создавая участки белого инея. С ветром приходят и шёпоты, воюющие в моих ушах с каждым сильным порывом ветра. Их слова так беспорядочны, что я не могу понять, что они говорят, но они заставляют колотиться моё сердце, пока мои плечи прогибаются от усталости. Теперь и тогда, думаю, я вижу тёмные силуэты, стоящие в расщелинах гор, на нас смотрят незрячие глаза. Я могу видеть их лишь боковым зрением: когда я поворачиваю голову, они исчезают.

Магиано продолжает хмуриться в небо.

— Это только мне кажется, или небо темнеет? — Он кивает на облака. — Облака не становятся больше и плотнее, кажется, будто дни проходили быстрее, чем следовало.

Я тоже смотрю. Он прав. То, что должно быть светлым полуденным солнцем, скрытым за облаками, выглядит, как уже зашедшее солнце. Тени в долине углубляются, простираются вокруг нас приглушенными формами, когда горные хребты вокруг становятся круче. Дорога под копытами наших лошадей хрустит от мороза и льда.

Я теряюсь во времени, как долго мы прошли в этих странных сумерках. Мы все молчим. Я еду позади носилок Виолетты, так что я могу наблюдать за ней. Её открытые серые глаза никак не могут сосредоточиться хотя бы на чём-то. Будто она уже ушла куда-то ещё.

Она всё ещё здесь, говорю я себе. Но шёпоты в моей голове сейчас звучат, как ветер, заглушая мои мысли, и моё истощение и беспокойство оседают в неистовом биении моего сердца. Должно быть, так влияет на меня энергия источника происхождения Элиты.

В эту ночь, в ночь, кажущуюся слишком ранней, мы останавливаемся в низине, которая частично укрывает нас от стихии. В этом узком проходе яростный ветер, который мешает обустроить правильный лагерь. Наши лошади слишком вялые, они сбились вместе близко к костру, который мы сделали.

— В ближайшие дни ранние сумерки будут наступать чаще, — говорит Рафаэль, когда мы собираемся вокруг него.

Он рисует одну изогнутую линию палкой по грязи, затем отмечает несколько точек вдоль неё, в том числе и наше местоположение.

— Мы приближаемся. — Он указывает на место в верхней части пути, расположенное между горами. — Тёмная Ночь.

Рафаэль говорит со спокойствием и изяществом, как и обычно, но даже его голос, кажется, несёт скрытую толику сомнения. Моя рука задерживается на верхней части меха подушки Виолетты, что беспокоится в лихорадочном сне. Мы приближаемся к царству, известному только в сказках и легендах.

Что будет, когда мы его достигнем?

— Там законы нашего мира могут отклоняться и отличаться, — говорит Рафаэль через мгновение. — Вещи могут быть не такими, какими являются.

Мы должны быть осторожны. — Он смотрит в мою сторону. — Я чувствую притяжение этого места. Чувствуете ли вы?

Я киваю. Вокруг меня остальные делают так же. Мой взгляд скользит туда, где на небольшом расстоянии сидит Терен, его плащ рассегнут, словно он не обращает внимания на холод. Он методично чистит свой меч и ножи.

Мои шёпоты становятся сильнее, в то время как вокруг Магиано парит воздух, наполненный тьмой. Виолетта угасает, чувства Рафаэля перегружают потоки энергии со всех

сторон. Что чувствует Терен здесь, так близко к источнику? Это путешествие ещё больше приводит его к безумию?

Прежде чем мы собираемся ночевать, я прошу Мэв поставить дополнительных стражей вокруг Терена. Даже тогда, я просыпаюсь посреди ночи и смотрю в сторону Терена, интересуясь, увижу ли я его.

Следующим утром, казалось, никогда не настанет рассвет. Вместо этого, мир светлеет только полумраком, который мы наблюдали днём позже, оставляя пейзаж в устрашающей тьме. Уже начал падать лёгкий снег, покрывающий пеленой белого всё вокруг нас. Магиано спит, прижавшись ко мне, одной рукой обхватывая моё плечо. Этим утром шёпоты громче, они неугомонны, они продолжают без конца реветь. Когда я смотрю позади нас, я ничего ничего, но шлейф наших следов проходит в одиноких горах. Я вижу то же впереди. В моём поле зрения продолжают парить иллюзии тёмных силуэтов, мои собственные призраки, которые отказываются оставить меня в покое.

Я стряхиваю свежий снег со своих волос, затем аккуратно поднимаюсь, чтобы не разбудить Магиано. Я разминаю свои болящие конечности.

Только несколько стражей, размещённые спящей Мэв, стоят недалеко от нас, их внимание направлено на бледную местность, окружающую нас. Я оглядываюсь, понимая, что если бы я захотела, то смогла бы уничтожить их всех в один момент.

Сделай это.

Шёпоты этим утром настолько сильные, что я почти подчиняюсь их приказам. Я хмурюсь, качаю головой, и сжимаю виски. Почему они так неожиданно настойчивы? Мы, должно быть, очень близко к Тёмной Ночи.

Стараясь игнорировать их, я потираю руки и брожу вокруг лагеря, оглядывая всё. Терен не на своём спальном месте — это посылает во мне волну паники, прежде чем я замечаю его, стоящего в нескольких шагах от стражей, его лицо поднято к небесам в молитве. Я наблюдаю за ним некоторое время, а затем иду туда, где спит Виолетта.

Когда я достигаю её, я становлюсь на колени рядом с ней. Её тёмные волосы вмерзли колтунами, а её бледная кожа выглядит почти матовой. Здесь ей слишком холодно, что бы справиться самой; нужно найти лишние меха. Она может взять мои, прежде чем мы снова остановимся, но даже так, я не уверена, будет ли этого достаточно.

— Виолетта, — нежно шепчу я, касаясь её плеча.

Она не шевелится.

Я колеблюсь, затем снимаю одну перчатку и касаюсь её щеки тыльной стороной руки. Её кожа холодна, как лёд. От неё не исходит ни одного тёплого вздоха.

Шёпоты окружают меня, но я заставляю их яростно отступить. Конечно же, она дышит — всё это может быть иллюзией. Я снова создаю вокруг себя кошмар. Я буду просыпаться снова и снова, пока Магиано не разбудит меня от этого сна. Я снова трясую её, теперь ещё сильнее.

— Виолетта, — говорю я громче.

Мой голос привлекает Рафаэля рядом. Он садится и смотрит в мою сторону. Затем его глаза направляются на Виолетту. Быстрое выражение, мелькающее на его лице, подтверждает мои худшие опасения.

Нет. Это невозможно. Я уснула вчера вечером, видя её ритмичное вдыхание и падение груди. Она бормотала что-то, что я не могла понять. Капли пота усеивали её лоб, а её кожа была горячей на ощупь. Это не правда. Я трясую её снова, схватившись за её плечи.

— Виолетта! — кричу я.

На этот раз все остальные испуганно вскакивают и на меня смотрят стражники, но мне плевать. Я продолжаю трясти её, пока не чувствую чьи-то руки, заставляющие меня остановиться. Это Рафаэль. Он опускается на колени рядом со мной, его глаза по-прежнему смотрят на Виолетту. Печаль на его лице разбивает моё сердце снова и снова.

— Ты можешь оживить её? — спрашиваю я его.

— Я постараюсь, — бормочет Рафаэль, но он говорит это лишь потому, что я отчаянно хочу услышать это.

Всё будет хорошо. Я проснусь от этого столько раз, сколько нужно, пока не вернусь к реальности. Иллюзия исчезнет, как это всегда происходит, и я проведу ещё одно утро с Виолеттой.

Теперь поднимается и Мэв, затем Люцента и Магиано, и они смотрят на меня.

— Ваше Величество, — говорю я ей. Это первый раз, когда я обращаюсь к ней надлежащим образом. — Вы связаны с Моритас. Вы можете вернуть её, если нужно. — Я смотрю на Рафаэля. — Разбудите её, — сердито говорю я, мой голос отдаёт приказы.

— Аделина, — шепчет Магиано.

Руки Рафаэля ложатся на холодные плечи Виолетты. Он пододвигается и кладет ладонь на её щеку. Сможет ли его сила сработать на ней, нежный рывок его энергии в её сердце, возможно, разожжет её спокойными прикосновениями. Я наклоняюсь, мой взгляд останавливается на лице Виолетты, ожидая, когда её серые глаза откроются.

— Аделина, — снова зовёт Магиано. Его рука касается моей, и он крепко её сжимает.

Мэв качает головой.

— Она ушла, — говорит она тихо, склонив голову.

— Тогда верни её, — огрызаюсь я. Тьма во мне поднимается из глубины грудной клетки. — Я видела, как ты это делаешь.

— Я не могу. — Мэв смотрит на меня холодным взглядом.

— Ложь, — я шипю. — Она нам нужна. Мы не сможем войти в Тёмную Ночь без неё. Я.

Я смотрю в сторону, где лицо Терена всё ещё направлено к небу. Он единственный из нас всех, кто не собрался. Шёпоты теперь хаотично гудят, взрываясь вокруг меня вихрем. *Он, говорят они, их голоса сливаются с моим собственным голосом. Терен убил её. Он — единственное объяснение, ты знала, что ему нельзя доверять.*

— Ты, — говорю я слова, дрожащие от переполняющей моё сердце тьмы и ярости.

Терен опускает голову и поворачивается в сторону, чтобы встретится со мной взглядом.

— *Это ты сделал.*

В этот момент я не вижу своего бывшего узника. Я не вижу мужчину, который спас меня от утопления в море. Всё, что я вижу, это Главный Инквизитор, который когда-то смеялся надо мной своими ядовитыми белыми глазами, который украл у меня Виолетту и использовал её против меня. Шёпоты повторяют старые угрозы Терена, слова, которые он когда-то выплевывал в меня с лезвием, прижатым к моему горлу. *У тебя три дня.*

Его насмешливый голос пронёсся сквозь время. *Если ты нарушишь своё слово, я прострелю шею твоей сестры и заднюю часть черепа.*

Он убил её, когда мы спали. Рафаэль предупредил, что мы можем вести себя здесь по-другому, что наши силы могут быть нестабильными. Терен всегда хотел смерти Виолетты, чтобы причинить мне боль. Весь мир вокруг меня становится алым от моей ярости. *Это был он.*

Терен смотрит на меня, с пустым безразличием.

— Аделина, — звучит голос Магиано, но он звучит далеко.

Тёмная энергия во мне высвобождается.

Я бросаю иллюзию боли в Терена. *Твою кожу сдирают, твоё сердце вырывают из груди, глаза кровоточат. Я уничтожу тебя.* Остальные, кажется, исчезают из моего поля зрения, всё, что я вижу перед собой — Терен, корчащийся от моей силы. Я накидываюсь на него. Горная тропа, по которой мы пришли становится чёрной и багровой; демонические силуэты поднимаются из снега, их клыки оскалены. Я яростно затягиваю иллюзию вокруг Терена и вытягиваю кинжал из-за пояса. Затем я нападаю на него.

Терен скалит зубы, и прежде чем я моргаю, в его руках появляется его меч. Он проскальзывает им передо мной сияющей дугой. Я кружусь в сторону и сжимаю кулак. Он издает вопль боли, когда моя иллюзия захватывает его в сеть. Я ударяю по нему кинжалом, но его рука вздымается вверх, перехватывая моё запястье. Его сила, даже в агонии, почти ломает мои кости. Я морщусь и бью по его хватке, мой кинжал падает на землю. Я едва могу видеть сквозь иллюзии. Меня окружают силуэты и ночь, белые плащи и огонь.

Затем передо мной стоит парень с золотыми глазами и темными косами.

Между нами. Его зрачки сузились в чёрные щёлки, а его челюсти решительно сжаты. Он без страха идёт ко мне.

— Аделина, остановись! — говорит он.

— *ВОН.С.МОЕЙ.ДОРОГИ.*

Я набрасываю на него свои иллюзии, но он прищуривает глаза, поднимает руку и из всех сил отбрасывает мои иллюзии. Они растворяются в облаке дыма вокруг него. Он приближается ко мне.

— Аделина, прекрати.

Это Магиано. Магиано. Остановись. Его имя — небольшой свет для меня, и он есть, и я лгну к нему в водовороте вокруг меня. Я вдрагиваю, когда он тянется ко мне и затягивает в грубые объятия.

— Он не убивал её, — шепчет Магиано. — Остановись. Хватит.

Его рука поглаживает мой затылок.

Моя сила в спешке покидает меня. Мир вокруг нас светлеет, силуэты демонов исчезают. Терен склоняется передо мной на одно колено, тяжело опираясь на свой меч, тяжело дыша. Его бледные глаза фокусируются на мне. Я отворачиваюсь от него и концентрируюсь на руках Магиано, крепко сжимающих меня в объятиях. *Терен не убивал её.*

Но она ушла. Мы опоздали.

Я начинаю плакать. Мои слёзы замерзают на моём лице. Я отхожу от Магиано в истощении, отшатываясь туда, где на холодной земле лежит тело Виолетты. Остальные молча наблюдают, как я падаю на колени. Я сгребая свою сестру в объятия, убирая её жёсткие волосы с лица, повторяя её имя снова и снова, пока оно не становится бесконечной петлей в моей голове. Признаки страданий ускользают от меня в промежутках между рыданиями. Я вижу видение ночи, когда я первая сбежала из дома, когда мы соприкоснули наши лбы вместе. Я делаю это сейчас, упершись лбом о её, и раскачиваясь взад и вперед, умоляя её снова, напрасно, не оставлять меня.

Аделина Амутеру

Это самое святое место, где на скалах сияют звезды, и никогда не заканчиваются сумерки. Будьте осторожны, ибо странники могут быть затянуты своими силами, и могут полностью затеряться в них.

— *Намеченные Пути гор Карра, различные авторы.*

* * *

Если бы Виолетта умерла в Кенетре, то мы бы захоронили её прах в лабиринте катакомб, простирающихся под городом. Но здесь, на холодных путях гор Карра без единого дерева, без единой возможности соорудить погребальный костер и выкопать место в замерзшей земле, мы можем лишь скрыть её под могильным холмом из камней, направленным в сторону нашей родной земли. Перед тем, как мы это делаем, я раскладываю её плащ над её телом и наклоняюсь, чтобы коснуться волос — какими роскошными и тёмными были раньше её локоны, как я завидовала ей, когда мы были моложе — теперь же, они выглядят выцветшими, словно этот свет ушел из этого мира вместе с моей сестрой.

Мы должны были двигаться быстрее. Я должна была меньше спорить с Рафаэлем, во время переговоров в Тамурании. *Я должна была быть добрее.* Шепоты преследуют меня с этими словами, и в этот раз, я не останавливаю их.

Остальные стоят рядом со мной, пряча руки в рукава. Даже Терен стоит здесь, его лицо безэмоционально. Нет сомнений, он не скорбит по моей сестре, но, к моему удивлению, не говорит этого вслух. Он кажется потерянным в своем собственном мире, продолжая тихо молиться богам.

Голова Рафаэля склонена в печали, его глаза влажные от слёз.

— Что теперь нам делать, Посланник? — шепчет Мэв, её рука покоится на рукояти меча. Этот вопрос у всех нас в голове. — Мы потеряли её. Все это впустую?

Рафаэль не отвечает сразу. Возможно, в этот раз, он не знает ответа.

Вместо этого, он продолжает смотреть на курган из камней, пряди его волос раздуваются ветром на его лице. Вопрос застывает в моих мыслях. Я позволяю шёпотам вихриться вокруг меня, сейчас их присутствие такое привычное.

Это твоя вина. Это навсегда останется твоей виной.

— Мы продолжим идти, — наконец отвечает Рафаэль.

И никто из нас не говорит ничего другого. Сейчас слишком поздно возвращаться обратно, даже если мы не сможем ступить в пункт нашего назначения, мы прошли слишком далеко.

Я должна была прислушаться к Виолетте, все эти месяцы назад. Когда она пыталась забрать мою силу, я должна была позволить ей сделать это.

Возможно, она была бы жива, если бы я сделала это. Возможно, мы смогли бы как-нибудь действовать раньше. Возможно, мы бы провели больше времени вместе. Чувство

вины тяжелым камнем осело в моей груди.

Я должна была прислушаться, но теперь это больше не важно. Ничего больше не важно.

Когда солдаты начинают накладывать больше камней у её ног, я вытягиваю нож из-за пояса, протягиваю и перерезаю длинные локоны Виолетты.

Тепло моей ладони растворяет лёд на прядях. Я вплетаю их в длину моих собственных серебристых волос, контрастирующих в её волосами, вспоминаю тот ленивый полдень, когда она плела мне косы. *Я люблю тебя, Аделина*, так говорила она мне. Засохшие слёзы на моих щеках трескаются, когда я двигаюсь.

Мы остаемся здесь так долго, на сколько это возможно, пока Мэв не отдаёт команду двигаться дальше. Я оглядываюсь назад и пытаюсь удержать вид могилы Виолетты в моем поле зрения, но она исчезает за склоном.

Одно утро сменяет другое. Сумерки становятся темнее с каждым днем, и снег становится уже постоянным. Никто не встает у нас на пути. Словно мы путешествуем по краю земли. Наше путешествие наполняется полной тишиной, в которой никто из нас не в силах говорить. Даже Магиано спокойно едет рядом со мной, его выражение лица мрачное. Энергия этой территории тянет нас вперед, зовёт нас. И в ночное время и в сумеречные дни я вижу иллюзии, вижу, как их отгоняет светом наших костров. Иногда рядом со мной идёт призрак Виолетты. Её тёмные волосы не раздуваются ветром, её обувь не оставляет следов на снегу. Она никогда не смотрит в мою сторону. Наши пути становятся уже, разветвляясь на десятки других путей каждые несколько часов, каждая из них ведёт в глубь ещё одних скоплений гор. Без наведений Рафаэля, я не сомневаюсь, что мы потерялись здесь на холоде.

Затем, одним днем, мы останавливаемся у зияющей пещеры.

Зловещий вход похож на пасть, покрытую зазубренными скалами, ведущую в полную и непроглядную тьму. Однако, мы бы никогда не нашли это место без притяжения его энергии. Здесь, я ощущаю осязаемое присутствие пульсирующей силы, которая зовёт нас; сила, похожая на тысячи нитей, натягивающие каждый мускул в моём теле.

— Мы должны идти одни, — говорит Мэв, когда её лошадь трусит рядом с нами. — Мои люди не могут пройти с нами этот путь.

Она кивает на наших лошадей, у некоторых из них из ноздрей стекают тонкие струйки крови. Чем ближе они приближаются ко входу, тем сильнее они страдают. Мой жеребец отказывается сделать ещё один шаг вперед. Я оглядываюсь на солдат Мэв. Они тоже пятятся назад. Я никогда не думала о том, насколько мощно энергия, влияющая на каждую Молодую Элиту, может в конечном итоге воздействовать на людей, но сейчас, я вижу это на их лицах. У некоторых на лицах блестят капли холодного пота, в то время, как другие выглядят бледно и слабо. Они прошли настолько далеко, насколько это возможно. Если они ступить в эту пещеру вместе с нами, они умрут.

Мэв отталкивает свою лошадь и кивает одному из своих стражников.

— Заберите их обратно с собой, — говорит она.

Стражник мнетя. Остальные за ним тоже двигаются.

— Вы останетесь в замороженной пустоши, Ваше Величество, — отвечает он, глядя вокруг нас. — Вы. вы, королева Бельдайна. Как вы вернетесь назад?

Мэв смотрит на него суровым взглядом.

— Мы найдем путь, — говорит она. — Если вы присоединитесь к нам, вам не выжить. Это не просьба. Это приказ.

Даже тогда, стражник задерживается немного дольше. Я понимаю, что всматриваюсь в

тоске и зависти, горечи и скорби. Преданны ли мне так хотя бы некоторые стражники в Кенетре? Последовали ли бы они за мной, если бы я не использовала их страх против них?

Наконец, он кивает и склоняет голову.

— Да, Ваше Величество.

Он кладет одну руку на грудь, затем приклоняет колени на снегу перед ней.

— Мы будем ждать вас в низинах горных путей. Мы не уйдем, пока не увидим вашего возвращения. Не просите нас полностью покинуть вас,

Ваше Величество.

Мэв кивает. Ее хладнокровное самообладание рушится, я впервые вижу её, теряющей свою суровость. Она вдруг кажется очень молодой.

— Очень хорошо, — отвечает она.

Солдат стоит и выкрикивает приказы войску. Они отдают честь своей королеве, прежде чем повернуть лошадей, отправляясь обратно по пути, которым мы пришли. Я стою в тишине, наблюдая за их уходом.

Приветствовали ли меня с честью когда-либо мои солдаты?

Когда стук копыт превращается в глухой рокот, Мэв возвращается, чтобы присоединиться к нам у входа в пещеру. Не важно, как сильно я пытаюсь всмотреться в неё, я вижу лишь черноту, будто по ту сторону лишь небытие, и мы пропадём в нём, если войдем. Рафаэль стоит на краю и закрывает глаза. Он делает глубокий вдох, затем вздрагивает. Ему не нужно пороизносить вслух, чтобы я поняла то, что он собирается сказать. Я чувствую притяжение. *Мы все чувствуем его.*

Тёмная Ночь находится в конце этой пещеры.

Терен вытягивает меч и длинный нож, когда Люцента и Магиано делают то же самое. Я стою рядом с Магиано, когда мы начинаем входить. Отсутствие Виолетты зияет пустотой рядом со мной. Если бы она была здесь, я бы сказала ей быть рядом. Она одарила бы меня скромным кивком. Но её здесь нет.

Так что я поворачиваюсь лицом к тьме без неё, и иду внутрь. Я тоже боюсь, интересуясь, сможем ли мы выйти.

Сначала я ничего не вижу, и это заставляет меня колебаться с каждым шагом, который я делаю. Наши шаги разносятся эхом вокруг, вместе со звуком металла, иногда скрежетающего о камни. Остальные, возможно, используют мечи, чтобы двигаться. Воздух здесь резко холодает и пахнет чем-то древним, солью, камнями и ветром. Я глотаю снова и снова, пытаюсь сдержать себя от мысли, что на нас обрушатся стены. Если бы только я могла видеть. *если бы только я могла видеть.* Мой старый страх слепоты теперь вспыхивает в настоящем, принимая свою форму во тьме, и, думаю, я вижу здесь глаза монстров, они смотрят на меня.

Ты никогда не выйдешь отсюда, поют шепоты, довольные ростом моего страха. *Ты будешь жить в тьме вечно, как ты заслуживаешь этого.* Я подпрыгиваю, когда тёплые и мозолистые руки дотрагиваются до меня.

— С тобой всё в порядке.

Голос Магиано появляется в темноте, как маяк, и я поворачиваюсь к нему.

С тобой все в порядке. С тобой все в порядке. Я заставляю шёпоты в моей голове повторять это, и медленно эта мантра даёт мне сил делать новые шаги.

После, мои иллюзии, наконец, начинают налаживаться. Я вижу тонкие желобки скал в потолке пещеры в нескольких футах над нами, а изнутри желобков исходит слабое ледяное

голубое свечение. Медленно, словно пещера становится яснее, я вижу свечение, исходящее практически из каждой щели в потолке. Мои шаги замедляются, когда я пытаюсь лучше разглядеть его.

Свет исходит из миллионов крошечных, свисающих бусин льда. Они переливаются и мерцают, пульсируют узорами, и они, кажется, светятся сильнее в местах, где мы проходим. На мгновение, я забываю про свой страх, и просто стою, не в состоянии оторвать взгляда от их красоты.

— Ледяные фейри, — говорит Рафаэль, его голос отдается эхом где-то впереди. — Крошечные существа севера. Они, должно быть, проснулись из-за ряби в воздухе от наших движений. Я видел их в описаниях священников, занимающихся здесь паломничеством. Это место, как Тёмная Ночь, которой поклоняются путешественники, но они не идут дальше.

Сияние света освещает наш путь, ведёт нас по тропе, покрытой звёздной пылью.

Проходят минуты. Часы. В какой-то момент я чувствую слабый укус холодного ветра на моем лице. Мы, должно быть, приближаемся к выходу из пещеры. Я напрягаюсь, гадая, что может быть на другой стороне. Рядом со мной входит и выходит из тени призрак Виолетты, блеклый и серый.

Постоянно дует ветер, пока мы не выворачиваем из пещеры и не оказываемся, смотрящими на выход.

Я затагиваю дыханием сверкающий мир снега за пределами пещеры.

Я слышала мифы об этом месте, Тёмная Ночь. Но теперь я стою перед этим местом, глядя на нетронутый волшебный мир. Это вход, соединяющий мир между нами и богами. И мы не можем войти без соответствия Виолетты, сочувствие.

Рафаэль стоит у входа и неуверенно протягивает руку. Он вздрагивает, и я тоже: энергия за этим входом ошеломляющая, миллионы потоков каждого в смертном мире, что-то настолько насыщенное, что я боюсь, что оно может раздавить меня, если я осмелюсь перешагнуть. Когда священники приходят в поисках этого места, они останавливаются здесь? Они сидят под светом ледяных фейри и любят ледяными бусинками, повисшими в пещере?

Возможно, простые смертные даже не могут сказать, что этот вход находится здесь. Возможно, энергия здесь настолько сильна, что теряется в них.

Рафаэль стоит в течении долгого времени, колеблясь между одним пространством и другим. Затем он смотрит на нас. *Он собирается шагнуть.*

— Мы уже призраки, — шепчет он.

Я открываю рот, желая остановить его, затем закрываю его. Он прав, как всегда. Если таким образом мы должны закончить, то так тому и быть. Рафаэль делает глубокий вдох, и я изучаю его силуэт в тусклом синем свете, в этом волшебном царстве, окруженный сиянием, будто в последний раз. Рядом со мной кивает Магиано и берёт меня за руку. Мэв и Люцента вместе. Терен без страха смотрит вперед.

Рядом со мной есть место, где могла бы стоять Виолетта. Без неё я боюсь смерти меньше. Без неё, мир намного темнее.

Рафаэль перешагивает. И мы следуем за ним.

Аделина Амутеру

Он сказал, что Тёмная Ночь принимает тех, кто знает и страдает от истинных потерь, что только через преодоление такой агонии, смертный может понять то, что это такое — вступить в царство богов.

— *Рассказы путешественников к Тёмной Ночи, составлено Йе Цун Ли*

* * *

Мои сапоги проваливаются в свежий снег, который выглядит нетронутым целые мили. Вокруг нас возвышается лес из покрытых инеем деревьев, их ветви голые и покрыты толстыми белоснежными одеялами. То, что заставляет всех нас застыть — вид трёх лун в ночном небе. Они огромные, восхитительные, золотые и холодные, перекрывающие половину неба, настолько большие, что, кажется, я могу протянуть руку и коснуться пальцами их мраморной поверхности. Небо застилают слои звёзд, невероятно яркие созвездия.

Здесь мы близки к небесам. Против звёзд танцует занавес зелёного цвета, который волнится, появляясь и исчезая в абсолютной тишине. Я никогда не видела такой ночи. Словно царство богов спустилось, чтобы встретить нас здесь, и наш смертный мир тоскует по возвращению.

— О Боги, — вздыхает рядом со мной Магиано.

В конце концов, мы прошли.

Как это возможно? Мы не должны были пройти. Это должно было нас убить. Рядом со мной изумленно смотрит Рафаэль.

Когда я смотрю через плечо, я вижу Терена. Как и все остальные из нас, он застыл на месте, осматриваясь. Его бледные глаза расширились, и его рот раскрылся от удивления. В его глазах слёзы, а на его лице застывшие потеки. Я слышу, как он шепчет молитву, как он тронут красотой вступления в мир богов.

Мы проходим по нетронутым землям. Сейчас пульсация источника равномерная, она направляет нас. Под нашими сапогами мягко хрустит снег. Я дрожу от холода. Шёпоты в моей голове превращаются в хаотичный гул, с каждым шагом, который я делаю, они становятся громче, чем ближе мы приближаемся к источнику происхождения. Я снова пытаюсь держать их в страхе, но постепенно они начинают заглушать тишину вокруг меня, пока я больше не могу слышать даже наши шаги или наше дыхание. Сейчас шёпоты говорят глупости на слишком древнем для меня языке, который я не понимаю. Деревья в этом лесу размываются и мигают, каждый раз, когда я моргаю, и я потираю глаза, пытаюсь заставить себя сосредоточиться.

Всё это время я вижу что-то поблескивающее. Силуэт или фигура, я не уверена. В другое время я вижу заброшенные дома, покрытые снегом и разбитым стеклом. Каждый раз я качаю головой и выбрасываю это из головы, говоря себе сосредоточиться. Я могу контролировать

свои иллюзии. Это моя сила, даже если мы находимся в царстве богов.

Другой силуэт мелькает между деревьями и исчезает. Я прекращаю искать его. Бесполезно, он уже пропал. Я оглядываюсь на Магиано.

— В этом лесу что-то есть, — шепчу я.

Он хмурится, затем смотрит в зазоры между деревьями.

И в этот момент я останавливаюсь. Мой взгляд поднимается вверх по деревьям. Я останавливаюсь на пути. Рядом со мной поворачивается Магиано и одаривает меня обеспокоенным взглядом.

— Что такое? — спрашивает он.

Но я не могу ему ответить. Все, что я могу делать, это смотреть на мёртвые тела, свисающие с деревьев.

Они свисают с веток вокруг нас, повисшие на верёвках вокруг их шей. Их тела выглядят серыми, их лица мертвенно-бледные, и, когда я в ужасе присматриваюсь, я начинаю узнавать каждого из них. Ближе всего ко мне находится мой отец. Его грудная клетка, как всегда распорота, и белый снег под ним покрыт каплями крови. Рядом с ним, Энцо. Его волосы тёмные, черно-алые, его шея сломана, и под его свисающим телом те же капли крови. За ним Джемма, её знакомое лицо всё ещё наполовину покрыто фиолетовой меткой. Здесь же Ночной Король Меррутаса, которого я когда-то убила его же мечом. Здесь Данте, его лицо скривилось от боли. Здесь армия Инквизиторов, которую я убила, и мятежники, которых я казнила за брошенный вызов моим приказам. И здесь моя сестра, моя последняя жертва.

Они все здесь, их глаза открыты и направлены на меня, губы иссохли, а на их лицах торжественные выражения. Шёпоты в моей голове возрастают в рев, и я осознаю, что этими голосами в моей голове были голоса тех, кого я убила. И эти голоса растут и растут, с годами становясь все больше, потому что я убиваю все больше.

Какой же волк? Ты маленький ягнёнок. Этот шепот был голосом Данте.

Ты так легко сломлена. Энцо.

Мертвые не могут существовать в этом мире сами по себе. Джемма.

Ты не уйдешь, пока я не скажу. Ночной Король Меррутаса.

Продолжай. Закончи дело. Мой отец.

Всё это время голоса были шёпотами мёртвых, возрастающие в количестве, насмехающиеся надо мной, преследующие меня, сводящие меня с ума за свою кровь, которая запятнала мои руки.

Я спотыкаюсь назад, сбиваясь с дыхания. Магиано бросается, чтобы поймать меня, прежде чем я упаду в снег.

— Аделина! — восклицает он. Остальные останавливаются, чтобы посмотреть на меня. — Что происходит? Что ты видишь?

— Я вижу всех, — всхлипываю я. — Энцо. Джемму. Моего отца, Сестру. Они все здесь, Магиано. О Боги, я не могу сделать этого. Я не могу идти дальше.

Мои колени подкашиваются, и я опускаюсь, всё ещё не способная оторвать взгляда от этого зрелища. *Это не реально*, пытается сказать разумная часть меня. *Все это иллюзия. Всего лишь иллюзия. Простой кошмарный сон. Это все не реально.*

Вот только всё это реально. Все эти люди на самом деле мертвы. И они мертвы из-за меня.

— Не заставляйте меня идти туда, — шепчу я, цепляясь за руки Магиано, когда он

наклоняется ко мне.

Рафаэль подходит и опускается на снег рядом со мной, затем Мэв, Люцента и Терен наблюдают за нами. Рафаэль берет одну мою руку. Когда я борюсь против того, чтобы он взял под контроль мою стлу, он начинает использовать свою. Я чувствую его нити, переплетающие моё сердце, ищущие панику и страх во мне и мягко отталкивающие их. Мой отчаянный взгляд блуждает от висящих тел к красивому лицу Рафаэля, к его оливковой коже, и к его длинным ресницам, к его золотому и зеленому глазам.

— Дыши, моя Аделинетта, — шепчет он. — Дыши.

Я стараюсь делать то, что он говорит. Рафаэль — не Виолетта, он не может спасти меня от моих сил. Но медленно, постепенно, его успокаивающие потоки начинают сглаживать бушующие приливы энергии в моей груди, которые угрожают свести меня с ума. Я чувствую энергию успокоения, и с её приходом, начинают выцветать тела. Они выглядят, как приведения, прозрачные и размывающиеся. Затем они становятся такими тусклыми, что я больше не вижу их. Моё дыхание туманится в воздухе. Мои конечности ослабевают, будто я плавала в течении нескольких часов. Я сильно прижимаюсь к Магиано.

Наконец, Рафаэль останавливается. Он выглядит слишком истощенно, словно ему было намного труднее использовать свою силу против моей. Я делаю глубокий вздох, затем киваю и отвлекаюсь на Магиано.

— Я в порядке, — говорю я, пытаюсь убедить в этом и себя. — Здешняя энергия переполняет меня.

Рафаэль кивает.

— Она затягивает меня тоже, — мягко говорит он мне. — В миллионах разных направлений. Это нелегкое для нас место, царство между нами и богами.

Люцента подходит ко мне и предлагает свою руку. Я удивлённо наблюдаю. Когда я принимаю её, она помогает мне встать на ноги. Рядом с ней, мне кивает Мэв. Что-то освещает её лицо, внезапное признание.

— Твоя сестра, — говорит она. — Ты сказала, что видела её там, как иллюзию.

Мёртвый призрак.

— Да, — шепчу я.

— Так вот почему, — бормочет Мэв. — Конечно же.

Она поглядывает на Рафаэля.

— Ты сказал, что все наши соответствия богам должны быть в бессмертном царстве для того, чтобы мы были здесь. — Мэв снова смотрит на меня. — Мы смогли пройти без связи Виолетты.

— Потому что её душа уже в бессмертном мире, — заканчивает Рафаэль, понимая. Его взгляд смягчается на мне. — В Преисподней.

Она уже здесь, понимаю я. И, почему-то, эта мысль направляет сплеск надежды во мне. Она уже здесь. Возможно, я смогу увидеть её снова.

— Мы не можем быть далеко, — говорит Мэв, отворачиваясь от меня и снова продолжая спускаться по заснеженной тропинке через лес. — Пульсация становится сильнее.

Все остальные тоже чувствуют это; я не одна. *Мы недалеко. Мы почти на месте.* Я повторяю это про себя, позволяя этому утешить меня и успокоить мою энергию. Мы недалеко от Виолетты, где она ждёт нас в царстве Моритас.

Остальные разворачиваются, и продолжают идти, и я иду за ними. Магиано остается

рядом со мной, теперь его руки переплетены с моими. Я стараюсь сосредоточиться на тепле, исходящем от него. Я слишком напугана, чтобы оглянуться на верхушки деревьев, опасаясь, что я снова увижу свисающие тела. Я боюсь, что на этот раз увижу тела тех, кто еще жив, тех, кто еще может умереть.

Когда мы идем, луны будто двигаются в небе, сближаются, растут всё больше, пока они не выглядят так, словно могут врезаться в нас. Они выстраиваются, понимаю я, каждая их них перекрывается следующей, когда мы достигаем входа в исходную точку места происхождения. В углах моего поля зрения через лес продолжают нестись темные фигуры, исчезающие в тот момент, когда я пытаюсь посмотреть на них напрямую. Я хватаюсь за нити в моей груди, а затем пытаюсь затянуть их так туго, что бы остановить бессознательное создание иллюзий. Фигуры расплываются и исчезают на мгновение. Но они не исчезают полностью.

Наконец, впереди нас, Мэв и Терен замедляются. Сквозь лес и ночь на поляне светится тонкий луч света. Я вижу его впервые. Он светится на коре деревьев, и, когда мы сворачиваем, свет усиливается, стирая пейзаж в эфемерном сине-белом свечении. Я шурю. Деревья становятся редкими, а затем и вовсе останавливаются. Теперь мы вступаем на огромную поляну, покрытую девственно-белым снегом. Отсюда мы можем видеть долину, расположенную глубоко в центре, крутые горные хребты, дико растущие леса по обе стороны.

В середине этой долины находится источник сине-белого свечения, узкий луч, который, кажется, льется из другого царства.

В то же время импульсы энергии, которые я ощущала в последние несколько дней, вдруг обостряются, посылая острые удары боли в грудь, которые напоминают мне натяжение связи Энцо. Я задыхаюсь. Остальные тоже, они должны были подвергнуться такому же. Магиано стонет и хватается за голову. Рафаэль сгибается и морщится. Впереди нас на колени падает Мэв, а Терен вонзает свой меч в снег и опирается на него.

Мои иллюзии вспыхивают, посылая искры тёмных силуэтов, танцующих на снегу вокруг нас.

Это источник нашего происхождения, точка, где когда-то спустился с небес Лаэтеc, чтобы стать смертным, где впервые разорвалась энергия бессмертного мира, просочившаяся в наш мир, где вокруг образовалась Тёмная Ночь, сплетенная божественной энергией. Место, где началась история Молодой Элиты. Даже без Рафаэля, я чувствую энергию, исходящую из этого места, сотканную из нитей каждого из богов — Война и Мудрость, Страх и Ярость, Амбиции и Страсть.

Я встаю ближе к Магиано, прикасаюсь к его руке и двигаюсь в сторону Рафаэля. Что-то мерцает в лесах долины, когда я делаю это. Сначала я думаю, что это снова мои иллюзии. Тёмные фигуры, силуэты, которые выглядят, как монстры. Только вот Терен тоже поворачивается в их сторону, чтобы посмотреть на них. Он поднимает свой меч одновременно вместе с Мэв.

— Что это? — спрашивает он.

Когда слова исходят с его губ, одна из теней бредет из леса на поляну. Она издает резкие, щелкающие звуки своими зубами. Я в ужасе отшатываюсь. У создания нет глаз, только две пустые глазницы, в которых когда-то были глаза, и широкий рот, полный клыков. Оно несется вперед на четырех ногах, оставляя следы на нетронутом снегу. В его следах парит покров ярости, энергия настолько тёмная и мерзкая, что заставляет меня чувствовать

себя плохо. Позади него появляются другой. Затем, третий. Они выходят из всех закоулков леса, облизывая свои губы.

— Они тянутся к нашей энергии, — шепчет Рафаэль, широко раскрыв глаза.

Монстры, говорит мне шепот мертвых. *Монстры из Подземного Мира*.

Я посматриваю на дорогу, которой мы пришли. Больше теней шевелятся в лесу позади нас. Они везде, вытягиваемые нашими силами. Щелканье зубов эхом разносится сквозь деревья.

Беги.

Мы все начинаем бежать в сторону луча света. Наше внезапное движение заставляет несколько созданий повернуть свои головы в нашу сторону — они принохиваются в воздух, затем открывают свои рты, показывая острые клыки. Они несутся за нами.

Мое дыхание становится рванными вздохами, когда ледяной воздух обжигает мои легкие. Передо мной Люцента летит в снег, я протягиваю ей руку и ловлю её, прежде чем она падает. Мэв отходит от нас, оставляя между собой и Тереном некоторое расстояние, затем крутит своим лезвием. Её глаза сужаются. Она скалит зубы, аккуратно забрасывая оружие, когда одно из существ приближается, и замахивается на него.

Существо рычит и бросается к ней. Меч Мэв сверкает прямо к раскрытой пасти, врезаюсь глубоко в стороны его рта. Существо кричит оглушительным звуком. Через меня струится дрожь ярости и страха во время атаки. Будто Мэв перерезала меня вместе с тем существом. Сама Мэв тоже морщится.

Мы обе связаны с Преисподней. Эти существа-монстры из бессмертного царства, создания, которые являются частью нас, которые связаны с нами.

Мэв снова ударяет по существу. В этот раз она отбрасывает его в сторону и отправляет его кувyrкаться в снегу. Оно подергивается, пока Мэв продолжает бежать.

— Торопись! — кричит она.

За ней, существо начинает снова расти.

Терен мечется в другую сторону. Когда мы мчимся в сторону луча, он нападает на двух созданий, которые идут на нас справа. Он попадает прямо в шею существа, обезглавливая его, прежде чем всунуть меч глубоко в грудь второго существа. Первый падает корчась на снегу, везде проливая черную кровь, а второй кричит и пытается отбиваться. Я задыхаюсь в порыве боли от его смерти, спотыкаюсь и хватаюсь за горло. Люцента делает то же самое. Мэв с трудом добирается до нас, подталкивает к своим ногам и толкает нас вперед, заставляя идти. Мы бежим быстрее.

Магиано убегает с моей стороны. Он оборачивается лицом к существу позади нас, вытягивает пару кинжалов и глубоко вонзает их в лицо существа. Ещё один толчок боли проходит сквозь меня. Он выдергивает лезвия. Мы продолжаем бежать, когда существо падает и визжит.

Я добираюсь до долины первой. Здесь, деревья растут так близко к друг другу, что они, похоже, образуют лабиринт, ведущий к источнику происхождения. Когда мы бежим, я смотрю сквозь стволы и вижу свое мелькающее отражение в маленьких кусках льда между снегом, мимолётное и искаженное. Моё лицо бледное, мои волосы струятся серебром. Я выгляжу охваченной паникой.

— Берегись! — кричу я Рафаэлю, когда существо бросается сквозь лабиринт деревьев к нам.

Рафаэль отпрыгивает назад во время, и существо застревает лицом между трещиной в

стволе дерева. Оно рычит и тянется к нам когтями сквозь узкую щель, шелкая клыками. Рафаэль спотыкается назад и падает в снег.

Изниоткуда появляется меч, перерезающий существо пополам. Это Терен, обеими руками сжимая рукоять меча, он стоит над Рафаэлем, как верный страж. Больше существ бросаются к нему. Он нападает на них, заставляя их пятиться. Другое существо умирает от его лезвия.

— *Двигайся*, — огрызается через плечо Терен на Рафаэля. — Не заставляй меня спасать тебя снова.

Рафаэлю не нужно второе предупреждение. Он вскакивает и бежит за лучом света. Я делаю то же самое. За нами Терен поднимает свой длинный меч и ударяет в ещё одно существо.

Затем другое выскакивает перед нами, приземляясь глубоко в снег. Оно оборачивается на нас своими незрячими дырами и улыбается своей клыкастой пастью. Люцента рядом с нами болезненно выпрямляется и сжимает зубы, затем вытягивает свой собственный меч и замахивается на существо. Шёпоты возрождаются в моей голове, и я почти понимаю, чего они хотят. Они сосредоточены на мне.

Убей их, говорят они.

По моему телу проходит дрожь. Существо двигается вперед. *Нет*, думаю я в ответ.

Ты одна из нас. Они не нужны тебе, чтобы попасть в Преисподнюю. Ты принадлежишь себе. Это твой дом.

Яд шёпотов просачивается глубоко в моё сознание. Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Рафаэля, и мои мысли наполняются внезапным наплывом ненависти. Рафаэль, должно быть, видит изменение выражения на моем лице, потому что он вдруг отстраняется от меня. Глаза Люценты раскрываются шире.

— Нет, Аделина! — кричит она.

Я сжимаю кулаки.

Нет, думаю я, хватаясь за крик Люценты. *Нет*.

Существо рычит. Оно набрасывается на меня, только чтобы наброситься на лезвие Люценты. Она появилась передо мной так быстро, что я не успела и заметить этого. Существо взвизгивает, даже когда спазм боли врежется в меня от его агонии. Люцента вытягивает свое лезвие из груди существа, издавшего тяжелый рык, и вместе с Рафаэлем, мы оббегаем вокруг его вымученного тела.

Сейчас мы так близки к источнику. Но больше существ толпятся со всех сторон, их неуклюжие фигуры собираются рядом с лучом света и позади нас. Мы продолжаем бежать. Впереди нас группа существ окружает свет, и поворачивают свои отвратительные лица в нашу сторону. Мэв появляется, скаля зубы, и бросается на них. Я плету облако иллюзий вокруг неё и других, стараясь сделать их настолько невидимыми, насколько я способна.

Слишком многие из нас движутся. Я не могу задерживать иллюзию, но её достаточно, чтобы обеспечить им временное прикрытие.

Затем, откуда-то появляется Терен. Он тяжело дышит, а его глаза дикие от ярости, его рот искривлен в широкой улыбке. Его лезвия покрыты чёрной кровью, а его одежда испачкана красным. Он встречается со мной взглядом, затем поворачивается лицом к существу. С ревом, он нападает на них.

Существа толпятся на него, но даже так, они не могут его одолеть. Он продолжает драться, как зверь, пока остальные собираются у источника. Свет здесь достаточно яркий, и

мне нужно отвести глаза от него. Я снова оглядываюсь на Терена. Одно из существ погружает челюсти глубоко в его плечо: он издает предагонный рев. В тот же момент он крутится и ударяет существо глубоко в шею. Я вздрагиваю. Существо с криком вырывает свои клыки. Я бросаю свою энергию в направлении Терена, пытаюсь помешать ему чувствовать боль.

Магиано мчится мимо меня вместе с Мэв.

— Создай нам немного прикрытия! — кричит он мне. Он поглядывает на других. — Продолжай!

Прежде чем я могу сказать ему остановиться, он уходит, стремясь к Терену, отбивающемуся от монстров. Он вытягивает свои кинжалы и бросается к существу, карабкающемуся на спине Терена. В то же время, Мэв вытягивает стрелу и направляет её на второе существо, готовящееся броситься на Терена. Она выстреливает. Обе атаки попали в цель. Существа кричат и падают, но ещё больше продолжают появляться. Но не смотря на это, Терен продолжает драться, словно демон. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что он смеется. Он закрывает свои глаза.

— Боги говорят! — кричит он, когда существа рвутся к нему.

И мгновением спустя, один из монстров погружает острые, как бритва когти прямо в спину Терена, чёрные когти торчат прямо из его груди.

Я вздрагиваю, пораженная этим видом. Мэв тихо вздыхает, Магиано замер. Затем они снова движатся, бросаясь к нему, но глаза Терена раскрыты так же, как и его рот. Из уголков его губ сочится кровь. Его тело пытается исцелиться вокруг когтей твари, но они все еще глубоко в его сердце. Он дрожит. Ко мне вдруг возвращается вспышка смерти Энцо, а затем окончательные вздохи Джульетты.

Магиано бросается к существу, всё ещё впившееся в Терена. Он достаточно силен, чтобы отбросить существо назад, он черпает силы Терена. Я тяну сильнее, пытаюсь нанести иллюзию боли на существ. Они кричат на меня, но моя иллюзия не может вывести их из строя. Мэв направляет свое лезвие на приближающееся существо, которое атаковало Магиано, её лезвие перерезает руку демона. Когда существо корчится, Терен падает. Я озознаю, прежде чем его тело упадет на снег, он не сделает этого. Звон блокирует звуки в моих ушах. Я едва могу поверить в это, но Терен продолжает улыбаться. Его глаза смотрят в мою сторону.

Повисает молчание. Мы стоим, ошарашенные от этого вида.

Мэв и Магиано аккуратно укладывают Терена на спину, пока я спешу сделать несколько шагов вперед, чтобы увидеть его. Он обмякает, его дыхание медленное и неглубокое. Его глаза прикрыты. Рана на груди заживает, но не достаточно быстро.

— Терен, — говорю я, склонившись над ним.

Его глаза широко раскрываются на мгновение. Он не может сфокусироваться ни на ком из нас, и вместо этого, его взгляд направляется куда-то в ночное небо.

— Теперь я прощен, — бормочет он так тихо, что я думаю, что могу неправильно его понять. Я жду, когда его грудь снова поднимется, но этого не происходит.

Я понимаю, что смотрю вниз, на снег, вспоминая мои первые встречи с ним — как он привязал меня к столбу и пожелал мне сгореть, как он угрожал моей сестре и забрал жизнь Энцо, как даже после этого продолжал мучать жизнь мальфетто и Элиты, как я свела его с ума настолько, что заставила его убить любовь всей его жизни. Без сомнений, я понимаю, что он заслуживает смерти.

Так почему мне грустно? Я протягиваю руку и чувствую слёзы на своем лице. Почему меня волнует то, что с ним случилось? Я держала его у себя в плену, ненавидела его и пыталась. Я должна быть взволнованна этим моментом, ожидая увидеть его кровь, бегущую по снегу, пустые, безжизненные глаза.

Терен мёртв, и я не знаю, почему я плачу по нему.

Я тоже убивала и уничтожала. Я причиняла боль. Возможно, мы всегда были похожи, как он и говорил мне. И теперь, когда он ушел, я чувствую внезапную усталость, освобождение от горя. Его смерть знаменует собой конец длинной главы в моей жизни.

Он будет в Преисподней. Он будет нас ждать.

Монстры между деревьев до сих пор приближаются. Мэв и Магиано бегут к свету. Я слеую за ними в ошеломнении, мир по-прежнему беззвучен вокруг меня, снег размыт. С существами за нашими спинами, быстро догоняющими нас, и ослепительно-белым свечением перед нами, я отрываю свой взгляд от света, делая глубокий вздох. и вхожу в него одновременно с остальными.

Аделина Амутеру

МЕДИНА. Я прибыла? Это, действительно, океан Преисподней?
ФОРМЕДИТЕ. Говорят, дитя моё, ты стоишь на пороге смерти.

МЕДИНА. О богиня! Ангел Страха! Я не могу спокойно на тебя смотреть.
— *Восемь Князей, Тристан Кирсли.*

* * *

Энергия переполняет меня. Она заполняет каждую клеточку моего разума и тела, потоки энергии каждого бога — Страх, Ярость, Достаток и Смерть, Сочувствие и Красота, Любовь и Мудрость, Время, Радость, Война и Жадность. Я чувствую все и сразу. Она сжигает мои внутренности своей абсолютной мощью, и, на мгновение мне кажется, что я не смогу выдержать. Я хочу кричать. *Где остальные?* Я больше не слышу крики Магиано и Рафаэля. Я больше не чувствую ничего, кроме света и энергии.

Я пытаюсь открыть глаза, и в этот момент, я вижу небеса за пределами неба и глубину воды под смертным океаном.

Постепенно свет начинает исчезать. Воздух опять становится холодным, но он отличается от ветра в Тёмной Ночи. Он холодный, зарывающийся глубоко в мои кости, я чувствую окоченение, которое располагается у моего сердца и укутывает его в кокон льда. Неуверенно, я открываю глаза. Мир вокруг меня туманен и сер. Я узнаю этот серый цвет. Это Подземный Мир.

Под ногами я чувствую ощущение холодной воды. С одной стороны меня — Магиано. С другой стороны — Рафаэль, затем Мэв и Люцента.

Мы пересекли границы миров. Мы перешли в мир богов.

И хоть под нами маячит океан Преисподней, мы не погружаемся в воду. Вместо этого, мы стоим на поверхности, будто мы невесомы. Когда я смотрю вниз на воду, я замечаю, что поверхность воды не нарушается ни одной рябью. Вокруг зеркало бессмертного серого неба, царство между небесами и землей, пространство, где ты ни здесь, ни там; вода тёмная, почти чёрная, но полностью прозрачная. Глубоко внизу скользят силуэты огромных существ, которые я видела бесчисленное количество раз в своих кошмарах Подземного Мира. Вот только теперь мы прямо здесь.

Аделина.

Вокруг нас шепот, звучащий глубоко в моем сердце. Это голос, который я хорошо знаю. Я смотрю на всех остальных. Там, на некотором расстоянии, бледная фигура с длинными чёрными волосами, идущая на поверхности океана к нам. Когда она приближается, я не могу и двинуться. Остальные остаются замершими на месте. В моей груди селится холод.

Аделина. Потом она шепчет имена остальных. *Вы не принадлежите этому месту. Вы из мира живых.*

Формедите. Ангел Страха. Она пришла к нам без зова.

Её волосы простираются через весь океан, растягиваясь до горизонта так, что море позади неё становится ничем иным, как поле тёмных прядей. Она имеет тело ребенка, но исхудалое. Её лицо вытянулось, будто её кожа сильно затянута вокруг лица, и она блее, чем мрамор. Внезапно я вспоминаю первый раз, когда увидела её в своих снах, тем же вечером, после того, как Рафаэль испытал меня в обществе Кинжала.

Я преклоняюсь, когда она приближается к нам и другие делают то же самое. Рафаэль первый обращается к ней, не поднимая глаз с воды.

— Святая Формедите, — говорит он. — Стражница врат Подземного Мира.

Мы бормочем наши приветствия ей.

Под слоем её кожи, она, кажется, улыбалась ему. *Вернитесь в смертный мир.*

— Мы здесь, чтобы спасти тех, что похожи на нас, — отвечает Рафаэль. Он должен бояться её, как и все мы, но его голос остается уверенным и благородным, неослабевающим. — Мы здесь, чтобы спасти смертный мир.

Улыбка Формедите исчезает. Она наклоняется к нам. Страх возрастает во мне, и моя сила растёт вместе с ним, возбуждаясь во мне. Сначала она смотрит на Рафаэля, а затем поворачивается к Мэв. Что-то в Мэв заинтересовывает её. Она приближается к королеве Бельдайна, затем наклоняет голову в жесте, которое может быть вызвано только любопытством. *У тебя есть сила, малютка. Ты вытаскивала души из царства моей матери и возвращала их к жизни.*

Мэв склоняет голову ниже. Я вижу, что её рука заметно дрожит на рукояти меча.

— Прости меня, Святая Формедите, — говорит она. — Мне дали силу, которая была у богов.

Я была той, кто дал её, отвечает Форметиде. *Я знаю, что с тех пор вы узнали, что существуют последствия использования божественных сил.*

— Пожалуйста, позволь нам войти, — говорит Мэв. — Мы должны исправить то, что сделали.

Но Форметиде всё ждёт. Она смотрит на Люценту, затем на Рафаэля. *Дети богов,* говорит она, когда движется. А потом она смотрит на меня.

Страх шипит в моей груди. Формедите делает ещё один шаг вперёд, пока её фигура не нависает надо мной, бросая мягкие тени на океан. Она тянется вниз, протягивая одну костлявую руку, и проводит ей нежно по моей щеке.

Я не могу остановить свою силу, иллюзия тьмы выплескивается во все стороны: призрачные руки и красные глаза, видения дождливых ночей и дикие глаза лошадей, горящие корабли и длинные дворцовые коридоры. Я отшатываюсь назад, отрываясь от её прикосновения.

Дитя мое, говорит Формедите. Её странная, невыразительная улыбка возвращается. *Ты мое дитя.*

Я заворажена её лицом. Страх копошится внутри меня.

Формедите молчит. Призрачные звуки созданий из глубины эхом доносятся до нас, словно они пробудились к жизни из-за нашего присутствия.

Наконец, она кивает нам. Когда я снова смотрю вниз, фигуры существ становятся ближе к поверхности, и они толпятся друг на друга. Моё сердце колотится быстрее. Я знаю, что это значит, и кто поджидает нас под поверхностью. Ангелы-близнецы Формедите.

Вода под нами расступается. Я падаю в глубину, и моя голова погружается. Мир наполняет звук под водой. На мгновения, меня ослепляет темнота, и я инстинктивно тянусь

к Магиано. К Рафаэлю. К Мэв и Люценте. Я ничего не нахожу. Силуэты огромных существ скользят вокруг меня, образуя кольцо.

Когда я продолжаю тонуть, у меня получается увидеть лица существ.

Безглазые, с плавниками, монстрообразные, клыкастые. Я открываю свой рот, чтобы закричать, но появляются лишь пузыри. *Я не могу дышать.*

Энергия Преисподней тянет меня вниз, сильно давит на грудь, и у меня нет выбора, кроме как последовать за её зовом.

Одно из существ скользит близко к моему лицу. Это сама Кальдора, ангел Ярости. Она раскрывает свою пасть на меня, и низкое, навязчивое эхо отражается по всей воде. Хотя я и не вижу других, я ощущаю их присутствие. Я здесь не одна.

Следуй за мной, говорят мысли Кальдоры, проникая в мой разум. Она отворачивается, и её длинный чешуйчатый хвост делает петлю в воде. Я плыву за ней всё глубже и глубже.

Следуй за мной, следуй за мной. Шипение Кальдоры становится ритмичным в воде. Её голос сливается с моим собственным шёпотом, образуя зловещую гармонию. Вода становится чернее и чернее, пока давление не нарастает и я больше ничего не могу видеть, даже Кальдору, плывущую впереди меня, даже силуэты других существ, бродящих в воде.

Только глубина, чёрное, бесконечное пространство во всех направлениях, вплоть до самой бесконечности, до самого загробного мира.

Я погружаюсь в царство Смерти.

Аделина Амутеру

Как это, должно быть, благородно, боль Моритас, вечно стоять на страже молчаливых душ, судить жизнь и ей распоряжаться.

— *Жизнь, Смерть и Возрождение, учёный Гарун.*

* * *

Я не помню, что произошло, или как я добралась. Всё, что я понимаю, я здесь, стою на низком берегу серой земли — край, обрамляющий тихую и спокойную поверхность океана Подземного Мира. Оно неподвижно, как озеро.

Я смотрю вверх. Там, где должно быть небо, вместо него океан, словно я стою верх ногами на небе и смотрю на него вниз.

Я отворачиваюсь от воды. Всё окрашено в приглушенные тона серого цвета. Пульсация смерти бьётся во всем вокруг меня, в ушах ритмично звенит тишина. Я смотрю на плоский пейзаж, усеянный тысячами, миллионами *бесчисленных* множеств высоких стеклянных колонн. Белые переливающиеся столбы.

Каждый из них имеет очертание кварца и цвет лунного камня, формирующие идеальные ряды, которые протягиваются к горизонту, а затем возносятся высоко в забвение. Каждый столб, кажется, сверкает слабым серебристо-белым светом, оттенком, который выделяется на фоне единообразного серого цвета этого места. Когда я приближаюсь к ближайшему столбу, я вижу что-то внутри него, что-то подвешенное в пространстве камня. Трудно разобрать его форму, хотя это выглядит длинным и размытым. Я подхожу к столбу и прикладываю к нему свою руку.

Внутри него человек.

Моя рука отрывается, будто колонна слишком холодная, как лёд, а я отпрыгиваю назад. Глаза мужчины закрыты, его выражение лица спокойное. Что-то в его лице неподвластное времени, навсегда замороженное в его застывшей жизни. Я изучаю его подольше.

Это его душа, внезапно осознаю я.

Я отворачиваюсь от него и осматриваюсь вокруг колонн, растягивающиеся так далеко, сколько я могу видеть. Каждый из этих столбов является пристанищем души из смертного мира, остаткам от человека после того, как плоть и кости были возвращены на землю. Это библиотека Моритас — все, кто когда-либо существовал. Мои руки начинают дрожать. Если это место, где находятся все души умерших, то я могу найти здесь свою сестру.

Я осматриваюсь вокруг себя в поисках остальных. Мне требуется время, чтобы заметить луч света, освещающий мое тело, словно пометивший меня, как мгновение жизни в этом мире усопших. Четыре других луча разбросаны посреди этого лабиринта сверкающих столбов, их свечение чётко отличается на фоне серебряного и серого. Они кажутся очень далекими: каждого из нас отделяет бесконечное количество пространства.

Каждый входит в царство Смерти в одиночестве.

Пересекая этот жуткий пейзаж появляются шёпоты. Они пронизывают всё пустое пространство вокруг меня, вторя океану в небе. Тьма крадется вперёд, это что-то большее, чем то, что я когда-либо видела; чёрные облака растягиваются от небес к морю. Оно мутное, продвигающая всё дальше.

Аделина.

Это Моритас, богиня Смерти. Без тени какого-либо сомнения, я знаю, что это её голос.

Ты пришла поторговаться со мной, Аделина.

— Да, — шёпотом отвечаю я. — Я пришла. мы все пришли. чтобы закрыть разрыв между твоим миром и нашим.

Да, другие. Облако возвышается передо мной. *Твоя бессмертная энергия уже давно отсутствует в нашем мире.*

Мои силы, начинаю говорить я, но слова остаются у меня на языке. Даже сейчас, даже после всего пережитого. Шёпоты в моей голове возбуждаются, разозленные от того, что я хотела бы избавиться от них.

Шагни вперёд, Аделина, приказывает Моритас.

Я медлю. Облако передо мной — ужасающее скопление чёрных пятен и изгибов, фигуры монстров объединяются вместе. Ужас заставляет моё тело замереть на месте. Я прошла сквозь полуночные леса. Я пропутешествовала сквозь тьму пещер. Чтобы шагнуть в самую Смерть.

Страх — твой меч.

Мой меч, моя сила. Я делаю один шаг за другим. Облако подступает ближе и ближе. Я делаю ещё один шаг, и вхожу внутрь него, полностью поглощённая им.

Я иду в пространстве чёрного тумана и серебристо-белых колонн. Внутри каждого жемчужного сооружения — человек, парящий в вечном сне, и в них я вижу слабое отражение себя, вглядывающейся, представляющей, какими были их смертные жизни. Моё сердце ритмично колотится в груди. Я благодарна этому чувству, дающему знать, что я здесь не мертва. Шёпот плывет сквозь туман, голос Моритас, зовущий меня. Я следую ему, хоть и не знаю, куда он ведет меня. Я прохожу один ряд столбов за другим. Их световые свечения отражаются на моей коже. Я иду, пока не сбиваюсь со счёта, сколько рядов я прошла; и, когда я оглядываюсь через плечо в сторону моего изначального пути, я не вижу ничего, кроме рядов этих столбов вокруг.

Остальные блуждают в собственных кошмарах колонн, ища меня? Всё это время я вижу призрачные фигуры, так же гуляющие по путям между лунного камня, фигуры, на которые я не могу прямо смотреть. Возможно, это потерянные души, призраки. Возможно, Моритас говорит с другими, каждым по очереди.

Аделина.

Моритас звучит ближе. Я возвращаюсь на тропу передо мной, и тут я резко останавливаюсь. Лицо внутри столба, ближайшего ко мне, принадлежит бывшей королеве Кенетры, её глаза закрыты и на её лице мирное выражение. Джульетта. Её тёмные волосы будто плавают внутри колонны лунного камня, а её голые руки скрещены на груди. Я делаю неуверенный шаг в её сторону. На её теле нет ни единого признака ран, никаких доказательств меча Терена, вонзившегося в её грудь. Она чиста и навсегда заморожена в Подземном Мире. Я изучаю её лицо, я никогда не делала этого, когда она была жива. Она была прекрасна. *Энцо был так похож на неё.*

Я продолжаю идти. Тогда я понимаю, что во всех ближайших ко мне столбах люди,

которых я когда-то знала.

Здесь солдаты Инквизиции. Здесь Ночной Король Мерругаса, его брови нахмурены в гневе. Рядом парит Данте. Здесь же Джемма, её фиолетовая метка растягивается на её умиротворенном лице. Я шёпотом произношу молитву, когда прохожу её, прося у неё прощения, а потом заставляю себя идти вперед, узнавая одно лицо за другим. Я притормаживаю у Терена, который сейчас заключен в свою собственную колонну, он скрестил руки на груди, потеряв в вечной ночи. Сейчас он такой спокойный, каким я когда-либо его видела, и я надеюсь, что он нашел некое подобие мира.

И здесь Энцо. Я останавливаюсь перед его колонной. Кажется, будто он просто спит, его лицо спокойно и безупречно. Его руки всё ещё покрыты ожогами, которые у него всегда были, его кожа покрыта на них шрамами. Я стою рядом с ним в течении некоторого времени, будто возможно, что он может проснуться, если я простою с ним достаточно долго. Но он не просыпается.

Наконец, я иду дальше. Лица, кажется, размываются вокруг меня.

Я снова останавливаюсь, когда достигаю своей матери, которая застыла рядом с моим отцом. Я так долго не видела её, что я даже не узнала её. Виолетта выглядела в точности, как и она в молодости. Мои губы и сердце слегка сжимаются в печали. Я кладу руку на холодную поверхность столба.

Когда я концентрируюсь достаточно сильно, я чувствую, будто могу услышать её голос, её нежное, сладкое пение, мелодию, которую я помню из того времени, когда я была слишком маленькой. Я помню её руки на большом животе, могу вспомнить, как интересовалась, кто из него появится. Я смотрю на неё длительное время, возможно, целую вечность, прежде чем я, наконец, не решаюсь двигаться дальше.

Я не замораживаюсь, глядя на отца. Я ищу кого-то гораздо важнее.

Затем, я нахожу её. Виолетта.

Она очаровательна. Потрясающа. Её глаза закрыты, но если бы они были открыты, я знаю, я могла бы смотреть в знакомые карие глаза, не безжизненно серые, которые были у неё в последние дни жизни, а карие. Я тянусь к ней, но лунный камень встает на пути между нами, и я довольствуюсь лишь прижиманием руки к поверхности, глядя в лицо сестры. Моё лицо мокрое от слёз. Она здесь, в Преисподней. Я снова вижу её.

Аделина.

Я отрываю взгляд. И там, я вижу это. Я мгновенно понимаю, что это то, за чем мы пришли.

В центре этого пейзажа радужных переливающихся столбов тёмный луч, чёрный столб в центре лунного камня. Он рассекает воздух и врежется в небо, настолько высоко, сколько я вижу, и вокруг него вихрится тёмный туман. Рана, простирающаяся из Преисподней, вплоть до смертного мира и выше небес. Слова Рафаэля вспоминаются мне в один миг. Это разрыв, — древняя слеза — который впустил бессмертный мир в смертный, когда Радость снизошла на землю в виде человека, а затем снова вернулась в небеса. Там, где возникла Кровавая Лихорадка. Даже здесь, я чувствую тёмную силу, неправильную силу. Я помню ощущение деревянного стола под моим телом, вкус коньяка на моих губах, который доктор прописал для моей болезни, звук его появления в моих палатах, когда мне было всего четыре года, нависший раскаленный нож над моим инфицированным глазом, я кричала и плакала, умоляя его не делать этого.

Это источник лихорадки, которая затронула каждую из наших жизней. Чем ближе я

подхожу, пространство за колоннами становится темнее, пока не кажется, что я иду прямо в ночи, поглощенная этим туманом.

Я дохожу до столба. Клубящийся мрак изменяется, превращаясь в форму возвышающейся фигуры, тёмной и элегантной, её тело окутано одеждами из тумана, пара рогов скручивается высоко над головой. Она смотрит на меня чёрными глазами. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но ничего не выходит.

Моритас, богиня Смерти.

Дитя моё, говорит она. Её чёрный взгляд фокусируется на мне. Её голос отдается глубоким и мощным звуком, который эхом окликается по всей местности и внутри груди — настолько древняя вибрация, которая болит в моих костях. *Дети богов*. По обе стороны от неё, появляются другие фигуры, высокие и молчаливые. Я узнаю Формедите с её длинными чёрными волосами и безликим лицом. Кальдора с огромными и чудовищными плавниками.

Затем, человек, одетый в золотой плащ и драгоценные камни. Денариус, ангел Жадности. Фортуна, богиня Достатка, под покровом блеска и алмазов. Амаре, бог Любви, невероятно завораживающий. Тристус, ангел Войны, со своим мечом и щитом. Сапиентус, бог Мудрости. Здесь и Эваитес, бог Времени, и Пулхритас, ангел Красоты. Компазия, ангел Сочувствия.

Лаэтес, ангел Радости.

Здесь все боги и богини, они пришли за своими детьми.

— Моритас, — шепчу я, слова едва звучат из моих губ. Моя сила клокочет в её присутствии, угрожая разрушить мою смерть, смертное тело.

Вы никогда не предназначались для владения нашими силами, говорит она. Мы наблюдали из бессмертного мира за тем, как ваше существование изменило смертный мир.

Моритас опускает голову и закрывает глаза. Остальные материализуются из чёрного тумана рядом со мной. Рафаэль, Люцента, Мэв. Магиано. Я хочу пойти вперед, желая подойти к ним, к нему. но всё, что я могу делать, это смотреть. Они тоже, кажется, заворожены.

— Чего вы хотите, за исправление этого? — шепчу я. Я знаю ответ, но почему-то я не могу заставить себя сказать его.

Моритас снова открывает глаза. Её голос звучит в унисон с голосами её братьев и сестер. *Ваши силы. Откажитесь от них, и вы все вернётесь в смертный мир. Отдайте их нам, и мир исцелится.*

Для того, чтобы восстановить мир, мы должны вернуть наши силы. Мы будем последней Молодой Элитой.

Шёпоты поднимаются в моей голове, царапают, цепляются глубоко в мою плоть. *Нет*. Я кричу от боли. *Как ты смеешь*, они режут. *После всего, что мы сделали для тебя. Как ты смеешь думать о жизни без нас. Ты не можешь выжить без нашей помощи. Ты забыла то чувство, когда нас отнимают у тебя? Разве ты не помнишь?*

Я помню. Воспоминание о мучительном дне, когда Виолетта забрала мои силы, бьёт меня так сильно, что я отшатываюсь назад. Это чувствуется в сто раз хуже, чем я помню, будто кто-то разрывает полость моей груди, зарывает кулак к моему сердцу и пытается вытащить его. Я дрожу от боли.

Это невыносимо.

И для чего же? Чтобы защитить остальной мир? Ты ничего им не должна; ты правишь ими. Вернись в свой дворец и продолжи свое царствование.

Это такое заманчивое предложение.

— Я не могу сделать это, — говорю я Моритас, когда мой голос дрогнул. — Я не могу отдать тебе свою силу.

Тогда ты умрешь здесь. Моритас поднимает руки. *Если ты добровольно предложишь свою силу, ты можешь вернуться обратно в смертный мир живой. Твои силы не могут вернуться с тобой. Каждый из вас должен сделать это.*

Каждый из нас. Если мы все отдадим наши силы, нам позволят вернуться в мир живых.

Пейзаж вокруг нас окутан крошечной тьмой. Я делаю глубокий вдох, наполняя себя им, и встряхиваю чувства. Сила внутри меня, вся тьма, которую я когда-либо чувствовала, вся тьма, которую я была в состоянии призвать, бледнеют в сравнении с силой тьмы богини Смерти. Моритас владеет миллионами, миллиардами бесконечных потоков одновременно, и под убийственным влиянием её силы я вижу все страдания, которые произошли с начала времени. Видения поглощают меня целиком.

Я вижу огонь, который создал мир, огромный океан, который существовал до того, как боги сотворили землю. Волна Радости в смертном мире, первое распространение Кровавой лихорадки. Она несется через деревни и города, через королевства, убивая всё живое своим бессмертным прикосновением, убивая многих, оставляя шрамы. даруя бессмертную силу. Я вижу крики и стоны ужаса Кенетры. Я вижу мальфетто, горящие на костре, Элиту, которая борется. Я вижу себя.

Я вижу тьму, обрушивающуюся на наш мир, и мы в неё.

Бедное дитя, говорит Моритас. Рядом с ней на меня молча смотрят формы Кальдоры и Формедите. *Ты умрешь с тьмой, зажатой в своих руках?*

Нет. Я оборачиваю руки вокруг себя и смотрю за спину, словно кто-то мог бы прийти и спасти меня. *Виолетта.* Она была за меня, однажды. Мы любили друг друга, однажды.

Моритас наклоняет голову в мою сторону в любопытстве. *Ты привязана к своей сестре.*

И потом, со мной что-то происходит. Мы уже вступили в царство мёртвых со всеми соответствиями вместе, даже с теми, кто погиб на пути. Терен. Виолетта. Если мы вернем свои силы богов, то мы отдадим свои жизни в обмен, сможем выйти из этого бессмертного царства и вернёмся к живым. Значит ли это, если мы сами отдадим наши силы, если я отдам свои, то мы все, кто пришли предложить свои силы, можем вернуться в мир смертных? Даже Терен сможет снова жить?

Даже Виолетта сможет вернуться? *Это вернёт мою сестру?*

Сцена сменяется снова. Я в своем детстве, иду рука об руку с Виолеттой. Я лежу в постели, сраженная с Кровавой лихорадкой. Я слежу за изменением цвета волос от тёмного к светлому, оседающего в серебристый. Я вижу моё шрамированное лицо, разбивая зеркало на миллионы осколков. Затем я вижу свое будущее. Я королева Кенетры, правительница моря, солнца и неба. Я сижу в одиночестве на своём троне, глядя на свою империю.

Зрелище будоражит мои амбиции, и шёпоты в моей голове воркуют. *Да, это то, чего ты хочешь. Это всё, чего ты когда-либо хотела.*

Но затем я вижу себя, свернувшуюся на мраморном полу тронного зала, рыдающую в окружении иллюзий, которые я не могу стереть. Я смотрю на них в ужасе, как я преследую свою сестру, как держу нож у её горла и угрожаю её жизни. Я вижу себя, набрасывающуюся на Магиано, приговаривая его к казни, после того, как он пытается остановить меня от причинения себе вреда. Я вижу себя, рыдающую, мечтающую вернуть то, что я сделала. Я смотрю на то, как я запираюсь в собственных палатах, крича иллюзиям с длинными

черными когтями оставить меня одну. Я остаюсь навсегда запертой, обезумевшей и испуганной, пока, наконец, ночью не вижу еще один кошмар.

Я в ужасе просыпаюсь от него снова и снова, только чтобы быть потерянной в другом сне. Я бегу к двери, тщетно пытаюсь удержать темноту снаружи. Я просыпаюсь и делаю то же самое. Я кричу о помощи. Я просыпаюсь. Я бесполезно толкаю дверь. Я просыпаюсь. Я повторяю всё снова и снова, вот только в этот раз я не могу удержать дверь, и она открывается. С другой стороны бесконечная тьма, разинутая пасть Преисподней, Смерть приходит за мной. Я пытаюсь снова закрыть дверь, но темнота давит на неё. Она скалится на меня. Затем выпадает, и, даже когда я пытаюсь оградить себя, она разрывает меня на куски и пожирает мою душу.

Такой будет моя жизнь.

Я думаю о кучке камней, которую нам пришлось оставить в горах. Помню ощущение тепла моей сестры в колыбели моих рук, себя, рыдающую в её замороженные волосы, говорящую ей снова и снова, что я сожалею, умоляющую не оставлять меня.

Если я отдам свои силы богине Смерти, если мы все это сделаем, то возможно, она вернет мою сестру. Виолета может снова жить; может быть, мы все вернёмся отсюда. Возможность момолетна, но она есть и она посылает дрожь дикой надежды сквозь меня. *Она может жить. Я могу, по крайней мере, разрушить это одной ошибкой. Я могу исправить то, что я сломала между нами.*

И я могу спасти себя.

Медленно, я поднимаюсь на ноги. Я всё ещё боюсь, но я высоко поднимаю свою голову. Шёпоты в моей голове вдруг начинают выть. Они призывают меня, умоляют не оставлять их, шипят на меня за моё предательство. *Что ты делаешь! они кричат. Ты забыла? Руки твоего отца, избиения, твои враги, смеющиеся над тобой? Горящий костер? Это жизнь без сил.*

Я сопротивляюсь их натискам. *Нет*, это не моя жизнь без сил. Моя жизнь без сил будет проходить сквозь толпу без тьмы, натягивающейся в моем сердце. Она будет видеть Виолетту в живом мире, снова смеющуюся. Это будет езда на лошади с Магиано, когда мы пересечем другую гору, в поисках приключений. Это будет жизнь без этих шёпотов в моей голове.

Это будет жизнь без духа моего отца.

Это будет *жизнь*.

Я смотрю на Моритас. Затем я тянусь в глубину себя, захватывая нити, которые сплетаются вокруг моего сердца с того времени, когда я была ребенком. Я вытягиваю их. И я отказываюсь от них. Шёпоты вопят.

В то же время я вижу, как другие делают то же самое. Я вижу Магиано, предоставляющего свои силы подражания бессмертному миру; я вижу Рафаэля, жертвующего свою связь; я вижу Люценту, возвращающую свое владение ветром; я вижу Мэв, отдающую свое право Преисподней.

Мир вокруг меня взрывается. Силой он отбрасывает меня на землю. Я тяну воздух, и кричу от боли силы, вырывающейся из меня. Клубится тьма, и шепоты оглушающие. Они кричат в мои уши, их боль моя. Я сгибаюсь защищая себя.

Затем, внезапно, они уходят. Шёпоты, которые преследовали меня так долго. Каждое слово, каждый свист, каждый коготь. Каждая ниточка тьмы, что окутывала мое сердце.

Уходят.

Острые ощущения ярости, горя, радости, наполняющие моё сердце, заменяются

пустотой. Я тянусь, но не нахожу ничего на другом конце. Нет ни одной нити, за которую я могла бы потянуть. Я больше не Элита.

Иди, говорит Моритас, голоса других богов вторят ей. Вернись в смертный мир с другими. Вам здесь не место.

Я прижимаю ладонь к груди, ошеломленная пустотой в моём сердце. Мы идем домой.

Затем я вижу через остатки тёмной колонны фигуру моей сестры. Виолетта.

Она всё ещё заключена в своей опаловой могиле, её лицо смертельно спокойно, её руки скрещены на груди. Она парит передо мной. Я тянусь к ней. Я смотрю на её возвращение к жизни.

Но Виолетта не просыпается. Мой пыл колеблется. В этой подавляющей тишине, я отчаянно жду, когда она откроет глаза.

Моритас снова смотрит на меня. Я едва вижу её сквозь чёрный, сбивающийся туман.

Твоё время в Подземном Мире ещё не пришло, Аделина, говорит она.

Отказавшись от своей силы, я предлагаю тебе твою жизнь взамен. Она поворачивается к Виолетте. *Но её время в смертном мире закончено.*

Мой восторг падает. Виолетта уже умерла. Моритас не отдаст её душу. Она не вернётся на землю с нами.

— Пожалуйста, — шепчу я, снова поворачиваясь к богине. — Должно быть что-то, что я могу сделать.

Моритас смотрит на меня чёрными глазами. *Душа должна быть заменена душою.*

В обмен на жизнь Виолетты, я должна пожертвовать чем-то, что мне не выгодно.

В обмен на жизнь Виолетты, я должна отдать Моритас свою жизнь.

Нет. Я отстраняюсь, спотыкаясь назад. Все эти вещи, которые я увидела в моём будущем, всё то, что я могу иметь. Я думаю о Магиано, о том, как мы смеялись с ним, о его улыбке и о том, как он притягивал меня ближе. Я никогда не сделаю этого снова, если отдам свою душу. Никогда не пройду по улицам с рукой, сжимающей его руку, или не услышу мелодию его лютни. Моё сердце мечется в агонии. Я не увижу восхода, я не увижу заката. Я не увижу звёзд и не почувствую ветра на моем лице.

Я трясу головой. Я могу занять место моей сестры.

И все же.

Я смотрю на бездыханное тело Виолетты, навсегда застывшее. Со жгучей уверенностью, я понимаю, что Виолетта, с которой мы проделали весь этот путь, никогда не сомневалась предложить свою жизнь в обмен на мою.

Я убивала и причиняла боль. Я покоряла и разоряла. Я сделала всё это для удовлетворения собственных желаний, сделала всё это из-за собственного эгоизма. Я всегда забирала то, что хотела, и это не приносило мне ни малейшего счастья. Если я вернусь на поверхность одна, я всегда буду помнить момент, когда решила выбрать свою жизнь вместо жизни сестры.

Он будет преследовать меня, даже с Магиано на моей стороне, вплоть до моей смерти. То, что я увидела для себя в будущем — это будущее, которое я не могу принять, не с прошлым, которое я уже создала. Это иллюзия.

Ничего большего.

Возможно, после всех жизней, которые я забрала, мое искупление — возрождение одной жизни.

Я инстинктивно тянусь к сестре. Я встаю, подхожу к ней сквозь туман, и кладу руку на

серебристо-белый столб.

Она открывает глаза.

— Аделина? — шепчет она, моргая.

И всё, что я вижу перед собой, это маленькая сестра, которая вплетала мои волосы в косы, которая пела мне и хныкала под лестницей, которая перевязывала мой сломанный палец и приходила ко мне во время грозы.

Она моя сестра, всегда, даже мёртвая, даже на расстоянии.

Моё сердце снова сжимается, когда я думаю, что я делаю, и я сдерживаю рыдания. *Ах, Магиано. Я буду скучать по всем дням, котрых у нас не будет, по всем моментам, которые мы не разделим друг с другом.*

Прости меня, прости меня, прости меня.

Я открываю рот. Я хочу попросить прощения у сестры за то, что не смогла спасти её в горах, попросить прощения за то, что не послушала её, за то, что не говорила ей почаще того, что люблю её. Я готова сказать тысячи слов.

Но я не говорю ни одно из них. Вместо этого я говорю:

— Сделка завершилась.

Слабое свечение окружает Виолетту. Колонна исчезает. Она втягивает глубокий вдох воздуха, затем опускается на колени. *Она жива.* Я даже чувствую биение её сердца, жизнь, которую оно даёт ей, которая проникает в неё, как волна, добавляя цвет её коже и света в её глазах. Она трясет головой, затем протягивает руку, чтобы схватить мою, когда я опускаюсь на колени рядом с ней.

— Что случилось? — бормочет она.

Она осматривается вокруг. Позади неё витает фигура Моритас, терпеливо ждущая меня.

Сделка завершена.

Виолетта тянет мою руку.

— Пойдем, — говорит она, её пальцы крепко сжимают мою руку.

Но я уже чувствую слабость, заполняющую моё тело. Мои плечи понижают. Я борюсь, чтобы сделать следующий вздох. Всё вокруг меня, потоки тьмы, когда-то связанные с моим телом теперь привязываются глубоко в серую массу, и когда я пытаюсь оторваться от них, они словно пронзают моё тело миллионами крючков в разных местах. Смерть уже пришла за мной.

— Я не могу, — шепчу я ей.

— Что это значит? — хмуриться на меня Виолетта, не понимая. — Теперь, дай мне помочь тебе, — отвечает она, наклоняясь ко мне, обернув одну руку вокруг моих плеч и пытаясь поднять меня. Она тянет только укрепляющиеся нити, и я кричу, когда боль копьями пронзает меня.

— Я привязана к этому месту, Виолетта, — шепчу я. — Это моя сделка с Моритас.

Глаза Виолетты округляются. Она смотрит на надвигающуюся вокруг тьму, на возвышающийся выцветший образ Моритас, молча наблюдающей за нами. Затем Виолетта поворачивается ко мне. Теперь она понимает.

— Ты обменяла свою жизнь на мою, — говорит она. — Ты пришла за мной.

Я качаю головой. Нет, я пришла сюда за собой. Это было моей целью с самого начала — спасти себя под предлогом спасения мира. Я провела всю свою жизнь, борясь за своё благополучие и власть, уничтожая в замен на то, что произошло. Я хотела жить. Я всё ещё хочу жить.

Но я не хочу жить той жизнью, которая у меня была. Виолетта хватает меня за плечи. Она трясет меня.

— Я должна была уйти! — плачет она. — Я была больна, я умирала. Ты королева Морских Земель, у тебя всё ещё впереди. Зачем ты это сделала?

Слёзы наполняют её глаза. Они такие же, как и у нашей матери, печальные и добрые.

Я слабо улыбаюсь ей. Тьма пульсирует, ожидая меня, и нити, тянущие меня вниз, продолжают связывать меня.

— Всё хорошо, — шепчу я, беря руку Виолетты с моего плеча и сжимая её в своей. — Всё в порядке, сестренка, всё в порядке.

Виолетта поворачивает свое лицо к Моритас в отчаянии.

— Дай ей вернуться, — говорит она.

Рыдания искажают её слова.

— Пожалуйста. Это не правильно, я не должна жить. Отпусти её. Я не хочу возвращаться без неё.

Но Моритас просто молчит, наблюдая. Сделка завершена.

Виолетта плачет. Она оглядывается на меня, потом прижимает свое тело ко мне, притягивая к себе. Я протягиваю руку и обнимаю её, и мы сцепляемся вместе в этом тумане. Моя сила убывает; даже нависать на Виолетте, кажется, отнимает все мои силы, но я отказываюсь отпускать её. Слёзы скатываются по моему лицу. Осознание того, что я умираю, тонет в моих тугих объятиях. *Я никогда не увижу смертный мир. Я никогда не увижу*

Магиано. Я чувствую, как разрывается моё сердце, и чувствую внезапный страх.

Страх — твой меч.

— Оставайся со мной, — шучу я. — Ненадого.

Виолетта склоняет голову мне на плечо. Она начинает напевать песню, знакомую песню, которую я не слышала уже очень давно. Та колыбельная, которую я пела ей, когда мы были маленькими, та, которую когда-то пел мне Рафаэль у берега эстенцианского канала, история о речной девушке.

— Первые Весенние Луны, — шепчет она. — Помнишь?

Я помню. Это был залитый солнцем вечер, и я протянула Виолетту сквозь поле золотой травы, которая росла на земле у нашего дома. Она смеялась, спрашивая меня, где я её брала, но я просто хихикала и прикладывала палец к губам. Мы проходили через ширь, пока не доходили до острого выступа, возвышающегося над центром нашего города. Когда солнце отбрасывало фиолетовые, розовые и оранжевые оттенки вдоль неба, мы ползли на животах к краю скалы. Искры цвета и света танцевали вдоль городских улиц. Это была первая ночь Весенних Лун, и начали появляться гуляки. Мы с восторгом смотрели, как взрываются фейерверки в небе, разбрасывая ещё больше цветов мира, а этот звук оглушал нас радостью.

Я помню наш смех, как мы неловко держались за руки, невысказанность между нами, то, что мы на мгновение были свободны от отца.

— Сёстры навсегда, — заявила тогда Виолетта своим молодым голосом.

До смерти, даже в смерти, и за её пределами.

— Я люблю тебя, — сказала она, страстно нависая на мне, даже когда у меня заканчивались стлы.

Я тоже люблю тебя. Теперь я прислоняюсь к ней, истощенная.

— Виолетта, — бормочу я.

Я чувствую себя странно, бредово, словно жар охватил меня во сне. Слова звучат слабо и невесомо, от кого-то, кто напоминает мне себя, но я не уверена, что я всё ещё здесь.

Я хорошая? Я пытаюсь спросить её.

Слёзы падают из глаз Виолетты. Она ничего не говорит. Возможно, она больше не слышит меня. Я отдаляюсь в этот момент, продолжая уходить.

Мои губы едва могут двигаться.

После жизни во тьме, я хочу оставить что-то, что состоит из света.

Обе её руки сжимают моё лицо. Виолетта смотрит на меня такой решимостью, затем тянет к себе и обнимает меня.

— Ты — свет, — отвечает она мягко. — И когда ты сияешь, ты сияешь ярко. Её слова становятся слабыми, и она начинает исчезать. Или, возможно, исчезаю я. Шёпоты внутри меня ушли, оставив вместо себя тишину, но я не скучаю по ним. Вместо них тепло Виолеттиных рук, биение её сердца, которое я слышу в груди, зная, что она покинет этот мир и вернётся живой.

Пожалуйста, шепчу я, и мой голос льется тихо, словно призрак. Скажи Магиано, что я люблю его. Скажи ему, что я сожалею. Что я благодарна.

— Аделина, — говорит Виолетта взволнованно, когда она продолжает угасать.

Я чувствую её слабее. — Подожди. Я не могу.

— Иди, — говорю я мягко, одаряя её грустной улыбкой.

Виолетта и я смотрим друг на друга, пока я не прекращаю видеть её. Потом она исчезает в темноте, и мир вокруг меня расплывается.

Я чувствую холодную землю под щекой. Я чувствую пульс моего погибающего сердца. Надо мной склоняется фигура Моритас, покрывающая меня милосердным покрывалом ночи. Я делаю медленный вдох.

Однажды, когда я буду ничем иным, кроме как пылью и ветром, какие истории они будут слагать обо мне?

Ещё один медленный вдох.

Другой.

Последний выдох.

Виолетта Амутеру

Существует старая легенда о Компазии и Эратосфене. Когда Виолетта садится на корточки, плача по умершей душе сестры, она думает о ней.

Аделина впервые рассказала эту историю, когда она была очень маленькой, в один из ярких дней в саду их дома. Виолетта помнит, как удовлетворенно слушала, пока она плела в серебристых волосах сестры косы, мечтая о том, чтобы и её волосы были так прекрасны, благодарная и виноватая в том, что она не несёт последствий за это. Давным-давно, сказала Аделина, когда мир был молодым, бог Амаре создал царство людей, которые неблагодарно отвернулись от него. Обида и ярость Амаре призвали молнии и грозу, заставляли моря подниматься и топить королевство под волнами.

Но он не знал, что его дочь Компазия, ангел Сочувствия, была влюблена в парня из королевства. Только Компазия осмелилась бросить вызов Святому Амаре. Даже когда её отец утопил человечество в наводнении, Компазия дошла до своего возлюбленного и превратила его в лебедя. Он летел высоко над потопом, выше луны, затем ещё выше, пока его перья не превратились в звёздную пыль.

Каждую ночь, когда мир впадал в тишину и только звёзды бодрствовали, Компазия спускалась с небес на землю, а созвездие Лебедя Компазии превращалось обратно в Эратосфена; и вместе они гуляли до рассвета, который снова их разлучал.

Виолетта не знает, почему она думает об этой истории сейчас. Но Аделина заключила сделку с Моритас за её жизнь, поэтому Виолетта оказалась у ног Компазии, её собственной богини, просящая за сестру, которая однажды ударила её, которая когда-то отвергла её, которая боролась и причиняла ей боль. Она думает о ночи, когда они стояли рядом, отплывая через море и небо звёзд.

Виолетта соответствует Компазии, ангелу Сочувствия. И она заключит с ней сделку.

Аделина Амутеру

Я мёртв. И через смерть, я понимаю жизнь.
— *Письмо генерала Элизео Барзанти своей жене.*

* * *

Где-то на расстоянии есть маленький, единственный свет. Он сверкающий и синевелый, напоминающий цвет, который я видела, когда мы вступили в бессмертное царство через источник нашего происхождения. Это свет бессмертия, свет богов, звезда в небе среди миллиардов. Я стремлюсь к нему, борюсь с ночью, чтобы схватить эту искру тепла. На мгновение, я вижу мир за пределами нашего мира, небеса, звёзды, которые горят возле меня.

Где-то в темноте я слышу голоса. Они, в отличии от голосов, которые я когда-то слышала, более чёткие, как стекло, мощные и глубокие, настолько невыносимые в своей красоте, что я пугаюсь того, что они могут свести меня с ума. Кажется, они говорят моё имя.

Когда я приближаюсь к лучу, он распадается на множество других цветов. Красный и золотой, янтарный и чёрный, глубокий синий и летний светло-зеленый. Они собираются вокруг меня в колонны цвета, пока это не становится похоже на то, будто я стою на земле, а цвета обступают меня круговоротом.

Боги.

Аделина, один из них говорит. Я знаю, что это Компазия, ангел Сочувствия.

Заключена ещё одна сделка.

Я не понимаю, отвечаю я. Они такие высокие, а я настолько маленькая.

В моём теле селится ощущение света, ощущение ветра и звёзд. Оно распадается во мне. Затем, появляется небо.

Ты будешь .

Рафаэль Лоран Бассет

Сверкающая вспышка света и сигнал, который отражается на земле снаружи из источника происхождения. Рафаэль падает на колени. Мир вращается вокруг него, снег и монстры, лес — всё смешивается в одно пятно, и пару мгновений он не может двигаться. Слезы стекают по его лицу.

Сквозь затуманенный взгляд он видит монстров, замедленных в своих атаках, их тела сгорбились, их зияющие челюсти закрыты, а их безглазые дыры смотрят в другую сторону. Они кажутся растерянными, будто кто-то забрал их энергию и оставил лишь их полые тела. Один из них спотыкается вперед, испуская низкий стон. Затем он падает. Его тело разбивается на мелкие осколки чёрного, разлетающиеся по снегу, как битое стекло.

То же самое происходит с другим существом, затем с другим. Все монстры вокруг них, которые казались непобедимыми, распадаются на кусочки.

Рафаэль смотрит в сторону источника. Луч света, слияние смертного и бессмертного миров, исчез.

Рафаэль делает глубокий вдох холодного воздуха и пытается очистить голову. Всё казалось сном, чередой событий, нарисованных на холсте. Что произошло? Он помнит падение в глубину мёртвого океана, падение в Преисподнюю, прибытие на берег другого мира. Там было бесконечное количество серебристо-белых столбов, достигающих бесконечно серое небо, и чёрный туман, который окутал всё вокруг него, усики тьмы выьющиеся у его ног в ожидании его смерти.

Он помнит, что видел спящих отца и мать, заключенных в лунный камень. Он увидел старых товарищей и друзей из Дворца Фортунаты. Он увидел Энцо. Он приклонил колени и плакал. В далеке был свет, остальные его товарищи, до которых он не мог добраться. Боги и богини собрались перед ним, с их ярким светом и несметными голосами.

Лучше всего он помнит, как проник в свое сердце и разорвал свою связь с бессмертным миром, возвращая свою силу богам.

Было ли всё это на самом деле? Рафаэль садится в снегу. Он протягивает руку. Он ловит только холодный воздух, а его пальцы ничего не ощущают. В его груди теперь пустота, легкость, и, когда он тянется за потоками своей энергии, он понимает, что они исчезли. Словно часть его погибла, позволяя оставшейся части жить.

Тёмная Ночь стала зловещей тишиной. Всё, что осталось — снег и леса, остатки медленно угасающих созданий, погружающихся в белый. Время проплывает мимо. Его зрение проясняется. Наконец, Рафаэль находит в себе силы встать. Вокруг него остальные. Сначала он видит Люценту, стряхивающую снег с волос, рядом с ней Мэв помогает себе подняться своим мечом, погруженным глубоко в снег. Магиано сидит рядом, схватившись за голову. Они, должно быть, чувствуют ту же пустоту, что ощущает сейчас Рафаэль, все они тщетно пытаются дотянуться до своих сил, которые совсем недавно горели прямо на кончиках их пальцев.

Инстинктивно, Рафаэль тянется, чтобы почувствовать их эмоции. но всё, что он чувствует, это укус холода.

Так странно, в новой реальности.

— Исчезла, — первая шепчет Мэв.

Она закрывает глаза, делает глубокий вдох и поднимает голову к небу. Странное выражение на её лице, которое мгновенно понимает Рафаэль.

Это горе, выражение скорби. Выражение умиротворенности.

— Где Аделина? — теперь это голос Магиано.

Он оглядывается вокруг, пытается найти её. Рафаэль хмурится. Он видел Аделину, он был уверен в этом. Её сверкающие серебряные волосы в чёрном тумане; шрам на лице; её всегда поднятый подбородок. Она была в Преисподней вместе с ними. Рафаэль просматривает местность, его желудок сжимается в узел, когда Магиано снова зовёт её.

Вот она.

Рядом с ним шевелится девушка, её волосы присыпаны серебром и белым снегом, он падает на её лицо. Рафаэль чувствует мгновенное облегчение при виде неё, пока она не поднимает голову.

Нет, это не Аделина. Это *Виолетта*, чьи тёмные волосы прячутся под белым снегом. Метки, которые пересекали её кожу, исчезли, а к её щекам вернулся цвет жизни. Она мотает головой, моргает, и смотрит по сторонам.

Её глаза красные от слёз, но она здесь, и она жива.

Рафаэль лишь молча смотрит.

Невозможно. Как она здесь оказалась?

Где Аделина?

Магиано уже встал на ноги и пробрался по снегу к ней.

— Виолетта, — зовет он.

Его глаза широко раскрыты, а зрачки расширены. Он выглядит так, будто не может поверить в то, что сейчас происходит. Затем он обнимает её, поднимая и очищая от снега. Виолетта издает удивленный звук.

— Что случилось? Как ты.

Невозможно, повторяет про себя Рафаэль. Как Виолетта вернулась из Преисподней? Она не похожа на Энцо, которого вытянула Мэв, с его чёрными озерами в его глазах и энергией, похожей на смерть. Нет, Виолетта выглядит здоровой и живой, даже сияющей, такой она была, когда Рафаэль впервые встретил её. Он хочет воскликнуть, обрадоваться из-за её возвращения.

но её выражение лица говорит ему иначе.

Магиано отталкивает её и держит вытянутыми руками. Он хмурится.

— Почему ты здесь? — восклицает он. — Где Аделина?

Виолетта отвечает ему взглядом, в который невыносимо смотреть. Улыбка Магиано стирается. Он трясёт её один раз.

— Где Аделина? — спрашивает он снова.

— Она заключила сделку с Моритас, — наконец говорит Виолетта, её голос срывается.

Магиано хмурится, всё ещё не понимая.

— Мы все заключили сделку с Моритас, — отвечает он. — Я был там, был в Перисподней. мы были там, с богами и богинями.

Он всё ещё удивлённо смотрит туда, где стоят Мэв и Люцента, и останавливается, чтобы поднять ладонь. Он поворачивает руку.

— Будто очистился слой моего сердца.

Виолетта смотрит в небо. Кажется, она не может выдержать взгляда Магиано.

— Нет, — говорит она. — Аделина обменяла свою жизнь.

Даже когда осознание ударило в Магиано, он не осмеливается признать это вслух. Вместо этого, они все застыли в снегу, пытаясь понять вес слов Виолетты, надеясь, что это не так, и что Аделина как-нибудь появится из леса и вернётся к ним. Но она не появляется.

Магиано делает незаметный кивок головой, затем отпускает Виолетту. Он медленно сползает вниз, чтобы сесть в снег.

В первый раз Рафаэль увидел Аделину во время штормовой ночи, которая изменила её жизнь и, более того, мир. Он вспоминает, как смотрел из окна в его жильё в Далии и увидел девушку с серебристыми светлыми волосами, вызывающую такую иллюзию тьмы, какую он ещё не видел ни разу. Он помнит тот день, когда она пришла в его покои в Эстенции, когда был жив Энцо, и она ещё была невинна, то, как она смотрела на него неуверенным, поврежденным взглядом. Как давно это было. Как он неправильно судил её.

Рафаэль оглядывает поляну, ища оставшуюся фигуру. Он смотрит вверх и вниз, надеясь увидеть следы на снегу или тени в лесу. Он хочет ощутить энергию жизни, хочет определить, где она находится. Но даже тогда, он знает, что есть лишь единственный ответ.

Аделина ушла.

Виолетта Амутеру

После того, как она ушла, я вложила в свои ножны её меч, накинула её плащ на свои плечи, несла её сердце в своих руках и, почему-то, шла дальше.

— *Путешествие Тысячи Дней, Лиа Наварра*

* * *

Меня зовут Виолетта. Я сестра Белой Волчицы, и я та, что вернулась.

Это молчаливое путешествие через горы Карра. Рафаэль сказал, что течение времени в бессмертном царстве отличается от течения в нашем мире. То, что было похоже на вспышку молнии для нас, было месяцами для солдат Мэв, но даже так, они оставались и преданно ждали её возвращения всё это время. Я смотрю на то, как она улыбается и встречает свою армию, когда они радостно приветствуют её. Рафаэль стоит рядом с нами, его выражение лица серьёзно и спокойно. Наше возвращение проходит нелегко.

Пустое пространство между мной и Магиано ранит нас обоих, между нами нависает молчание, которое никто из нас не может нарушить. Мы идем без разговоров. Мы смотрим, не видя. Мы едим без наслаждения. Я хочу сказать ему что-нибудь, приблизившись к нему во время вечернего костра, но я не знаю, что мне сказать. Какая в этом разница? Она ушла. Всё, что я могу делать — поднимать свои глаза к небу, к звёздам, ища свою сестру.

Время, может быть, здесь различается, но моя богиня дала мне обещание. Наша собственная сделка. Я обыскиваю и обыскиваю небо, пока меня не накрывает сон, пока я обыскиваю снова следующую ночь, и следующую ночь. Магиано молча наблюдает за мной, когда я делаю это. Он не спрашивает, что я ищу, хотя, я и не могу сказать ему. Я слишком боюсь расшевелить его надежду.

Одной звёздной полуночью, когда мы отправляемся в Кенетру, я нахожу Магиано, стоящего в одиночестве на палубе, склонившего голову. Он движется, затем отворачивается, когда я присоединяюсь к нему.

— Судно слишком неподвижно, — бормочет он, будто я спросила, почему он проснулся. — Мне нужны волны, чтобы нормально выспаться.

Я качаю головой.

— Я знаю, — отвечаю я. — Ты тоже ищешь её.

Мы стоим, глядя на звёзды, отражающиеся в спокойном море. Я знаю, почему Магиано не смотрит на меня. Я слишком сильно напоминаю ему её.

— Извини, — шепчу я, после долгого молчания.

— Не надо. — Печальная улыбка затрагивает его губы. — Она сама сделала выбор.

Я отворачиваюсь от него и снова изучаю созвездия. Они особенно яркие этой ночью, видны даже три луны, зависшие в большом золотом треугольнике. Я нахожу Лебедя Компазии, изящную дугу звёзд, выделяющуюся в темноте, как факел. Я приклонила колени своей богине, умоляя захлебывающимся от слёз голосом, и она дала мне обещание. Что, если

этого не было? *Что, если всё это было нереальным? Что, если всё это мне привиделось?*

Затем Магиано выпрямляется рядом со мной. Его глаза сосредоточены на чём-то далеком.

Я тоже смотрю. И, наконец, вижу то, что ждала.

Там, заметно в небе. это новое созвездие. Оно состоит из семи ярких звёзд, попеременно синих и оранжево-красных, образующих стройную пару петель, которая выстраивается с Лебедем Компазии.

Мои руки прикрывают рот. В моих глазах появляются слёзы.

Когда Компазия сжалась над своим возлюбленным, она спасла его от утопления мира и подарила место в небе, где он превратился в звёздную пыль.

Когда Компазия сжалась надо мной, она достигла Преисподней, коснулась плеча Моритас и попросила у неё прощения. Тогда Компазия взяла мою сестру в свои руки и подарила ей место в небе, где она тоже превратилась в звёздную пыль.

Магиано смотрит на меня, его глаза широко раскрыты. Кажется, будто он уже понимает что-то.

— Моя богиня дала мне обещание, — шепчу я.

Только сейчас я осознаю, что никогда не видела его плачущим.

В легенде, Компазия и её возлюбленный спускаются каждую ночь со звёзд в смертный мир, прежде чем исчезнуть с рассветом. Поэтому, вместе, мы ожидающе смотрим в небо.

На протяжении нескольких месяцев, цвет замечательных золотых глаз Магиано стал карим. Его зрачки остаются неизменно круглыми.

Сапфировые пряди Рафаэля стали чёрными, как крыло ворона, смешиваясь с остальными волосами. Его драгоценного цвета глаза, тот, что цвета мёда под солнечным светом, осели в одинаковой паре изумрудно-зелёного цвета. Волосы Мэв, наполовину чёрные, наполовину белые, постепенно становятся светло-русыми. Ногти Мишеля, когда-то исполосанные чёрными и синими полосами, стали человеческого цвета.

Глаза Серджо поменяли свой серый цвет на лесной карий. И тёмные, закрученные линии вдоль рук Люценты, светлели и светлели, пока однажды и вовсе не пропали.

Молодая Элита была вспышкой света в штормовом небе, мигом тьмы перед рассветом. Она никогда не существовала раньше, и никогда не будет существовать в будущем.

По Эстенции, Кенетре и остальному миру исчезают последние прикосновения Кровавой лихордки бессмертного мира, оставляя меньше различий между мечеными и немечеными. Но вы никогда не сможете её забыть. Я слышу её в наших голосах — звук другой эпохи, воспоминания тёмных времен, когда в мир проникла бессмертная сила.

Шесть месяцев после того, как мы вернулись в Кенетру, когда спускаются сумерки, я останавливаюсь в дворцовых садах и вижу Магиано, закидывающего два завернутых полотна на лошадь. Он останавливается, когда замечает меня. После недолгих раздумий он склоняет голову.

— Ваше Величество, — говорит он.

Я складываю руки перед собой и приближаюсь к нему. Я знала, что этот день настанет, но я не думала, что он уйдет так скоро.

— Ты можешь остаться, ты знаешь. — начинаю говорить я, зная, что мои слова будут напрасны. — Во дворце всегда есть место для тебя. Если ты чего-то хочешь, скажи мне, и оно будет твоё.

Магиано издаёт смешок и качает головой. Золотые украшения в его косах издают

музыкальный звон.

— Люцента вернулась в Бельдайн со своей королевой. Возможно, теперь моя очередь.

Люцента. По всему океану королева Мэв постановила, что её будущим преемником станет её племянница, новорожденная дочь её брата Августина. Таким образом она, наконец, может свободно вступить в брак с Люцентой, возвращая Танцующую с Ветром в страну, которая когда-то изгнала её.

— Я всегда был странником, — добавляет в тишине Магиано. — Мне неважно здесь, во дворце, даже в такой прекрасной компании. — Он делает паузу, и его улыбка смягчается. — Пришло время мне уйти. Меня ждут приключения.

Я буду скучать по звуку его лютни, по легкости его смеха. Но я не пытаюсь убедить его остаться. Я знаю, по кому он скучает, по кому мы оба скучаем; я видела его одного в саду на закате, сидящего на крышах в полночи, стоящего у пристани на рассвете.

— Остальные. Рафаэль, Серджо. они хотят увидиться с тобой, прежде чем ты уйдешь, — говорю я вместо этого.

Магиано кивает.

— Не волнуйся. Я попрощался с ними. — Он изучает мое лицо, как часто это делает. ища проблеск моей сестры. — Аделина хотела бы увидеть, как ты несёшь этот факел. Ты будешь хорошей королевой.

Я опускаю голову.

— Я боюсь, — признаюсь я. — Мне всё ещё нужно многое исправить. Я не знаю, смогу ли сделать это.

— На твоей стороне есть Серджо. В советниках у тебя есть Рафаэль. Это довольно грозная команда.

— Куды ты пойдёшь? — спрашиваю я.

Магиано опускает руку и поднимает глаза к небу. Это стало привычкой, теперь я инстинктивно поднимаю взгляд ввысь, как и он, к небу, где начали появляться первые звёзды.

— Я собираюсь следовать за ней, конечно же, — говорит Магиано. — Как только появится ночное небо. Когда она появится на другой стороне мира, я буду там, и, когда она вернется сюда, я буду здесь. — Магиано улыбается мне. — Я прощаюсь не навсегда. Увидимся снова, Виолетта.

Я улыбаюсь ему в ответ, затем шагаю вперед и обхватываю его шею. Мы крепко обнимаем друг друга.

— Тогда, до скорого возвращения, — шепчу я.

— До скорого возвращения.

Затем мы отодвигаемся друг от друга. Я оставляю Магиано одного, чтобы он подготовился к отбытию, его сапоги уже смотрят в ту сторону, где в небе появляется созвездие Аделины. Надеюсь, когда он вернется, она вернется вместе с ним, и мы сможем увидеть друг друга вновь.

Сказка рассказывается одинаково королевской властью и бродягами, знатью и крестьянами, охотниками и фермерами, старыми людьми и молодёжью. Сказка появляется со всех уголков мира, но не зависимо от того, где она рассказывается, она остается той же самой историей.

Парень на лошади, бродящий в ночи, в лесах, на равнинах и вдоль берегов. Звук лютни разносится в вечернем воздухе. Над головой, в ясном небе, простираются звёзды, яркие покровы настолько светлы, что он протягивает к ним руку, пытаясь прикоснуться к ним. Он останавливается и спускается с лошади. Затем он ждёт. Он ждёт ровно до полуночи, когда в небе появляется свет нового созвездия.

Если ты очень тих и не отводишь взгляд, то ты можешь увидеть самую яркую звезду в созвездии, постоянно становящуюся ярче. Она становится ярче, пока не превосходит каждую звезду в небе, становится ярче, пока, кажется, прикасается к земле, а потом свечение исчезает, и на его месте появляется девушка.

Её волосы и ресницы окрашены серебром, а одну её сторону лица пересекает шрам. Она одета в шелка Морских Земель, а на её шее сверкает ожерелье из сапфиров. Некоторые говорят, что давным-давно, у неё был принц, отец, друзья. Другие говорят, что она когда-то была злой королевой, повелевающей иллюзиями, девушкой, которая пронесла тьму по всем землям. Остальные же говорят, что когда-то у неё была сестра, и она сильно любила её. Возможно, всё из этого правда.

Она идет к парню, склоняя на него голову и улыбается. Он наклоняется, чтобы поцеловать её. Затем он помогает ей есть на лошадь, и она уезжает с ним в далекое место, пока их становится не видно.

Разумеется, это всего-лишь слухи, и ничто больше, чем история, которую рассказывают у костра. Но её *рассказывают*. И поэтому они живут.

— *«Полуночная Звезда», народная сказка.*

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Благодарности

Меня часто спрашивают, была ли вдохновлена кем-то Аделина, и мне всегда немного стыдно признаться, что, хоть у нас с Аделиной разные жизненные обстоятельства, она полностью сформирована из меня самой.

Мои истории — это всё, кем я была и кем являюсь. Они то, о чём я сожалею, чем я горжусь, и на что хочу быть похожей. Так что, Аделина — это я. Она — воспоминание о всех тех временах, когда я злилась или печалилась, грустила или разочаровывалась, и о всех тех людях в моей жизни, которые терпеливо и доброжелательно вырвали меня из этого.

Не буду врать, эта серия была самой трудной из тех, которую я когда-либо писала. Я хочу поблагодарить многих людей в моей жизни, кто помог мне в этом пути на личном и в профессиональном плане:

Моему агенту и борцу, Кристин Нельсон — Спасибо тебе за то, что всегда путешествуешь вместе со мной, с той самой первой конференции писателей много лет назад! Аделина не могла бы существовать без изначального материала; я бесконечно благодарна, что знаю тебя.

Моему невероятному редактору и другу, Джен Бессер, — Спасибо тебе за то, что направляла мою девочку Аделину, даже через её мрачные моменты. Ты вдохновляешь миллионами способов.

Кейт, редактор — Я не преувеличиваю насколько благодарна за всё твоё внимание и понимание!

Мой гениальный редактор (copyeditor), Энн — Ты протвоположный Джон Сноу: ты знаешь всё, особенно то, как заставить меня улыбаться.

Мариса, я не знаю, как тебе удается делать так много, но ты делаешь, и я не могу не поблагодарить за это.

Неповторимым, неудержимым и задиристым командам Putnam, Penguin, Speak, моим интернациональным издателям, моему наипрекраснейшему съемочному агенту Касси Евашевски, моему невероятному продюсеру Айзеку Клауснеру и команде Temple Hill, обществу книжных магазинов и библиотек, учителей, и всем, кто что-то вложил в эту историю, кто борется каждый день, ломая барьеры:

Спасибо Вам. Я должна вам больше, чем могу сказать.

Спасибо, дорогая Эми, за то, что прочитала первые черновики этой книги и за то, что ты такой невероятный друг. Onsenmosis!! (не знаю, переводчик выдаёт с яп. おんせんもんしs — Утреннее солнце) ДжейДжей, мой самый первый писательский друг, я бесконечно благодарна тебе за поддержку, сообразительность и удивительность. Тахери и Рэнсом, спасибо вам за ваш смех и тепло, за бесконечную доброту.

Лею — Человеку, который просто освещал комнату, спасибо за то, что ты всегда знаешь, как подбодрить меня и заставить смеяться.

Кесси, Холли, Саре и Элли: я помню, как боролась с грязными водами этого проекта вместе с вами, и я бесконечно благодарна за вашу помощь, мудрость, проницательность, остроумие (и К-драмы).

Сэнди — Думаю, что ты видела самые ранние проекты которые были у Молодой Элиты; спасибо за все те слова (и за то, что ты такая удивительная).

Ками, Марджи и Мэлл — Вы набор доброты в этом мире. Я так горда, что знаю всех вас,

и я вдохновляюсь вами каждый день.

Моему мужу, Примо — Я люблю тебя за каждый чудесный момент.

Моей маме, Андрэ и моему fam bam, за вашу неизменную поддержку и любовь.

Моим друзьям, без которых я не знаю, что бы делала. Я вспоминаю каждый момент, насколько мне повезло.

И наконец, моим читателям:

Спасибо вам огромное, огромное, огромное за то, что следовали со мной в этом путешествии, и за возможность, рассказывать вам свои истории.